

СЕРГЕЙ РУСИН

**Ленточки
странствий**

СЕРГЕЙ РУСИН

Ленточки странствий

ИРКУТСК
ООО «АРТИЗДАТ»
2016

УДК 82-32(397)
ББК 84(2Рос-Рус)
Р88

Издание осуществлено в рамках гранта
Русского географического общества

Автор выражает особую благодарность своему однокласснику Сергею Роленкову (средняя железнодорожная школа № 9 г. Нижнеудинска, 1963–1973 гг.) за финансовую помощь в издании этой книги.

Русин С. Н.

Р88 Ленточки странствий. — Иркутск: Издание
ООО «Артиздат», 2016. — 256 с.: ил.

Таежные кочевые оленеводы и охотники — тофы — самая малочисленная народность нашей страны. Изустное искусство рождало мифы, помогало таежникам регулировать отношения с природой, искренне понимать и приспосабливаться к горно-таежной жизни, способствовало удаче в делах. Если верить преданиям, они приручили северного оленя. Тофалария почти неизвестная страна, этот край удивителен, разнообразен, неповторим. Очарование первозданной природы сочетается с загадочным миром внутренних переживаний и движением душ таежников. Откройте книгу, как приоткрывают двери в незнакомое жилище, раскрывая тайну взаимоотношений человека и природы, и погрузитесь в красоту Тофаларии.

УДК 82-32(397)
ББК 84(2Рос-Рус)

© Русин С. Н., текст, фото, живопись, 2016
© Урбаханов В. Э., обложка, 2016
© ООО «Артиздат», оформление, 2016

ЛЕНТОЧКИ СТРАНСТВИЙ

Таежник Чогду внимательно смотрел на небо и горы взглядом опытного кочевого таежного оленевода и охотника. Вечерняя заря устало догорала, приобретала безбрежную красную окраску. Над перевалом Мус-Даг-Дабан небо расцветало багряными, переливалось ярко-желтыми оттенками. Среди горных пиков поникшее солнце садилось в тучи в предчувствии сна. Таежник читал признаки ненастной погоды, облачной, с обложным дождем, возможно переходящим в снегопад с ветром. Перевал закрывался, и необходимо несколько дней переждать плохую погоду. Таежник привязал к дереву зеленую ленту — символ земли и собрался кипятить чай с багульником и развел костер. Дым от него стелился по земле подобно кедровому стланнику. Угли костра ярко тлели. Звезды не жились и плохо просматривались, мерцая красноватым и синим светом. Олени жадно поедали ягель в запас и вскоре легли. Таежник заметил, на какую сторону ложатся олени, и ждал ветер с этой стороны. Собака Чурегёш поела траву, искупалась в воде, покатавшись по земле, легла спать у костра. На огонь костра слетелось много

насекомых. Ночью ветер дышал из долины в горы, образовавшийся вечером туман поднимался вверх к гольцам. Под утро похолодало, и перевал закрылся плотной белой завесой. Таежник постелил оленью шкуру на землю в чуме, готовился спать не одну ночь. Я использовал вынужденную остановку для творчества и начал рисовать портрет, рассматривая детали. Под шум дождя таежник достал когти и сухожилия зверей, чтобы мастерить из них амулет. Работая, думал, как безопасно

перевалить через высокогорный перевал, и образы приходили ему в видениях, добавляя яркие детали в рисунок амулета. С амулета свисали разного цвета ленточки. Почувствовав, что я заинтересовался лентами, старый кочевник рассказал о них.

Однажды по снегу таежник с лайкой Чурегёш гнал соболя. В верховьях каменистого ручья он наткнулся на берлогу бурого медведя. Внимательно осмотрел отверстие в звериное логово. Медведь крепко спал. В декабре зимнее солнцестояние, самый короткий световой день, начинается время охоты на берлоге. К небольшому кедру с царапинами от когтей медведя привязал белые полоски ткани, совершая промысловый обряд, призывая удачу на будущей охоте, попросив разрешения, чтобы духи дали добыть мясо. Прошлой, самой долго продолжающейся ночью во сне таежнику привиделось, что он превратился большого медведя, а затем в медвежонка. Сон напоминал об осторожности. Спустив собаку, ее поведение удивило охотника. Собака виновато смотрела в сторону. Таежник сам прислушивался, как ведет себя медведь. Он знал, что нельзя зря беспокоить и мучить зверя, это не любят духи охоты. Вдруг ему показалось, что слышит тонкий писк маленького медвежонка. Он осторожно подполз к челу берлогу и стал всматриваться через отверстие вовнутрь. В темноте представил, что видит прижавшегося

4

к медведице малыша. Медвежонок был похож на бурый шарик с блестящими черными любопытными глазами. По-детски жалобно малыш пищал. Приговаривая: «Братишка, возвращайся на гору», — таежник в шоке отполз от берлоги. На это место он больше не подойдет беспокоить семью медведей. Просил дать прощение, приговаривая, что не снимет с братишки шубу и не возьмет лишнего с тайги. Медведя считал родственником, но и боялся, как Хозяина Тайги, и за плохое отношение ожидал мести. Почтительно привязал красную ленточку, символ жизни, на ветке кедра у входа в берлогу, выражая дань уважения. Цветная ленточка говорила, что здесь берлога медведицы с медвежонком, и воспринималась как место под покровительством духа предка.

В марте власть солнца с каждым днем возрастала, и природа вновь возрождалась. Наступил день весеннего равноденствия, и таежник кочевал к своим родовым Святилищам — возносить просьбы и подносить ленты Даятелю пушнины и зверя. На Священных скалах с наскальными рисунками предки запечатлели историю взаимоотношений его рода и природы. Таежник привязал к камням полоски синей ткани, символ неба. Он полагал, что жизнь присутствует во всех окружающих предметах. Душой наделены камни, деревья, скалы, ветер, река, земля, то есть все вокруг. Он и сегодня почитает Черного Гуся как Небесную Птицу. В далекие

времена Небесная Птица из воды доставала камни, создала Са-яны. Прекрасные горы ей понравились, и она сделала их своим любимым гнездом, где снесла небесные яйца: луну и солнце.

Из солнца родился Солнечный Олень, а из луны родился Лунный Медведь, ему на небе было тесно, и стал прогонять Оленя. Солнечный Олень убегал быстро и на следующий день вновь возвращался. В этой погоне Лунный Медведь всегда отставал. Сильному зверю захотелось иметь

на своей лапе большие когти, как пальцы у человека, с ними он надеялся поймать Солнечного Оленя. Да имей такие когти, он бы среди зверей главным стал. Медведь пришел к Небесной Птице и просил, чтобы наделила его когтями. Подумав, Небесная Птица предвидела, что Медведь с большими когтями много лишнего наделает на земле и небе. Запугает Оленя и всех зверей, переломает тайгу и разроет горы. Но, несмотря на сомнения, дала медведю когти, а оленю дала рога-лучи, чтобы его издали все видели. И наказ медведю сделала: помогать кочевому роду, сохранять порядок, не позволяя бездумно уничтожать таежные ценности. Согласился с условиями Лунный Медведь и получил пять когтей, напоминающие ладонь человеческой руки. Радостный стал бежать за Солнечным Оленем, когтями оставляя много следов на небе, а они превращались в яркие звездочки. Однажды бродяга Лунный Медведь догнал убегающего по небу Солнечного Оленя, и от затмения стало темно на небе и земле. От золотого блеска Солнечного Оленя глаза Лунного Медведя ослепли, не заметил Черного Гуся и когтями поцарапал крыло. Раненая Небесная Птица, зацепившись о скалы вершины горы Алхадыр, покатила вниз, сдирая свои перья об острые камни. Камни горы осталась без ягеля и багульника, они почернели от перьев Птицы. Без перьев

Небесная Птица превратилась в прекрасную девушку. Лунный Медведь сожалел, что ранил прекрасное создание, и кинулся вниз, сдирая шубу о скалы, спасать Небесную Птицу. Без шерсти он превратился в юношу-охотника. Без перьев и меха не могли подняться на небо, и на черных камнях горной тундры основали стойбище, где и появился род таежников. Кочующий по небу Солнечный Олень подарил им покрытых золотистыми пятнами маленьких оленят. С оленями род Черного Гуся каждый год в день летнего солнцестояния поднимается на гору, чтобы поблагодарить Солнечного Оленя и вспомнить путь, по которому спускались с небес по скалам Небесная Птица и Лунный Медведь.

Под лучами палящего солнца, и под колючими ветрами, и ледяными дождями кочевал Таежник с оленями по горам. На золотисто-рододендровом участке высокогорной тундры, свободном ото льда и снега, где цветы росли выше деревьев, где из камней были выложены лучи, поставил чум, терпеливо ожидая день летнего солнцестояния. Солнце появилось на северо-востоке. Чогду отметил эту точку каменными лучами. Эти каменные отметки позволяли ему надежно ориентироваться и сверять свой путь во время кочевков. День летнего солнцестояния совпал с днем низкой луны, новолунием и солнечным затмением. На небе появился черный круг в обрамлении сияющей короны. Таежник рассматривал красоту солнечной короны. Розовые протуберанцы, и тонкие оттенки, и блистающие детали короны притягивали его взор. Пролетали царапающие Солнце хвостатые кометы. Медленно сумерки сгорали огнем красной зари, и Солнце вскоре предстало во всем своем величии, светя почти белым светом, окрашивая вершины гор золотистыми оттенками. Эта космическая картина мира отражалась в чистых водах горного озера. Близость двух светил, их соединение и отражение в воде давали таежнику возможность вдохнуть жизнь в совершаемый им обряд, наполняя силой осуществления все желания. Внутренний настрой объединялся сознательно Золотом Солнца и подсознательно Серебром Луны. Из уходящей самой короткой ночи пролился на таежника мелкими каплями морозящий дождик. Далеко сверкнула на мгновение вспышкой молния. В сердце засветились самые смелые кочевые надежды

несущим свет восходящим по тропам перевалов и вершинам гор солнцем, сияющим над Саянами. Таежник приступил к совершению обряда посвящения Хозяину Гор лучшего оленя. На шею оленю повесил веревочку, к которой привязал желтую ленточку, символ солнца, и просил Небесную Птицу оберегать прирученных оленей. Сколько ленточек повесил таежник на шею Посвященного оленя, столько и оленей было в стаде. Посвященного оленя он назвал Солнечным. На этом олене не ездил верхом, не перевозил грузы и не спиливал ему рога. Ходит счастливый олень свободно по высокогорной тундре в вершинах Саян, и вольные ветры развевают цветные ленточки вокруг его шеи, напоминая лучи золотистого солнца.

Постепенно власть солнца с каждым днем уменьшалась. Саяны готовились к зиме. Собирались в стаи перелетные птицы, и начинался листопад. В сентябре приближалось время гона быков северного оленя. Ко дню осеннего равноденствия, когда ночь равна дню, Таежник прибыл к месту проведения Малого

Суглана, запастись продовольствием и всем необходимым для зимнего промысла. Его собака старела, но он еще не торопился готовить смену, не выбирал щенка. Несмотря на скудность еды в тайге, собаку кормить не забывал. Ежедневно кипятил воду в котелке и заваривал муку. Такую болтушку Чурегёш ела хорошо. Старая собака сама подкармливалась и бегала проверять, где упал старый козерог со скал, и если находила мясо, наедалась досыта. Возвращалась всегда вовремя, но ее не было несколько дней. Таежник волновался и пошел искать собаку по следам. В верховьях каменистого ключа нашел ее в петле браконьера. Замкнутый таежник сильно загрустил. На Суглане узнал, что у знакомого охотника лайка собиралась щениться. Охотники Тофаларии собаками не торговали, но таежник надеялся, что для него найдется лишний щенок. Ему великодушно разрешили выбирать нового щенка. Он бережно взял понравившегося малыша на руки. Проверил прикус у малыша, постав конечностей, рассмотрел полосы на черном нёбе — все вроде показывало, что собака будет рабочая в тайге. Осмотрел форму головы — уши вставали. Туловище было не растянутое. Глазки блестели, шерстка была чистой и лоснящейся, животик был в меру упитанным. Внешних повреждений не обнаружил. Достал немного мяса белки и заметил, как щенок встрепенулся от дикого запаха. Стал внимательно смотреть на поведение щенка. Щенок двигался легко и ровно, он был активен, любопытен и игрив. Поднял щенка и держал за хвост, и щенок подтянул голову к руке. Отнес маленького братишку на десять метров от чума, и щенок ползком вернулся на свое место. Щенок оказывал к таежнику дружелюбие и расположение, ластился и вилял хвостом. Все говорило о признаках универсальной лайки. У всех собак характер разный, но талант и умение в тайге не пропадут. Сказал хозяину, что берет щенка и отблагодарит за него после промысла. Таежник привязал к малышу оберегающую белую ленточку Небесной Птицы, символ надежды. Положил братишку за пазуху, ближе к сердцу, и покочевал в свою родовую тайгу. Шагая по тропам высокогорной тундры, придумал для выбранного любимца имя Алактай с теплой надеждой, что оно положительно будет влиять на его таежную судьбу.

ПРИРУЧЕННЫЙ ОЛЕНЕНОК

Кочевые таежные оленеводы и охотники Тофаларии считают своего оленя очень чувствительным и крайне бережно с ним обращаются. На зимний промысел таежник Чогду отправился с последним быком и двумя оленями. Промышлял один день верхом, а другой день пешком, жалел и давал отдохнуть оленям. Легко и плавно ездил на олене без всякой спешки. Не бил нежное существо, чтобы заставить оленя бежать скорее, пугал голосом. Но случилось так, что бык упал с вьюком на льду, другой олень провалился под лед. Они были незаменимые помощники при охоте на зверей, водящихся в Саянах. С ними таежник кочевал по крутым горам, каменным россыпям и летом, и на зимний промысел. Олень придавал таежнику подвижность в тайге и носил на своей спине. Без оленя таежник стал пеший таежник. С высокогорной тундры осенью кочевал рядом с оставшейся последней оленницей в родовую тайгу.

Сентябрьская перекочевка совпала с брачным оленьим гоном. В день осеннего равноденствия навстречу оленихе из тайги вышел красивый самец, дикий северный олень из ред-

кой популяции лесного подвида. Опытным взглядом оленевода отличил дикого северного оленя от домашнего. Бык был более насторожен, пуглив, окраска его меха была однообразна, серовато-бурая, грива белая. Это грациозное, сильное животное вызывало восхищение у таежника. Длина тела дикого оленя была метра два, высота до полутора метров, вес тела составлял килограмм двести. Его движения сопровождалось ревом и громким стуком рогов о кедры и несли скорее мирный, ритуальный характер. Он бил копытами, ломал ветки, обдирав кору деревьев, вырывал траву, рыл землю, помечал свою территорию перед оленихой и показывал, насколько он хорош и силен. Влечение дикого самца северного оленя к оленихе заставляло забыть опасность и страх. Дикого оленя не испугала ни собака Алактай, ни присутствие человека. Таежник остановился, отозвал Алактай назад. Развьючил олениху, посыпал ей солью спину, снял узду и отпустил к дикарю. Таежник знал, что все остальное зависит от силы и храбрости самца. Таежник с Алактайем осторожно отошли в сторону, спрятавшись за валежник, встали табором. Таежник пил соленый чай и мастерил амулет «Приручение Олененка», ласково рисуя новую линию жизни, а Алактай, наблюдая и оценивая творчество, преданно лежал рядом.

Дикий олень галантно ухаживал за оленницей, добываясь ее симпатии, и как ураган подходил и покрывал домашнюю самку. Таежник считал нежелательным дикий приплод, непослушный получается олененок и трудноприручаемый. Но он помнил легенды стариков о приручении оленей, в которых говорилось о том, что домашний олень — потомок дикого. Чогду не стал стрелять и ждал окончания брачных игр дикого и домашнего оленей. Во время игры самец ничего не

ел, а когда все закончились, похудевший красавец избавился от своих красивых рогов, сразу убежал в вершины Саян, оставив оленницу с таежником. Она ходила опьяненная, и таежник подвел ее к костру и заставил долго смотреть на огонь, дожидаясь, когда она придет в себя. Смена времени года заставляла таежника перемещаться туда, где лучше оленице, где лучше условия питания. Зимой они промышляли пушнину и зверя, а весной нашли удобное для отела место. Его таежник выбирал заранее, где снег уже успел растаять. Это оказалась ровная площадка, где достаточно ягеля, в устье крупного ручья. Оленица питалась весной не только ягелем, но и молодой травой, карликовой березкой и ивой, жимолостью, мхом с деревьев, грызла сброшенные рога из-за нехватки минеральных солей. Кочевал с оленицей таежник пораньше для того, чтобы она привыкла к пастбищу, и сделал для нее солонцы. Она паслась вольно, на стойбище появлялась, чтобы насытиться солью.

Таежник на рога оленице привязывал оберегающую ленту. Беременность оленицы продолжалась почти восемь месяцев. И в конце апреля таежник почувствовал, что оленица начинает тельиться, дату точно он не мог знать. Это зависело и от

состояния погоды, от упитанности. Утром он обнаружил ее уход со стойбища в тайгу. Оленица не появилась на стойбище два дня, и таежник понял: ушла тельиться. Отправился на ее поиски. Таежник хорошо знал местность и точно угадал, где должна отелиться. Она выбирала возвышенное ровное место под вековым крепким кедром

на сухой осыпавшейся хвое. Осторожно подошел к оленице и определил, в каком состоянии олененок, если он здоровый, крепкий и пасется с матерью, можно попытаться перегнать их

к стойбищу. Но олененок оказался слабенький, и таежник оставил их еще на несколько дней, чтобы олененок окреп. Он не стал переносить олененка на стойбище. Если его перенести, то оленица будет искать олененка вокруг места отела. И олененок без молока может погибнуть. И все делал так, чтобы оленица с олененком сами пришли на стойбище и не стали добычей хищников, ослабленные, не погибли по пути, не потонули при переходе через большие ручьи, не зашли в курумы. После отела оленица сбросила рога и нуждалась в соли. Таежник посыпал малыша солью и остался ночевать рядом. Олененок не мог даже подняться и дотянуться до сосков, чтобы насытиться. Таежник начал помогать слабому новорожденному, бережно выхаживал его. Слабого олененка регулярно посыпал солью, чтобы оленица вылизывала его досуха, сухому малышу становилось теплее.

После этого сразу начинал кормить, для этого придерживал оленицу, чтобы она не крутилась, и приподнимал олененка к соскам. После рождения отпустил оленицу, не волнуясь, что далеко не уйдет. Таежник начал приручать олененка. Старался чаще погладить, приласкать, поговорить с ним. Рассказывал ему тофаларские мифы и сказки, носил на руках, убаюкивал, как человеческого ребенка. Давал соль и сухие грибы, понимая, что только ласковым отношением можно сделать его ручным, а не диким. Играя с ним, аккуратно

надевал на него мягкую уздечку. В ласковых и заботливых руках олененок начал подрастать, крепнуть и привыкать к таежнику. К концу второй недели жизни слабый олененок начал ходить за матерью, хотя на ногах еще плохо стоял и качался, но с каждым днем кости его крепили и он набирал в весе. Олененок активно бегал за оленицей, кормящей его молоком, и за ласками заботливого таежника. На стойбище обязательно олененок или оленица находились на привязи. Если олененок пасся, то оленица была на привязи, и наоборот. Летом таежник, оленица, олененок и Алактай перекочевали на летнее стойбище в Белогорье, где с заснеженных вершин дуют прохладные ветры, отгоняющие насекомых. Таежник старался не терять тропу и не перепутать с ведущей к скальным сбросам и осыпным препятствиям. При движении обо встречались вдоль тропы, и таежник положил в них камешки как жертву духу горных вершин, чтобы снискать покровительство в путешествии. В однообразной тундре обо являлись единственным ориентиром в пути. Таежник

не спешил во время перекочевки, не давал уставать малышу, на трудных участках тропы нес его на руках. Охраняя и защищая их от главных врагов — бродячих собак, волков и росомах, выбирающих для своей добычи слабых и выбившихся из сил. Хищники буквально шли по пятам за ними, подыскивая случай напасть на еще не окрепшего малыша. В высокогорной тундре в вершинах Саян таежник днем и ночь охранял своих оленей. Олененок питался молоком матери. Оленица с удовольствием ела ягель. Под лучами летнего солнца, обдуваемые ветрами, нещадно битые ураганными ледяными дождями, кочевали они по тундре рядом с куропатками. На золотисто-рододендровом участке горной тундры, свободном ото льда и снега, где цветы росли выше деревьев, где из камней были выложены лучи керексур, таежник поставил чум. Рожки начинали пробиваться на голове малыша. В день летнего солнцестояния, танцуя от счастья, таежник украсил рожки оберегающими лентами цветной материи.

В августе в горах очень хорошо. Среди ягеля и ползучей березки на сплошном брусничном ковре появились красные макушки бесконечных россыпей грибов. В пойменных долинах рек с низкорослым березовым редколесьем и сырых тенистых зарослях осины выросли подосиновики, желто-бурые подберезовики и сыроежки. Грибы — лакомство для оленей, и таежник, не удерживая их в вершинах, перекочевал на осенние пастбища рододендровой тундры. Поедая сочную мясистую мякоть грибов, ягоду и карликовую березку, олененок окреп. В день осеннего равноденствия к оленихе и малышу вернулся с огромными ветвистыми рогами дикий папа северный олень.

ЛАСКОВЫЙ ХИЩНИК

Год выдался урожайным на кедровый орех, и в родовой охотничьей тайге таежника Чогду стало много грызунов — основного зимнего корма соболей. Охота на соболя с первого снега пошла успешно. Снег в октябре был неглубоким, и собака быстро загоняла зверька на дерево, а иногда ловила его. Найдя свежий след соболя, заново пускал по нему собаку, а сам двигался за ней верхом на олене. Собака Алактай — верный помощник и хорошо гнала соболя по следу. Если соболь уходил на дерево, собака садилась под ним и начинала лаять, подзывая хозяина. Таежник подъезжал не спеша и, не спрыгивая с оленя, прицеливался, стреляя в голову зверьку, чтобы не испортить шкурку.

Если соболь замечал раньше преследование собаки, укрывался в валежнике, дупле или каменных россыпях, то таежник разжигал костер. Дым от костра выкуривал зверька. Затаившийся соболь от запаха дыма выскакивал, и таежник его подстреливал. Если соболь задыхался от дыма, таежник вытаскивал его руками. Если зверька не удавалось пой-

мать, то охота продолжалась дальше, и таежник ночевал в тайге.

В начале декабря несколько дней шел снег, и снежный покров оказался настолько глубоким, что добывать соболя с лайкой стало невозможно. Собака проваливалась в снег и не могла достать лапами твердую почву. Ехать на Суглан было невозможно, все перевалы закрылись снежными карнизами. Таежник остался зимовать в горах, а для отлова зверьков решил поставить самолов. Чтобы приманить зверька, установил неподалеку в кедраче с естественным препятствием кормушку с приманкой. Для этого забил вышедшего из работы и негодного для кочевой жизни и охоты старого больного оленя. На его шубе, легкой, пушистой и очень теплой, стал спать, постелив на землю в чуме. А мясо использовал для корма собаки и для приманки зверьков. Подтащил и оставил часть туши у кормушки. Сделал большой круг по тайге на олене, потаскав привязанный за веревку небольшой кусок свежего мяса, чтобы зверьки по запаху обнаружили приманку. С помощью лапки ранее добытого соболя сделал вокруг приманки отпечатки. Утром таежник подошел к приманке, по свежим парным крупным отпечаткам понял, что зверьки приходили к кормушке и можно на их тропках поставить ловушку.

Характер соболя такой, что, пробежав в одну сторону, обязательно вернется след в след. Капканы, смазанные специальной смесью, приготовленной из змей, таежник поставил в снегу под свежий след, тщательно замаскировал и припорошил снегом. Заметая свои следы, быстро удалился и стал ждать. Прикормленный соболь без опаски подошел к кормушке и попал в капкан. Началась сибирская пурга в день зимнего солнцестояния, но таежник решил идти осмотреть ловушку сегодня. Завтра можно найти лишь несколько клочков соболиного меха от драгоценной добычи, съеденной жадной росомахой или хитрой лисицей. Таежник подошел к приманке. В капкане бился драгоценный зверек. Изящный, красивый, с пышным и шелковистым мехом соболь. Попался редкий черный соболь, ведущий полукочевой образ жизни. Таежник любовался храбрым и подвижным зверьком. Взгляд зверька свидетельствовал об уме и любопытстве. На мордочке соболя сменялись различные выражения,

и просматривалось желание выйти из трудной ситуации. Таежнику показалось, что зверек просит у него помощи. Приспосабливаясь к самым тяжелым жизненным условиям, таежник сам

стремился выживать в суровых условиях и почувствовал сострадание. Вокруг бушевал снежный ураган, и таежник на мгновение задумался и решил: на международных аукционах пушнины обойдутся и без этого красавца. Он никогда лишнее с тайги не брал и освободил зверька из капкана.

Поврежденный ловушкой зверек не убежал, а лег у ног таежника. У ослабленного одинокого зверька много врагов в глухой тайге. Всегда соболем могут полакомиться рысь и сова. Таежник забрал зверька с собой, решил подлечить и вернуть к таежной жизни. В соболях никто не видел домашних животных, только пушнину, а он принес зверька в чум, накормил мясом рябчика, соорудив гнездо с травяной подстилкой, приказал Алактаю охранять его.

Прошли сутки. Снегопад не прекращался. Втроем сидели в чуме, соболь и Алактай, грелись у костерка, вытянув лапки, а таежник пил чай и рисовал на амулете линии жизни. Внимательно рассматривал поворотные моменты прошлого. Спрашивал себя: кто он на самом деле? Вспоминал свои самые счастливые дни. Время медленно текло, и недоверие зверька сменилось на любопытство. Соболев быстро привыкал к таежнику. Было в нем что-то от ласковой кошки. Через несколько дней соболь ел из рук, запрыгивал на колени за едой. Иногда осторожно покусывал пальцы таежника, настойчиво урчал, требуя на обед мясо рябчика. Он подружился с Алактаем, иногда проявляя к нему холодность и незаинтересованность. С ним не было проблем никаких, он не пахнул, не копал землю и не прятался. Все проверял в чуме, как старый хозяин, приглушенно

урча. Весь чум превратился в пространство для игр. Отличный слух иногда заставлял выскакивать зверька под толщу сугроба, роя длинные подснежные норы, и он быстро возвращался в чум длинными прыжками. Лесной красавец оказался ласковый, нежный и очень игрив, проявляя наибольшую активность утром и вечером, зажигая своим азартом собаку Алактая и не давая скучать таежнику. Достаточно было повисить голос, темпераментный зверек быстро замыкался, проявлял недоверие по отношению к таежнику, но понимал, что делает что-то не так в данный момент, послушно исправлялся.

Закончился снегопад. В кедрчарах сугробы выросли с человеческий рост. Перевалы стояли закрытыми, делая кочевые тропы непроходимыми. Таежник не спеша кипятил чай. Отлично развитое обоняние зверька говорило, что у него на обед будет рябчик и кедровые орешки, сухой шиповник и пчелиный мед. Нежно благодарил за угощение и обижался, если его не погладили. Словно игривый котенок, соболь любил, когда его нежно щекотали. От удовольствия добродушный зверек весело смеялся, запрокинув голову с заостренной мордочкой. Зверек сильно привязался к таежнику, и если тот выходил из чума

за сухими дровами, зверек следовал за ним. Ходил за каждым шагом таежника, легко передвигался по рыхлому снегу, хорошо лазил по деревьям. Куда шел таежник, туда бежал

соболь. Одинокий и замкнутый таежник привязывался к новому другу с ласковым характером. Все трое чувствовали себя по-настоящему счастливыми. Окрепнув от жизни в чуме, ловкий и сильный хищник стал в одиночку уходить охотиться. Пищух, бурундуков соболь ловил, подкарауливая на снегу, подобно кошке. По следу нападал или гонял зайца. По-хозяйски проверял запасы орехов, сделанные бурундуками, белками, полевками, кедровками. Сыто наевшись, соболь возвращался и валялся на солнце около чума или у костерка, урча совсем как домашняя кошка.

Наступил март, погода становилась лучше. Таежник в воображении переносился в будущее, рассматривая небо, читал книгу приключений, скрытую за замысловатыми узорами из звезд, отраженных на поверхности снега. Таежник немного загрустил. Соболь полинял и выглядел тощим и поджарым. Игры стали более сложными, в зарослях стланика и среди каменных россыпей в мшистых кедровниках в верховьях рек, мяукая, он бегал с подругами. Соболь увлекся гоним, с момента весеннего равноденствия местом его игр стал родной дом, Саянская тайга.

СОЛНЕЧНЫЙ ЛУЧИК

Блеском снега перевала ослепленная, в высокогорной тундре в вершинах Саян, среди россыпей камней и ягеля, девушка племени Черных Гусей нашла ветвь рога северного оленя с расходящимися отростками. Острые ветви рога было покрыто спиралевидным нарезным орнаментом, состоящим из мелких насечек. Олени периодически сменяют рога, сбрасывая ранней весной вновь отрастающие к осени. Эти рога были необычны. Насечки на острие из рога созданы были с любовью. Вырезаны косые поперечные нарезки, разделенные неравными промежутками, с фигурками и выемками. Это был амулет — острие из рога с точками на поверхности, отверстием для подвешивания и мелкими насечками с нарезным орнаментом, напоминающим солнышко и лучик.

Рассматривая внимательно рисунок на рогах оленя, девушка осознала: эти надписи состоят из знаков, которые похожи на буквы и на символы одновременно. Воображение видело в насечках старое любовное письмо, где написана удачная охота, отел оленей, отметки светил, кочевки и созвездия. Необычно

отчетливо выделялись небесные светила и линии направления лучей и ямочки — точки созвездий. В них воображение девушек видело тропы, воспоминания у кочевого костра и рассказ

о жизни, написанный таежным языком об истории красивой таежной любви.

Холодной весной таежные оленеводы нашли в вершинах Саян ослабленное дикое животное, маленького беззащитного олененка. Забрали домой в поселок и стали лечить. Назвали его Солнечный Луч. Возвращать в дикий мир тайги не стали — без матери олененок не выживет. На слое опавшей хвои под вековым крепким кедром без движения олененок несколько дней лежал молча, со слезами на глазах смотрел, ожидая, когда ребяташки его покормят молоком. Девочка по имени Чары слабенького питомца старалась чаще погладить, приласкать, поговорить с ним, убаюкивала, как человеческого ребенка. Давала соль и сухие грибы, понимая, что только ласковым отношением можно оказать ему помощь. Помогала физически и духовно, переживая за него. Сплела из шелковых ленточек оберегающий амулет «Солнечный Лучик» и прикрепила на шею малышу. Линии таежной жизни, которые рисовали дети на амулете, напоминали узор надежды. В заботливых руках девочки окрепнув,

общительное животное стало ходить за ребятами по поселку. Он провожал и встречал девочку из школы. Даже присутствовал на уроках. Его ослепительные глаза цвета восходящего солнца выражали неповторимые впечатления, и мелкие белые пятна на его рыжеватой шкурке блестели светлыми цветками или проскользнувшими сквозь листву деревьев солнечными бликами, когда девочка рассказывала ему тофаларские легенды. Самым длинным был рассказ о солнечном лучике, который беззаботно искрился в огненной гриве солнца. Засмотревшись на бездонный купол синего неба, сорвался вниз сквозь порывы ветров и немигающих фиолетовых звезд. Лучик по мягкому рыхлому белому снегу горного склона скатился на дно зеленого луга, где протекал холодный ручей среди скалистых камней. Осмотревшись, лучик с радостью отдал цветам все свое тепло и свет. Цветы согрелись и окрасились в оранжевый и желтый — цвета солнца. Таежники назвали эти золотистые цветы горного багульника кашкарой. Летом девочка с олененком перекочевали на летнее стойбище, где с заснеженных вершин дуют прохладные ветры. Кочуя по тропам, не давали уставать малышу, на трудных участках и подъемах несли олененка на руках, охраняя и защищая от главных врагов — росомах и лис. На золотисто-рододендровом участке горной тундры, свободном ото льда и снега, где цветы росли выше деревьев,

где солнце появляется на северо-востоке, а заходит на северо-западе, словно путешествовало вокруг вершины почитаемой горы, на которой выложено руками таежников обо. Эти седые камни девочка украсила лентами цветной материи, свято веря в счастливую судьбу олененка, что он приспособится и будет жить там, где это ему жизненно необходимо, в горной среде, под охраной и защитой человека.

Олененок вырос и превратился в настоящего северного оленя, умного, выносливого и сильного, приспособленного к жизни в суровых горных просторах Саян. Влюбленный в небо и горы, он ушел на волю. Его рога — солнечная корона, знак счастья украшали не стойбище, а далекую горную тундру.

С момента весеннего равноденствия власть солнца с каждым днем начинала возрастать. Летние ночи становились короткие, и смелая девушка пошла охотиться и увидела на золотистом участке горной тундры стадо из пяти диких северных оленей. Таежному роду девушки нужен лучший олень, чтобы приручить его для обрядов добывания удачи. В надежде и страхе таежники сохраняли обряды и рождающие веру амулеты из оленьего рога как символ силы, чистоты, света, жизни, здоровья и возрождения. Девушка подкрадывалась к стаду диких северных оленей, накинув на себя шкуру волка, на которого оленю не обращали внимания. Подбиралась к добыче настолько возможно близко под прикрытием кустарника и против ветра. Она выбрала самого красивого, как солнце, оленя, погналась, догнала его. В бездонной вечности бескрайней бесконечности, в восходящем золоте солнца и серебре луны они узнали друг друга.

Они кочевали по тундре вдоль Черного Хана, по перевалам до прозрачных озер Эдер-Холь. В день летнего солнцестояния они перекочевали к своему родному стойбищу. Девушка привязала на его рога ленточки из цветной материи. Вспомнив заботливые руки девушки, Солнечный Лучик принял человеческий облик. В ультрамарине горных вершин они любовались золотистым восходом солнца. Восхищаясь фантастической красотой сияющей звезды. Линии восхода солнца изгибались, причудливо переплетаясь, создавая тропы для подъема небесных цветов, в форме прекрасной короны, напоминающей сплав дра-

гоценных металлов. Олень долго гостил на стойбище девушки. Во время танцев с девушкой он превращался в оленя и обратно в юношу, удивляя бывалых кочевых охотников.

«Хочешь жить жизнью вольного ветра?» — спрашивал олень таежницу.

Девушка согласилась. Любовь пришла неожиданно, ошеломляя своими сюрпризами. Олень подарил ей очень ценную иглу, изготовленную из рога. Она сшила себе платье из шкуры оленя. Поспешила надеть эту одежду и превратилась в такого же оленя, как он; и вместе они побежали в вершины Саян. Они кочевали с горы на гору. На вершинах они окунулись в туманы, окутывающие ее теплое чувство. Он учил ее на тропах смотреть на звезды, чтобы не замечать землю и не отставать. Туман иногда рассеивался, и сквозь него таинственно сгустками мерцали созвездия. Они оставляли насечки — следы на рогах, когда дружески покусывали рога друг у друга. Отмечали на кончиках рогов звезды, под которыми они гуляли, чтобы не заблудились и могли друг друга найти. Стараясь держаться подальше от волков, отвлекаясь от реальных проблем, они красиво влюблялись, живописно страдали и обретали райское звездное блаженство. У них не было друг от друга никаких

секретов. Любовь изменила ее и его к лучшему. Она даже не подумала о расставании.

«Не хочет ли она вернуться домой?» — спрашивал олень таежницу.

От прошлого никуда не деться, и она согласилась навестить свое племя Черных Гусей. И они побежали по тропам назад, к стойбищу. Наконец они достигли места, где впервые увидели друг друга. Здесь девушка сняла одежду оленя и снова обрела человеческий облик. Рядом лежала ее охотничья шкура волка.

«Не уходи, вольно кочуй», — страстно молил ее Солнечный Лучик, отражая в округлении глаз небо и тени гор.

«Останься в стаде», — молитвенно просила она, вдыхая свежий воздух гольца.

С момента осеннего равноденствия власть солнца с каждым днем уменьшалась. Саяны готовились к зиме. Собирались в стаи перелетные птицы, и начинался листопад. На мгновение таежница подумала, что сама героиня и исполнитель главной роли. Ее собственная жизнь позволит ей сохранить свое «я», оберегая желания и увлечения. Не стесняясь быть собой и заниматься тем, что нравится, отправилась на стойбище. Под грузом повседневных забот она вскоре стала чаще вспоминать вольные путешествия под звездами. Милые слова Солнечного Лучика напоминали, что она действительно любит, и чувства нисколько не изменились.

Солнце понизило полет своих крыльев над роскошью в снега одетых гор, в золотой красе очаровывая. В одиночестве девушка рассматривала звездный путь на амулете, составляющий из созвездий суть их совместного путешествия.

БИРЮСА

Кочующая по Саянам таежница по имени Бирюса из племени Черных Гусей считает, что в каждом животном есть индивидуальная жизненная сила, выраженная в мыслях. Их дух рождается в едином разуме Саян и присутствует в таежниках, зверях, растениях, скалах, ветре, звездах, Солнце и Луне. Все существа — братья таежников. Но есть животные, которые поражают воображение людей. С давних времен таежники почитают волка, видя в нем сверхъестественное существо. Девушка восхищалась выносливостью и ловкостью матерого зверя. Волки всегда умели достигать поставленной цели. Преследовать свою добычу ловкие звери могли очень долго, такая выдержка и упорство всегда нравилась и учила таежницу.

Многие таежники хотели получить знания и мудрость от волков. Они воспринимали весь горный мир как единое живое существо. И были рады молодому горному волку, который пытался в поединке победить жадную росомаху. Но, получив раную рану, волчонок убежал в расщелины скал и спрятался под каменной нишей, где его нашла таежница Бирюса.

Волчонок от своих серых братьев отличался пушистой черной шерстью и длинным хвостом, почти достигающим земли. Волчонок оскалился укороченной, заостренной мордочкой, повернутой в сторону таежницы, но взгляд выражал страдание. Девушка ласково сказала, что перевяжет рану и вылечит красавца. Уши у волчонка стояли на голове, и он внимательно слушал каждое человеческое слово. Перевязанного малыша пришлось нести на руках в высокогорное стойбище, где милому зверьку оказала серьезную медицинскую помощь. Охотничьи

собаки вначале не хотели принимать в свою семью волчонка, но строго выполняли приказ хозяйки охранять его. Таежница с детства умела воспитывать и лечить в случае необходимости хищных питомцев. Волчонок выздоровел и в благодарность увел девушку в покрытые снегом горы в исток каменистой Черной реки, где жила его стая. Девушка надела на себя шкуру оленя, чтобы волки не почуяли запах человека, ее приняли за добычу волчонка, которую он добыл, намереваясь скормить маленьким волчатам. У логова таежница предстала перед волками в облике человека. Стая очень удивилась и собралась на совет решать его судьбу. На вопросы вожака де-

вушка ответила, что таежники из ее племени почитают волков за сверхъестественных существ и не охотятся на них, а учатся у них.

Волки настолько удивились доброте, мудрости и храбрости таежницы, что позволили жить в стае и участвовать в охоте. Девушка помогала умной стае добывать пищу. Участвуя в охоте, стала сильной, как волки, и узнала новые приемы и обряды охоты. Мудро выслеживали они оленей, и выносливые, ловкие матерые звери и всегда достигали поставленной цели. Преследовали оленей на охоте волки очень удачно, с сообразительностью, выдержкой и упорством. Распределяли тактические обязанности между членами стаи. Справедливо делили добычу. Волки знали все тайны таежной жизни, и таежница получила эти знания и мудрость, вернулась на стойбище, чтобы научить свое племя тайнам волчьей охоты.

На Суглане девушка рассказала о своих приключениях и дружбе со стаей волков всем таежным зверобоям. Таежники не поверили рассказу девушки и попросили ее пройти особые испытания на честность, сообразительность, выносливость и мужество. Нужно было девушке изобразить волка на охоте, рисуя жизнь в пространстве и времени, на тропах внутренних переживаний, понятных людям, животным и ветру. Очищая сердце, соединиться с духом брата-волчонка.

Таежница по имени Бирюса повесила на грудь подарок волчонка, амулет «Волчья Тропа», сделанный из кусочка шкуры, на котором красовались клыки и когти матерого зверя. С амулета свисали развевающиеся по ветру шесть ленточек. Пять лент были из разноцветной ткани и означали пять основных чувств молодого зверобоя: зрение, слух, обоняние, осязание, вкус. Движение красной ленточки развивало остроту зрения. Синяя ленточка давала тонкий слух. Желтая ленточка развивала чуткое обоняние. Зеленая ленточка развивала мягкое осязание.

Оранжевая ленточка улучшала нежный вкус. Шестая ленточка была белого цвета и означала шестое чувство, интуицию охотника. Клыки и когти зверя символизировали препятствия.

Белая ленточка помогала ориентироваться в четырехмерном пространстве, в мире событий охоты, явлений, состояний. Заглядывать в будущее, прогнозировать события, управлять ситуациями. Ленточка была чистого белого цвета и означала, что это чувство необходимо было развивать на протяжении всей таежной жизни. Напоминала о хорошей привычке работать над собой. Белая лента была невидимый ее советник. В танце таежница как во сне с открытыми глазами разыграла охотничью ситуацию на медведя-шатуна. В воображении она поставила перед собой цель перестроить свой характер. Понимать надвигающиеся опасности и прочитывать охотничьи шансы, но не навредить природе.

Белая ленточка предупреждала о надвигающихся опасностях и извещала об охотничьих шансах, которые нельзя упускать. Жизнь тайги сложна и труднообъяснима, но что испытала таежница, было ближе всего к чуду. В воображении она поставила перед собой цель очистить характер от лени, невежества и предрассудков, преодолеть препятствия на пути к настоящей

охотничьей жизни, на благо племени. Ленточка амулета шестого чувства развеивается по ветру на груди таежницы, воспринимая малейшие колебания мысли и рисунок воображения. Таежница представила себя на месте медведя-шатуна, который охотился на оленей. Почувствовала то, что чувствует медведь, и старалась распознать его эмоции. Самовнушение заставило ее сердце биться быстрее, открыв возможность для действия шестого чувства. Ушли внутренние суждения, тормозящие интуицию, а эмоции наполнили силой, удаляя упадок духа, нерешительность и страх. В доли секунды таежница решила сложную ситуацию воображаемой защиты оленей от медведя-шатуна. Вдохновение наполнило девушку охотничьим творческим воображением, и с мощью нового чувства ей под силу оказалось собственное преобразование. Она научилась обладать развитым чувством и получила шанс остаться в живых в повседневном выживании в суровых условиях, когда ежесекундно необходимо искать выходы из сложных положений. Экологически зрелая таежница поняла, что медведь достаточно умен, наблюдателен, хитер и лишнего со стада оленей не возьмет. Нападёт на слабого животного, он настоящий санитар, оздоравливающий стадо, освобождающий от больных, способных заразить здоровых северных оленей.

Таежники поняли, что девушка по имени Бирюса сумела услышать свой внутренний голос и довериться ему. В суровой таежной жизни интуиция будет нужна ей, как и всем их древним предкам, чтобы выживать. Если девушка у волков научилась обладать развитым шестым чувством, она будет иметь больше шансов остаться в живых в труднодоступных горных условиях. Таежники поверили честной девушке и были рады ее возвращению в родное племя. Реку с таежным характером, где жила волчья стая, назвали Бирюса в честь имени смелой девушки из племени Черных Гусей, вечно кочующих в ветре и солнце.

СЧАСТЛИВАЯ МЕЧТА

Пирамидами высятся горные снежники Алхадыра выше уровня синего неба и облаков. В блеске снегов выбирая тропу, таежник шагал с северными оленями. Жизнь таежного кочевого оленевода и охотника из племени Черных Гусей шла по вечному кругу — рождение, детство, зрелость и старость. Четыре времени года повторялись по бесконечному кругу — весна и перекочевка, лето, перекочевка и осень, зима, и снова весна, и снова перекочевка. Вся жизнь проходила у кочевого костра в чуме на оленеводческих стойбищах, среди гольцов, выше заоблачных и мечтательных снов, в суровой и леденящей красоте. У костра, за чашкой соленого чая с оленьим молоком приходили мечты, с которыми можно было чувствовать себя счастливым.

Прижимая к сердцу амулет, таежник Чогду тихо уснул. Чудесный тонко сотканный сон пришел к нему в предрассветный час. В движениях воображения таежник видел в небе бесконечность, мысли погружались в седую вечность протоптанными тропами петляющих от камней гор. Снились амулеты, дарив-

шие силы и чистые мечты. Таежник в видениях ощутил образы ягеля и багульника на гольцах, тумана влажную пыль над распадом. Скалы, снег, гольцы, небо, ручьи, туманы летали в глубине его черных глаз, встречая солнца блеск, отражение гольцов в снегах, звездный свет в далеких небесах, и чистый трепет и чудесные мечты, без преграды времени и расстояниям. В видениях к охотнику подошел белый, как горный туман, снежный барс — ирбис. У него были чистые синие глаза, мощная грудь и серебристо-белая шерсть с рисунком в виде крупных темных пятен и розеток. Молва старых таежников наделяла его человеческим разумом, и все считали родным братом, призраком охоты, тенью предков или, может быть, Духом Саян. Подсознательно ощутил страх, и трепет пробежал по коже. Он мгновенно вспомнил, правдива и честна ли его таежная история охотой добывающего пропитание для жизни и какие мечты греют его сердце. О чем болит его таежное сердце, и какие мысли лечат его, чтобы пойти навстречу желаниям сердца. У него было несколько мечтаний. Просто желания, по каким-то причинам не выполненные в момент их рождения, он ленился, и они еще не воплотились в жизнь. Было желание кочевать с оленями и Алактам в тундру, навестить давних друзей изюбря и медведицу с малышами, это осчастливило бы их. Он вспоминал бы об этой встрече достаточно долго как об одном из наиболее приятных моментов в кочевой жизни. Таежник продолжал во сне мечтать. В глазах таежника отражалось небо, туманы подымались ввысь, опускаясь хрустальным мечтательным дождем на вечные хребты и перевалы, растворяя пространство и время в звездопаде странствий души, оставляя обнаженными нервы и стремление по тропам с оленем идти.

Благодаря воображению таежник рисовал красивые образы в разуме. Мечты захватили дух и уносили его прочь от реальности. Он не обращал внимания, что не понял еще свою большую мечту, но желание было одно, чтобы мечта сбылась. Как в счастливом детстве, не было во сне пределов мечтаний. В его чуме еще висели детские рисунки оленей, волков, барсов, медведей, и подобно этим рисункам как в калейдоскопе мелькали мечты. Таежник вырос и перестал думать о детских мечтах. Стал понимать реальность и осознавать, что просто так ничего

не сбывается, что нужно трудиться, чтобы мечта осуществилась. Чтоб достичь цели, нужно много работать. И забывал о своих наивных мечтах. Так жить было намного легче, забыл и не нужно стараться. А тайга требует немного: всего лишь быть мечтателем, мечтать больше, чаще и оставаться верными своим мечтам. Ведь если постоянно думать о своих целях и стараться, то и большая таежная мечта сбудется. Мечты — самое ценное, что есть у охотника, они зажигают в его душе огонь, заставляют кочевать по бесконечным горным тропам и туманным перевалам и не чувствовать никогда усталости.

Светлая большая мечта есть таежная мечта и у таежника. Это самое заветное желание, исполнение которого сулит счастье. Он сказал ирбису, что в воображении много мечтает, но перенести все трудности ради таежной мечты нелегко. Таежник мечтает обойти все сложность жизни и не закрываться от страха перед опасностями. Мечтает не разочаровать таежных друзей и остаться верным природе. Мечтает сердцем быть чистым, быть

верным охотничьим традициям, обрядам удачи и потому быть достойным доверия. Зря деревья не рубить, траву не мять. Мечтает любить братьев своих зверей, небо, скалы, беречь их и не предать. Лишнее с тайги не брать. Детенышей зверей и птиц не трогать, беречь медведицу с малышами. Мечтает с радостью в сердце не думать о том, что надо быть осторожным во время опасности и не помнить ограничения человеческой жизни, выживая в суровых условиях. Мечтает поддерживать тепло сердца изнутри, когда вокруг знойный холод. Бережно относиться к природе и сохранить отзывчивость, трудолюбие, терпимость, простодушие, доброту. Мечтает сердцем видеть красоту во всем вокруг себя и сосредоточить свою жизнь на вершинах гольцов и призывать помочь серебро Полной Луны и золото Ясного Солнца.

Белый ирбис ответил, что мечта таежника прекрасна, и важно, чтобы он готов был идти к ней, и нет ничего в высокогорной тундре невозможного. Если того, о чем таежник мечтает, еще нет в вершинах гор, значит, оно появится. Все, что можешь представить себе, таежник, можно достичь, если помнить, что мечты сбываются.

Проснулся таежник и понял, что зимы в горах суровы, а их вершины — опасны. Ирбис чувствовал себя как дома на опасных склонах. Таинственное существо, о жизни которого мало что известно. Молва старых таежников наделяла это существо человеческим

разумом и считала родным братом. Таежник воспринимал весь горный мир как единое живое существо, он и сам уходил в горы для сбора лекарственных трав по следам снежного барса. По-

шел сильный снег, который не прекращался в течение многих дней и ночей, завалив все окрестности, и закрыл перевалы, отрезав тропы ко всяческим перемещениям по горам до весны. Засыпала звериные тропинки разгульная метель. Прodelав длинный путь со снежного сугроба на сугроб, после долгих поисков пути таежник заметил логово снежного барса в укромной пещере, скрытой от посторонних глаз. В сильном снегопаде таежник подумал, что это волк, из-за сероватого окраса, но, присмотревшись, отчетливо разглядел гордого, красивого барса. С очень длинным хвостом и короткими лапами. Длина тела вместе с хвостом была более двух метров. Окраска зверя прекрасно маскировала его в естественной среде обитания: среди темных скал, камней, белого снега и льда. Снежный барс, сонно открыв глаза, обернулся и посмотрел на охотника. Таежник испытывал необычные ощущения, барс не агрессивное животное, хотя ловкий хищник. Падали отдельные снежинки. Малыши ирбиса беззаботно играли, валялись в снегу. Число детенышей в помете было пять. Съезжали малыши на спине

с крутой скалистой горки, быстро переворачивались, кувыркались и падали в сугроб на все четыре лапки. Котята играли, а мать устранилась у входа пещеры. На человека не напала, и таежник почувствовал, что барс не опасен. Снежный барс с виду холодный и строгий, а в душе понимающий, любящий, уважающий, обожающий.

На малышей снег производил сказочное впечатление и был взрыхлен и утоптан. Снежные барсы урчали, шевеля длинными белыми усами в лучезарной картине беззаботного детства. Хорошенькие малыши с голубенькими глазками почти не отличались от обычных котят. Барсенок-непоседа прыгал среди снега цвета сапфира, делал вид, что борется с ним, поскользнулся и покатился вниз в ущелье. Время падения малыша растянулось, и таежник почувствовал волнение: возможно, с ним что-то случится. Таежник поймал падающего малыша и положил неосторожного зверя на снег. Посмотрев на малыша, ласково мяукнула мама. Таежнику нравился маленький, беспомощный барсенок. Испуганный малыш был раскрашен крупными сплошными буроватыми пятнами на спине и сильно пицал в поисках матери. Гордо прищурился глаза, мама возлежала под скалой, наблюдала, затем вышла из пещеры, утопая в снегу, направилась вверх по скале в гору, показывая таежнику выход из снежного плена. Встреча со снежным барсом предзнаменовала важное событие, которое должно сыграть в жизни таежника особую роль. Этот день он назвал День снежного барса.

ЦВЕТЫ ТУНДРЫ

Кочуя мимо обо и наскальных изображений, встречающихся у троп на горных перевалах, на горных хребтах, на берегах рек и озер. Совершая обряды и подношения в виде камней и ленточек из цветных тканей. Старый таежный кочевой оленевод из племени Черных Гусей, перекочевывая с озер Додота по тропам Додо-Ишхэ, перевалил врата перевала Хурэгтын-Дабан и по узкой тропе, через горы, направлялся в верховьях Холбы. Таежник спешил. Он должен прибыть на сопки с красными лугами, где росли заветные цветы расцветающей радости, до дня летнего солнцестояния.

Сонные звезды, роняя свет на горы, просыпались в бирюзе. Ветер приносил журчанье ручья и чудесный запах расцветающих цветов. Таежник, вдыхая аромат тундры, сидел у кочевого костра, кипятил воду и растирал кирпичный чай в порошок. Он с детства привык пить чай с оленьим молоком, маслом, мукой и солью. Для отдушки чайного напитка добавлял сухие цветы горного багульника саган-дайля. Благодаря приятному и сильному аромату и небесному вкусу эта трава придавала чаю

удивительный яблочный аромат. Летом запасы кончались, и охотник кочевал на тайные луга высокогорной тундры в вершины Саян — собрать новый урожай душистого багульника. Он знал способы лечения травами, которые употребляли звери при своих недугах. Проникнуть в секрет ему удалось, выслеживая больных животных. Не один раз видел, как раненый зверь приходил отлеживаться в заросли живительного гольцевого багульника и со временем выздоравливал. Остался еще один дневной кочевой переход к священным лугам, и таежник остановился отдохнуть. Грел, сидя у костра, уставшие ноги и ощупывал амулет, на котором красовался маленький мешочек с легендарной горной травой. Когда оленивод брал его в руку и мягко сжимал, амулет выделял тонкий аромат горного лета.

Мешочек был наполнен целебными травами год назад, и сегодня не потерял чудесный запах, но предки завещали таежнику амулет наполнять молодыми цветами трав нового урожая. Амулет носил таежник, как украшение, на одежде, иногда помещал на оленя или в жилище, иногда вешал на стойбище. Искусство изготовления амулета он освоил с детства. Детали образа амулета подсказывались ему вещами снами. Таежник мастерил травяные амулеты из ткани, напоминавшие по форме птицу, обшивал и украшал перьями. Амулет наполнял высушенной травой, продлевающей жизнь. Подбирал

ткань нужного цвета, чаще белого, который означал защиту, очищение, спокойствие. Завязывал мешочек с травой ленточкой красного цвета, который означал здоровье. Выбирал для мешочка заботливо ткани из натуральной материи типа хлопка. Ткань использовалась не всегда. Бывали тяжелые времена, когда траву носил в меховых мешочках. Состав из трав иногда менялся, к багульнику добавлял другие травы. Животворный амулет иногда зашивал в одежду, чтобы защититься от болезней. Каждый год таежник наполнял амулет молодой лечебной благоухающей травой. Отслужившую траву рассыпал в огонь костра.

Несколько дней таежник кочевал тайными тропками по заснеженным горам и туманным перевалам, искал и собирал цветы багульника. Поиски животворной травы уводили таежника от забот и суеты. Высокие скалистые горы, мягкие альпийские луга, стремительные реки, бездонное небо золотисторододендровой горной тундры поражали первозданной чистотой и свежестью. Устав от тяжелых кочевых переходов, таежник пил отвар душистых цветков, чтобы снять усталость в ногах. Ароматный багульник, раскрывая бутоны цветов, рос высоко в горах, на каменистых склонах. Эти луга всегда были секретными и доступны только ему. У кочевого костра чай своим дурманящим ароматом расслаблял тело таежника, и в золотых грезах он впадал в высокогорный транс, видел прекрасные, удивительно нежные и бесконечные благоухающие грезы.

Холодной и лютой зимой кочевой таежник нашел раненную Небесную Птицу. Принес на руках беспомощную птицу в теплый чум. Обмыл отваром травы рваную рану у птицы. Целительные цветки высушил в тени, растолок в тонкий порошок, смешал с пчелиным медом и приложил к ушибам. Добавлял один полезный листочек и цветок на чайник для заварки и поил им птицу. Ухаживал, лечил и кормил, и у птицы исчезли боли, вялости и бессонница. Чудесной способностью в птицу вселилась сила и бодрость.

Весной открыли лепестки чудесные цветы, и птица настолько окрепла. Развязав ленты Джалама, кочевник на волю вольную отпустил символ лучистого солнца и бездонного неба, скорости и свободы, благородную птицу. Счастливая птица полетела

к солнцу, сливаясь с лазурью неба в ароматном дыхании гор. Благодарная птица, парящая в поднебесье с распростертыми крыльями, не забыла доброту кочевника и стала помощником в его таежных кочевках на горных перевалах и лугах высокогорной тундры, где он собирал новый урожай лекарственных трав.

Влюбившись, птица в образе юной красавицы явилась к кочевнику. Счастливые, они кочевали вместе по тайге среди распростертых гор. Облитые лучами солнца, смеясь, шумели в разноцветье лугов. С улыбкой встречали рассвет и вечерний свет звезд. Чудесно светило им в глаза ласковое светило и благоухали кивающие им дивные цветы любви. Однажды охотник решил кочевать в высокие, покрытые туманом горы, оставив красавицу одну на стойбище. Опустились тучи дождевые на вершины гор. Одиноко и скучно стало птице на опустевшем стойбище. Горный мир превращался в унылую блеклую пустыню. Птица полетела следом за родным ее сердцу таежником. Долго летала и искала в молочно-белом тумане и в дымке бирюзовой гор любимого и не нашла. Искала у кромки леса и в буреломах и чащах таежных дебрей, устремлялась сквозь каньоны и глубокие ущелья. Вернулась на стойбище, снесла яйцо, из которого вышло на свет Солнце. Парило Солнце в небе, над горами, помогая птице искать любимого, ярко светило изо всех сил. Птица летала в солнечных лучах, стараясь рассмотреть в туманных каньонах кочующего охотника. Но не могла увидеть его в покрытых белой завесой распадках и расщелинах. Солнце видело огорчение птицы и запылало, как расплавленный металл, что каплями слезы стали падать на горы. На камнях слезы солнца прорастали в виде маленьких белых лепестков цветов ароматного багульника, напоминая белые крылья птицы. Таежник, кочуя по туманным тропам, увидел солнечные цветы, вспомнил о том, что птица ждет его.

ГРЕЗЫ ТУНДРЫ

С годами постаревший таежник Чогду решил пожить оседло. Всю жизнь он занимался таежным кочевым оленеводством и охотой, а в старости остановился пожить в широкой долине. Летом его олень не может выносить жару, паутов, мошку, и с ним каждый год таежник кочевал в высокогорную тундру Белогорья, к вечным снегам Саянских гольцов. К зиме таежник снова спускался в тайгу для пушного промысла. Это была вечная кочевая жизнь по бесконечному кругу троп. С годами такой режим жизни, который устанавливал олень, стал для таежника трудным.

В бродячей жизни у таежника было много оленей, но пожив несколько лет оседлой жизнью, остался у старого таежника один последний олень. Он был белого цвета, высокий и выносливый. В долине олень щипал молодую травку у болота и стал упитанный, блестящий и развесистый. Каждое утро таежник угощал его солью и поглаживал. Олень нежился, млея и мычал. Всматриваясь в глаза оленя, старому таежнику иногда казалось, что у оленя есть высшие переживания, воображение и

привычка видеть сны. Не смотреть, а именно видеть, замечать, запоминать, играть с ними. Наступало еще одно оседлое лето, нежнее стал запах у цветов, голоса птиц зазвучали красивее, луга превратились в море ярких цветов, заново можно было влюбиться. А оленю грезилась перекочевка из теплых радостных долин на однообразные вершины Саян к вечным снегам на высокогорную тундру. Приходили прекрасные, чарующие грезы, вспоминал тропы, ведущие к счастью. Те самые волшебные места, где исполняются не только все желания, а даже и все мечты. В воображении возникало переживание единства и ощущение полнейшего слияния со всем миром гор и неба.

Олень ощущал, что он находится за гранью времени и пространства, за гранью жизни, и мог наблюдать за самим собой таежник в тундре со стороны неба. Тундру он ощущал, как нечто знакомое и притом неведомое. Его мечты не были направлены на их выполнение. Олень грезил о счастье, радостном, заманчивом, фантазии соединялись с потребностями и желаниями. Олень представил, что вошел в тундру, стал на мох и предался размышлению. Мысли его незаметно несли к небесам и звездам. Олень думал о благополучии кочевой жизни, о том, как бы хорошо было жить на гольце, на берегу реки Утхум, и кочевать вдоль снега, что можно оттуда видеть все Белогорье. С собой олень бы взял мечты из далеких снов, его сердце замирало, почти не билось, вдруг счастье снова ему улыбнется. Когда на гольце он встретит оленницу и она скажет, что мечтала, чтобы к ней подошел он и нарисовал ей сны белых облаков, и скажет, что хочет узнать, что такое нежность. Олень не мог понять. Что думает таежник о горах? Когда они будут кочевать? Скоро горы они увидят? А быть может, и не увидят совсем. Таежник без оленя смотреть может, но гор не увидит. Тоска, грусть по тундре вошли в сердце. Поник олень. Он решил, что сожаление — единственный способ, которым он может привлечь внимание таежника. Конечно, он не сказал об этом. Олени вообще ведь не говорят. Олень только боялся и сильно прижался к таежнику, как будто ему сделали больно. Он никогда не бодался, не лягался и не кусался, всегда был робким и нежным. Он в отчаянии. С мечтою о вольной таежной жизни, ощущением свободы птицы трудно расстаться.

Разочарованный оседлой жизнью олень, не нашедший достойного места в долине, он все чаще стал предаваться грезам. Олень стоял, смотрел неподвижно на горы и небо, не отрываясь; мысль его переходила в созерцание; он ни о чем не думал, но какая-то тоска волновала его и мучила мечта, создавая в воображении картины.

Без хорошего оленя и таежник всегда слабел. В тайге без оленя ему делать было нечего. Олень перевозил все имущество таежника, его самого. В Белогорье жил натуральным хозяйством, в тайге было много мяса, а олени кормили таежника и молоком, и маслом, и жиром. В вечных передвижениях и перемене мест в поисках ягеля для оленя таежник не брал ничего лишнего, ничего тяжелого. Кочуя, где растет ягель по мшистым склонам, окруженными высокими скалами. От чума к чуму на новое стойбище, останавливался на открытых солнцу сухих открытых террасах. Вспоминал кочевки с зимних пастбищ, и удобные для отела места, и рождение оленят, беззащитных, нежных, пугливых созданий. Питался не только ягелем, но и молодой травой и карликовой березкой и ивой, жимолостью, грибами, мхом с деревьев. Кочевал вольно, на стойбище появлялся, чтобы насытиться солью. Олень одевал таежника в свои шкуры, давал ему сухожилия, чтобы сделать из них нитки и сшить амулеты. Оленью шкуру подстилал таежнику на землю и спал на ней. Промысел проводил верхом на олене и даже по соболиному следу и к берлоге медведя подбегал, не слезая с него. Никто лучше таежника с оленем не мог освоить Тофаларскую тайгу.

Олень загрустил, выглядел несколько утомленным и сбитым с толку, и его огромные глаза потускнели. В них перестали отражаться горы и небо. Таежник пришел в изумление, наблюдая мистические переживания оленя. В замешательстве и огорчении он не знал, что делать и как помочь другу. Почувствовал привязанность, жалость, стыд и раскаяние и просил прощения за то, что был иногда раздражителен и пренебрежителен. Таежник стал лечить оленя. Лечение не помогало. Просил прощения и уговаривал выздороветь. Украсил его шею своим любимым священным амулетом «Грезы Тундры». Амулет был старинный и приносил счастье и удачу в горах. Таежник стоял и смотрел

на своего оленя, а затем дотронулся кончиками пальцев и почувствовал, что он был очень чувствительный и ранимый. Вдруг улыбка приятными мурашками прокатилась по спине и расцвела на мордочке оленя. В ответ таежник заулыбался. Он ласково и бережно гладил оленя. Большая слеза скатилась по загорелому лицу и упала на ягель. Олень улыбался ему в ответ. Ему было сильно нужно простое человеческое тепло. Мысленно олень представил и вообразил действительность. Словно во сне мелькнули назидательные кошмары, подобно далеким вопросам не разуму, а мудрому сердцу оленя. Молнией пролетали самые вероятные сценарии с волками, гнусом, медведешатуном, они крутились и меняли друг друга, и в каждом случае таежник защищал его. Спасал от укусов мошки, комара, мокреца, кочуя с ним в Белогорье, где дуют холодные ветры, где в жаркий день можно найти на северных склонах горных хребтов скопления прошлогоднего снега и отдохнуть до вечерней прохлады. Таежник жалел оленя и никогда не отпиливал

ему рога, даже если они выросли тяжелыми, ветвистыми и мешали пастись, кочевать и охотиться.

Олень выкармливал детей таежника своим молоком, но если их постигнет неудача на промысле, олень готов был, чтобы его

закалывали, и мясо его спасло бы род от голода. Осталось много позади троп, и то, что ждало впереди, имело малое значение в сравнении с тем, что находится внутри их сердец. Огромные глаза вновь отражали горы и небо. Ласковая тень надежды дала возможность ждать счастья, какого

олень сам не знал. Все вокруг виделось совершенным. Ведь в конечном итоге они едины. Отрицательные эмоции, досада, огорчение, неуверенность казались глупыми, основанными на заблуждении. Исчезновение страха удивило необычные ощущения оленя, оно позволило почувствовать столь полную свободу, о существовании которой он даже не подозревал. Возникло чувство глубокого единения, слияния с миром тундры и позволило вместить в сердце все окружающее горы и небо.

Таежник покочевал с оленем в вершины Саян. Он сердцем чувствовал, что его внутренний мир зависит от благополучия его последнего оленя. Он не сможет достичь гармонии сердца, проявляя равнодушие к чувствам своего самого преданного друга. Проявляя чуткое отношение к животному, он понял: это тепло вернется к нему в будущем. В тундре зацветет много ярких цветов, и ветер будет ласкать их безмятежность.

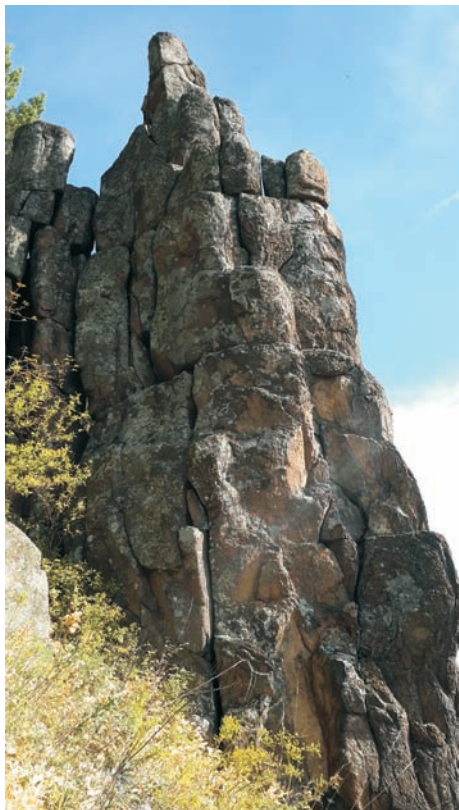

ПЕРЕКРЕСТОК МИРОВ

Освящает по тропам далекий маршрут перевал Тулэгтаг-Даба, и бурлящий Зун-Обо-Гол, одетый в кедровые леса, голец Мунку-Сасан снегами подпирает небеса, по Тиссе каждый шаг тяжелый труд, у прозрачных озер Сайлаг-Дабана кружится голова от величия гор. После долгих кочевых странствий по дальним странам таежник Чогду стоял на Перекрестке Миров. Тропа проходила по перевалу Хурэгтын-Дабан на перепутье Таргэтэйи, далее в Холба и Додо-Ишхэ, пересекалась с другими тропинками Хойто-Ока, к ней примыкали озера и разветвления на разном уровне, она с воображаемыми трудностями огибала горы и соединялась с удаленными звездами. Таежник ясно не знал, зачем привела его тропа в это место и в чем смысл его существования, но его мучила мечта о Мирах бесконечной радости. Он верил в свой звездный час, и что жизнь его засияет в ночи забвения, поменяются миры, и он вернется к простой и понятной счастливой жизни. Развилка меняла его мышление и тянула к родному чуму на стойбище под бездонным небом, по минувшему, утраченному. Межзвездному счастью. Он

осознал: световое загрязнение движет все человечество в крошечный мрак. Люди перестали видеть звезды на небе. Включая искусственный свет больших городов, они делали себя незрячими.

Всеми овладело ложное чувство превосходства, и все выбирали материальные интересы и быстро забыли свои обязанности перед первоизданной природой.

Таежник мечтал о связи земли и неба, о возвращении в первоизданный рай. Он представлял, какие прекрасные звезды, солнце и луна будут помогать ему в вечной блаженной жизни в гармонии с Мирозданием и нетронутой временем, болезнями, страданиями, ссорами. Он перекочевывал Сады-Дабан по рисунку далеких хребтов узоров, далее по Утхуму мимо островков далеких легенд и стихов, гору Хан-Бургут в солнце и снеге. Таежник смотрел в высоту горы Алхадыр, рядом с ней все

развилки на тропах вели в Тофаларию. У Священной развилки остановился, в воображении таежник кочевал в первоначальный Райский Мир, существовавший до нынешнего времени. Когда его дом был Земля и Небо, где таежник и его астральное племя Черных Гусей вели беззаботное райское существование, принесенные звездообразной кометой, посланной Всевышним. Он подобно родоначальнику, предку Черному Гусю, принимал различные формы в виде животных, летал по звездным тропам, в мир духов Млечного Пути. Но вел себя и мыслил как

человек и как Небесная Птица. Это был для таежника период счастья, где легко ловились звери, где обильны воды рыбой, а луга ягодой. Жизнь текла без запретов и обманов. Не было ни добра, ни зла, ни законов, вечная блаженная жизни без времени. Таежник был счастлив настолько, насколько мог осознать счастье. Помогали вершины гольцов не терять тропу, сглаживали неровности, разгоняя наплывшие облака, туманы перевалов. Белок Алхадыр вновь показался в дали, светлой мечтой гора засияла снегами, и солнце стало теплей, и ярче цвели цветы. В движении сердца суть племени Черных Гусей, и таежник, себя побеждая, вновь старался себя обрести. Кочуя в настоящем времени, таежник увидел общую картину мира и собственной жизни. Он стал смертным и вынужден ежедневно трудиться, чтобы прокормить себя и свое племя, заниматься охотой и кочевым таежным оленеводством. Он ощутил себя единой частью с природой, где все существа его родные братья, и он относился к ним, как равным. Не потерял способность, общается со всеми. Он разговаривал со скалами, водой, птицами, зверями, ветром, хвоей, облаками. Для него они все живые.

Но всматриваясь в небо, удивлялся высшему порядку и хаосу на земле. Мечтал: если принести порядок с неба на землю, можно освоить небо заново. Горы, равно как и чум, представлял себе как Вселенную, а сам таежник находился

в центре Мира. В модель своего жилища, обозначенное место небесами, чертил положения созвездий, вращающихся вокруг его стойбища. Чум ставил выходом на восход, и солнце ударило ему в лицо, выходя из-за гор на восходе. Таежник стремился сердцем в космос. Порядок небесный и земной означал для него связь между ними. Но небо оставалось сотворенной загадкой. Таежник видел небо, но не кочевать и прикасаясь к Звездным тропам. Многие зависело от неба, смены суток, сезонов, и он мог рисовать спирали, пронзенные солнечным лучом, на амулете «Межзвездное Счастье». Чертить циклы луны и солнца, зимнее, летнее солнцестояние и отметить полярную звезду. На амулете рисунком тропил тропу по Перекресткам миров. Стремился сам создать себя в этом бесконечном мире и как главное богатство копил в амулете лучшие воспоминания. Но не мог кочевать во время рождения детей. Вел себя так, как будто он уже такой, каким хотел бы быть в астральном мире. Учился сначала давать природе, а потом получать с тайги, внимательно взвешивая чувства. Постоянно оставались дела, которые не успевал сделать, выполнить, закончить, возникали трудности и проблемы. Жизнь постоянно менялась. Если он достигал жизни, где нет проблем и переживаний, то тропа останавливалась. Таежник строил свое астральное счастье на постоянных вещах, на желаниях, которые не меняет время, искал счастье в проживании самой жизни и поиске. Но когда искал небеса в себе, уходило беспокойство, где найти счастье.

По хребту Хан-Бургут стояли каменные сооружения, ориентированные по сторонам света, и указывали ему тропу в направлении созвездия Млечного Пути. Таежнику возвращалась связь с будущим. Вдыхая воздух полной грудью, оленьим шагом тропу измеряя, туманов капли руками обнимая, к вершине шел по каменистой тундре. Бежал ручьем пот по коже, тропил таежник тропу, давно не хоженую. Кочуя в окончательный Мир по Звездным тропам Межзвездного Рая, таежник в воображении ощущал состояние абсолютного астрального совершенства и блаженства. Полюбил и принял сердцем всю Вселенную. Светящееся звездное пространство океаном повисло над головой и под ногами, он окунулся в белый мрак звездной облачности, а потом в темные сумерки ночи. Звездными тропами кочуя,

бесконечно уходя в небеса, покрытые звездными кучами, усеянные скоплениями созвездий, и мерцающие звездные туманы на темно-синем небосводе. Перед ним чередовались великолепные картины. Попасты на Звездные тропы оказалось очень просто, со Звездных троп очень трудно было вернуться на Землю. В окончательном рае таежник вновь переживал драму начала Мира, вспоминал связь с ранними этапами жизни, пересматривал моральные идеалы и ценности прошлого. Казалось, астральные цели достигнуты, и теперь он мог отдыхать и расслабиться с легкостью. Но каждый новый день был началом новой жизни. Он перестал искать счастье, оно лилось изнутри таежника. Он стал желать счастья другим, и каждая его мысль обязательно воплощалась в реальность.

А на гольцах царил тишина, пирамидами высятся снежники в солнечный полдень синего неба. В тени белков выбирая тропу, племя Черных Гусей шагает с оленями, и нет конца тропе, и каждый шаг — прошедшие мечты, а каждый вздох — движение судьбы тропой тишины в объятиях саянской красоты. В день своего звездообразного возрождения таежник сделал шаг с Межзвездной развилки и покочевал, ориентируясь Звездами, Лучезарной Луной и Пламенеющим Солнцем, по звездному пути, через тысячу небес и миров в загадочную обитель вселенского счастья. В свою первоначальную цельность, не знающую сознания, различия и познания добра и зла. Таежник Чогду осознал радость вместе с бескрайней Вселенной, в которой вечно кочует Земля, планета — перекресток большого Межзвездного Счастья.

СОЛЯРНЫЕ ТОЧКИ

Олени лениво кочевали вдоль Джуглымского хребта, по Кадайку и Бургутую к озеру у истока Няндермы, отражая глазами край бесконечно синего неба и Нижний Нянгояк. Во время перекочевков по сакральной тропе, соединяющей родовые стойбища, охотник и кочевой оленевод таежник Чогду внимательно сверял свой путь с Полярной звездой, Луной или Солнцем. У озера он выбрал место для святилища, развел огонь кочевого костра от уголька последнего стойбища кочевников Центральных Саян.

Таежник не жил оседло, ежедневно он вставал, жил и ложился по солнечным часам, естественно, в соответствии с окружающей его природой. Внутренний ритм времени таежника совпадал с космическими часами, и он приступил к разметке родового святилища для обрядов поклонения небесным объектам, Солнцу и Луне. Таежник стремился познать и согласовать свою жизнь с их основными ритмами.

Он терпеливо ждал день летнего солнцестояния. В июне Солнце не восходит на востоке и не заходит на западе. Солн-

цестояние — один день в году, когда высота солнца над горизонтом в полдень максимальна. Летом Солнце появляется на северо-востоке, а заходит на северо-западе. Таежник собирался камнями надежно отмечать священные точки. Солнце словно восходило на вершину почитаемой его племенем Черного Гуся горы. На это движение откликнулась природа. Вокруг все цело и благоухало. Происходило множество чудесных вещей. Таежнику казалось, что цветы, камни и светила в тундре беседовали друг с другом. В течение нескольких соседних дней полуденные высоты Солнца почти были неизменны. После этого дня начинается спуск и напоминал переход Солнца через вершину горы.

Над горой повисла темная безоблачная сжатая до предела ночь. Это была самая короткая ночь в году — ночь летнего солнцестояния. Таежник любовался звездами. Вдруг над головой, словно сорвавшись с бесконечности, летели по небу яркие звезды и мгновенно исчезли. На мгновение оставив слабо светящиеся следы в виде тонких ниточек. Таежник знал, что фаза Луны меняется каждый день. Вот появился на вечернем небе в западной его части узкий серп Луны, а через неделю превратится ровно в половинку. Пройдет неделя, и на небе засияет полная Луна. Спустя неделю от полной Луны останется половина. Пройдет неделя, и сияет тонкий месяц Луны. Таежник подмечал изменения высоты Луны при разной фазе. Зимними ночами полная Луна поднимается высоко над горизонтом, в то время как короткими летними ночами подсвечивает небо с юга, проходя на столь малой высоте над горизонтом, что ее трудно рассмотреть за высокими пиками гор. Растущая Луна до первой четверти весной поднимается высоко-высоко над горизонтом, а вот осенью ходит низко. Со стареющей Луной все наоборот. Таежник камнями отмечал эти священные точки и по светилам делал долгосрочный прогноз погоды. Приходится интервал высокой Луны на летнее солнцестояние — все это способствует тому, чтобы установилась отличная летняя погода. Если на летнее солнцестояние совпадает с периодом низкой Луны, то ожидать надо переменной, неустойчивой, изменяющейся погоды. Внезапно и загадочно на небе появилась космическая странница. Хвост у странной звездочки начал растягиваться через все небо и направлен был в сторону от восходящего Солнца.

Утром Солнце встало на востоке, днем достигло высокой точки — зенита, а вечером зашло на западе. Таежник терпеливо и настойчиво наблюдал за движением Солнца по небу и узнавал много интересного. Оказывается, у Солнца в разное время года разное расписание движения. Зимой оно восходит поздно, а заходит рано. Зимняя долгота дня всего-то часов семь. Летом наоборот: Солнце появляется на небе очень рано, а заходит поздно. Путь Солнца по небу длится больше. Солнце поднимается в полдень летом выше, чем зимой. Наблюдать за

движением Солнца помогает обо — вертикально сложенные камни. Тень от обо бывает самая короткая днем, когда Солнце находится в самой высокой точке своего пути. Это полдень. В полдень Солнце всегда на юге. За спиной север, справа — запад, слева — восток. Каменные обо и Солнце служат компасом для таежника. Два раза в год, в марте и в сентябре, Солнце восходит точно на востоке и заходит точно на западе. Это дни равноденствий, когда день по длительности равен ночи. В марте — день весеннего равноденствия, начало астрономической весны. В сентябре — день осеннего равноденствия, начало астрономической осени.

Таежник каменными лучами отмечал точки восхода и захода Солнца в эти дни в керексурах, наскальных рисунках, обо, каракши, выкладках, воротах. В сентябре время гона быков северного оленя. Появляются оди-

нокие дикие северные олени, они иногда уводят из стада оленей. Таежник ожидает их, допуская диких самцов в гон, чтобы яловость маточного поголовья из-за недостатка производителей не была большой.

У быков рога спадают спустя некоторое время после гона. В этот день свет и тьма разделяются поровну. Начиная с осеннего равноденствия Солнце постепенно теряет свои силы, с каждым днем света становится все меньше. Астрономическая зима начинается

в декабре. В день зимнего солнцестояния солнце поднимается на наименьшую высоту над горизонтом. Начинается новый год, и день перекочевки на Суглан считался счастливым днем, началом новой жизни и обновления природы. Таежник на кочевом костре выпекал пшеничную лепешку, по форме напоминающую Солнце, это был день, когда Солнце завершало свой годовой цикл и возвращалось вновь.

В этот день летнего солнцестояния Солнце появилось на северо-востоке. Таежник отметил на новом керексуре эти солярные точки каменными лучами, а на амулете рисунком. Они позволили ему надежно ориентироваться и сверять свой путь во время ежегодных перекочетов с северными оленями и походов на далекие расстояния в высокогорной тундре в вершинах Саян. Давали знание точного времени наступления начала года, обрядов добывания удачи и необходимого времени для подготовки и проведения сезонной охоты.

Сегодня день летнего солнцестояния совпал с днем новолуния и солнечным затмением. В детстве таежник видел, как лунный диск не закрывал Солнце целиком, оставляя на небе «огненное кольцо». Помнил частично закрытый Луной солнечный диск, «солнечный месяц». Сегодня на небе появился черный круг в обрамлении сияющей короны. Таежник вдохновенно

рассматривал красоту солнечной короны. Бордовые протуберанцы и тонкие неземные оттенки розового и блистающие детали короны притягивали его взор странными красками. Пролетали царапающие Солнце хвостатые кометы. Околосолнечные кометы проносились, направляясь к Солнцу, зажигая звезды. Медленно сумерки стограла огнем красной зари, и Солнце вскоре предстало во всем своем величии, светя почти белым светом, окрашивая вершины гор желтыми оттенками. Эта космическая картина Мира отражалась в чистых водах горного озера. Близость двух светил, их соединение и отражение давали таежнику возможность вдохнуть жизнь в созданные им священные сооружения, наполняли силой осуществления все желания. Внутренний настрой таежника объединялся сознательно Золотом Солнца и подсознательно Серебром Луны. Из уходящей самой короткой лунной ночи пролился над таежником мелкими каплями освежающий морозящий дождик. Далеко сверкнула на мгновение вспышкой молния. В сердце таежника засветились самые смелые кочевые надежды несущим свет восходящим по тропам перевалов и вершинам гор Солнцем, сияющим над Саянами.

ТРОПА СЕРДЦА

Таежник Чогду верит в чистоту снегов, и в глубину небес бездонных, и в амулеты светлых снов, и в высоту гольцов, покрытых галькой. И в тайну протоптанных в тайге счастливых троп. Мощенная камнем тропа шла по хребту Хан-Бургут. Она петляла по высокогорной тундре и огибала нависшие над скалами снежники. По берегам ручьев, бегущих с ледников, росли жарки, можжевельник, кедры, карликовая березка. Пели птицы. Воздух был наполнен чудесным ароматом саган-дайля.

Таежник внимательно вглядывался в свою тропу. Она была каменистая и извилистая. Тропа шла и под гору, и в горы. Упорно устремляясь вверх по крутизне по переплетающимся корням, цепляясь за изгибы сучков и ветвей. Подобно звериной, тропа петляла сквозь буреломы и чащи таежных дебрей. Под шквальным ветром и через потоки талой воды. Иногда она была чиста на альпийских лугах, покрытых цветочным ковром. Тропа пробиралась вдоль отрогов гольцов, поросших густым кедрачом, мимо водопадов, застывших потоков льда,

светящихся чистотой своих вод, озер и рек. Терялась в болотах и каменистых осыпях. Преодолевала горные перевалы и бурные реки. По заснеженным сплетениям горных хребтов,

через заломы, глубокие ущелья и каньоны, по покрытой мхами каменистой тундре, от чумы к чуме, от стойбища к стойбищу. На нее неожиданно крупными хлопьями валил снег. И мягко падала хвоя и прошлогодняя кедровая шишка. Встречались препятствия, валуны, каменные россыпи,

туманы и заросли багульника, жимолости и курильского чая. Пугали дикие звери, россомаха, рысь, медведи и изюбры, да еще и тучи сгустились так, что закрывали солнце и гольцы. Облака в небе были ниже тропы, а стихия бушевала над тропой. Шторм и грозные молнии стояли во тьме, и таежнику стало ужасно страшно. Состояние тропы напомнило таежнику течение его жизни без любви. Таежник вспоминал Тофаларочку и молча молился о ее счастье, прося священные Саяны вывести его из тьмы. Тянулась его нежная душа к свету и любви, и он сделал шаг навстречу вершинам. Взбирался, цеплялся за скалы таежник и делал остановки, присматривался к развилкам, принимал важнейшие решения, и пошла тропа к свету. Саян услышал его, и вытащил из тьмы, и осветил его рисунок жизни. Внутри сердца таежника наступил мир и покой, совесть стала чистой, и снаружи небо светлело, и видел впереди невероятной красоты местность, наполненную миром и покоем. Уходило время, дня сражение, ночи поражение, оставляя в сердце нежное чувство и хорошее настроение. Радости блеск, живопись красок в зеркальном отражении.

Мир напоминал то, что он желал в мечтах и создавал в воображении таежника у кочевого костра на стойбище. Желание становилось сильным, приходил выбор новой тропы, превра-

тить все горы Священных Саян в удивительный прекрасный мир. Таежник выбирал в мыслях любовь, он осознал принципы и ценности преданности своей Тофаларочке. Мысли о любви приносили мир в ум, гармонию и делали таежника ищущим счастье. Вечное движение становилось смыслом жизни через испытания и обновление. Если таежник выбирал в мыслях страх, не молился о счастье, тропа приводила таежника к жадности и недоверию. Тропа таежника выглядела гладкой, но трудно было идти и дышать до вершин. Он скользил и скатывался вниз, ноги тонули в вязком болоте, не имея опоры, рукам не за что было зацепиться. На мгновение забывал Тофаларочку и отходил сердцем от света, вновь погружался во тьму. На него смотрели пристально глаза любимой отражением черной ночи и метели, бежали и улетали с каждым вздохом, в пространстве время с каждым выдохом. В игре теней, материи нетленной, на нежном лице, зрачки и блики, в них тайна в глубине, творца дыхание, радость созерцания, сияющее озарение, нетленные видения. Таежник проверял путь восхождения и возвращался к вершинам духа, мечтая познать мир и взглянуть внутрь себя. Перед ним открывалось много направлений, он искал тропу к собственной сущности. Сердцем выбирая тропу своей судьбы, верное направление в жизни. Немыслима таежная тропа без кочевого таежного оленевода, для него она становится смыслом

жизни, стимулом к развитию и поиском счастья. Желая счастья Тофаларии, таежник не говорил много слов. Молчание быть частью молитвы к Священным Саянам. Тропа меняла направление и шла по Булгутуйскому хребту к истоку реки Хадама. Менялась жизнь и мысли таежника, тропа помогала в трудную минуту, уводила от преследования трудных воспоминаний. В минуты расставания с любимой таежник уходил по тропе, словно в звездное небо уходит заблудившийся рассвет. Прощание с ним Тофаларочки было очень нежно. Больно кочевать одному, без любимой. Он чувствовал, что виновен перед ней, вспоминая слова, голос и подаренный амулет. Глаза таежника застилали слезы. Догоняли торопливые мысли, пульсировала не унявшаяся в сердце тревога. Тяжело уходить от протянутых рук грусти тихой безмятежности. Необходимо было полностью постичь кочевой удел. В туманной Саянской дали от одиночества амулет и образ Тофаларочки оберегал его до встречи. Не пугала боль разлуки. Таежник верил, что новая встреча жизнь вдохнет в отношения, в глаза сияние планет, в улыбку нежность лепестка, по челке дуновение ветерка. Тропа предназначала расставание, разлуку, но обещала встречу впереди, подарки с улыбками. Таежник охотился, промышлял много пушнины, имел хороший чум, оленей, преданных собак, охотничьи угоды и уважение. Старался, стремясь к этому, трудился без отдыха, но не стал счастливее. Знал, что деньги позволяют покупать необходимое, чум укроет от холода и непогоды, олень везет куда надо по тропе, а уважение его рода в тайге и на Суглане. В заповедной чистоте, не тронутой преобразованиями, кедровые шишки падали от старости, блестели жемчугом снега гольцов и золотился соболь, и он понял, что деньги нельзя кушать. Жадность и неверие не есть его путь, не его счастье. По таежным тропам трудно ходить, но на них свободно, легко и счастливо дышится влюбленным. Мудрость пришла не сразу, нужно было у Священных Саян просить это счастье.

Покидая уютный чум, спокойный мир стойбища, прошлое заставляло таежника тяжело признаваться себе, что он учился расставаться с любимыми, всегда по капле, по чуть-чуть, и не мог к этому привыкнуть никогда. Всегда болело и ныло сердце за жизнь его рода. Тропа не давала повторений свиданья,

минутам счастья, мигу волнения. Сердце таежника билось над облаками в синей вышине, страдало и верило влюбленно. Милая Тофа, как далекая звезда, всегда была в груди таежника и ждала его. Он жил, чтобы встречаться и расставаться. Вновь в Тофаларочку влюблялся, чтоб возвращаться. И каждая их кочевая встреча — это встреча навсегда, до конца, на века.

В поисках таежного счастья таежник ступал по Тропе Сердца с надеждой на то, что такой путь станет и в будущем судьбой его рода.

На звездных тропах искал таежник свой жизненный рисунок, познать стремился себя и мир и среди суеты сует нашел ответ. Кочевого таежного оленевода по тропам ведет вперед любовь к вольным просторам, в вечном движении зажигая новый рассвет.

ВОСПОМИНАНИЯ БУДУЩЕГО

Переключившаяся по каменистым рекам Мандрык, Мантагыр, Барбитай, Ожигай, срастаясь с горами по перевалам Хурэгтын-Дабана, тропею трудную к мечтательному счастью. Глотая жадно крупными глотками туманы, в безмятежности, покое, тишине и озарении, вдруг таежница Чол наполнялась таинственной мощью. Таежница понимала понемногу, вернувшись в высокогорную тундру, на родовое стойбище в вершинах Саян, она оказалась рядом с бесконечностью. Случайно таежница обнаружила на стойбище потерянный амулет своей юности, частично измененный, но все еще узнаваемый. Она смотрела в него как в зеркало без стекла, как в записную книгу. Ветер памяти сразу принес много разных воспоминаний. Но никакой ураган не мог унести острые новеллы о счастливых днях, проведенных с любимым Чогду. Амулет бережно разбудил в сердце призрак большого чувства, согретого светом былой любви в виде ярких образов. Ощущая реально старую легенду, красивый миф о своем прошлом. Наполнил значимостью свою жизнь. Разбудив яркие чувства, таежница проживала их заново, испытывая

яркие ощущения. В иллюзорном и инопланетном мире гольца Тас-Даг изумленно и восторженно смотрела не дыша на картины прошлого. Уходили из нервов усталость и повседневные заботы.

Хроника событий на амулете начиналась с воспоминаний о детстве. Внизу восхищал суровой красотой поток Кара-Бурень, светилось ожерелье бирюзовых озер по притоку Сайлыг, и впадающий в нее Орукунэр-Сайлыг притих, с гольца разбиваясь в капли, стекал Сан-Гас. Воспоминания чередовались, наполняя жизнь смыслом. Полями цветов пылает саган-дайля, Хуруг-Ой, непостижимая тайна ледника на века. Шара-Ой, туго бьется о скалы пеной вода, стрелка с Кадыр-Ос, мысли и чувства в небеса, Таштыг-Ой, горные духи к перевалам зовут, Чуглым, легенды тофаларов чередую идут, Орта-Ой, олени стадом поднимаются в облака. Чатырлыг-Ой, чумы охотников стоят вдоль ручья, Холба-Кадыр, щерлопы и стены из камня и льда. Кушоя, потоки из перламутра и хрусталя, Ханныг-Кадыр-Ос, нереальная живописная сила, гольцовые озера и отраженные в них небеса. Слышен стук сердца, это их родовой голец Хамжур-Тайга.

Непреходящий мир прошлого стремительно прорывался во преходящий. Разбудив внутренние переживания, словно сны и видения. Тревожащие переживания всплывали в сердце

таежницы, и не могла она совладать с чувством душевной боли, радости, обиды, изумления, гнева, восторга, печали, счастья, ревности или сожаления и избавиться от этих переживаний. Рисунок на амулете был начертан судьбой с начала их знакомства, так что встреча с Чогду была связана с внутренними эмоциональными переживаниями. Таежница стала восстанавливать старый амулет и воспоминания о внешних событиях собственной жизни. Ситуации, не дающие покоя, стала рисовать на амулете в виде небольшого рассказа. Лентами и кусочками меха

точно воспроизводила все события, восстанавливая детали. При этом подробно ощущая чувства, которые были вызваны в прошлом.

Влюбленная в вечную небесную бесконечность, в облаках, солнце, ветре купаюсь, кобальта синеве легко растворяюсь, искренне счастлива и, улыбаясь, видела Кара-Чогду в глубине глаз своего любимого Чогду беспечность. Вокруг них чистотой звенела бескрайность, времени для сердца не существовало, одни мгновения. Над ними вершина Эред-Ундэр и кочующий снегопад, между двумя стихиями они легко растворялись, отражаясь в своих мечтах и стихах. В глубине души она ясно не понимала, что же на самом деле произошло с ними.

Она помнила его улыбку, и уже с этого момента их жизнь становилась сложной. Много раз она пыталась объективно рассмотреть свою жизнь. Все произошло быстро, подобно чуду.

Далее все кочевые воспоминания расплывались. Рассмотрев на амулете эту описанную ситуацию как черновой рисунок, таежница много раз переписывала историю своей любви в более красивом живописном варианте. Медленно кочуя с новым рисунком навстречу своим мечтам. Вспоминая, как выше радуги бегали по росе босиком, таежница вступала в разговор с Чогду и рассказывала ему свои чувства. Тепло сердца легкой грустью или мечтательным восторгом отражалось

в его глазах и искренних словах. Он отвечал заботой и нежностью. В глубину его глаз она вновь окунулась с легким вдохом. Видела по ночам его светлые сны, и сердце горело пламенным огнем, и была ближе тишина, в ней его шепот и далекие голоса. Пыталась понять мотивы поступков своего любимого. Советовалась с ним, сочувствовала и прощала глупости. И начала сочинять и обрисовывать на амулете собственную сказку их любви, показав себя в новом, более выгодном свете. Подвязывая новые яркие ленточки, создавала личный миф, изображала свою маленькую счастливую историческую правду. В вечности амулета «Воспоминания о Будущем», вырисовывался ее миф поиска совершенных и идеальных миров. Пыталась истину понять влюбленным сердцем, таежница умом старалась красоту и счастье осознать и зафиксировать в частичках амулета. Включала иллюстрации рождения их вчерашней счастливой кочевой цивилизации и будущность. Сбегая в прошлое от остывающих чувств, нашла силы очерчивать свой возврат в настоящее. Множество событий, которые еще не произошли, но произойдут, со временем, так и с местом волновали таежницу. Будущее не предопределено, и таежница сама творила его, и оно зарождалось из переосмысления прошлого. Верные выводы о прошлом приводили к правильным выводам о судьбе. В модели

счастливого времени ее амулета в будущем иногда повторялся рисунок, что уже был в прошлом.

С помощью художественного воображения на амулете она меняла времена года в рисунке движений таежной тропы. Оставляя позади когда-то неверно обрисованные видения и мысли. Звездный путь очертил оптимистические перспективы из прекрасных прежних оных дней таежницы, увидела быль и завтра вечных снегов, играющих белизной, Кодаек, цветом прозрачно-хрустальной, и судьбы неземной. Тайлы-Ой, холодом ледника и зноем лета, Горо-Орагты-Ой, наполняла душу глухой тишиной. Буштыг-Ой, цветом горных склонов цветов золотой, Бургутуй, согревала лицо солнечной теплотой.

Таежница понимала, как жила, делала прежнее время много хорошего и в свое время винила себя за прошлое. Время это ушло во вчерашний день, и оно больше никогда не вернется. Таежница открыла сердце новым эмоциям в воображении, как будто существовала в новой, ранее знакомой, грядущей межзвездной кочевой цивилизации. Она продолжала чертить новые записки в памяти амулета. Сердце стало чувствовать себя счастливо. Таежница вновь приветствовала будущие времена в золоте восходящего лучезарного солнца, не забывая поблагодарить минувшее серебро заходящего безоблачного светила.

НЕБЕСНАЯ ДОРОЖКА

Синие горы Саян покрывал легкий сиреневый туман, а над головой просматривалась лазурная полоска ясного неба. Казалось, сверху, сквозь ультрамарин, рассеивается солнечный свет. Таежник Чогду кочевал по кольцевой тропе предков в день весеннего равноденствия вдоль каменистого ручья. Чистая вода текла в окружении скал, мхов, льда и тающего снега, разбивалась о камни, поглощала свет неба, переливалась минералами сапфира и лазурита.

Подъем вверх по живописному ущелью уводил кочевого охотника к озерам, подобно жемчужинам нанизанным на ручеек. Вдали угадывалась синь необычного озера. Оно было самым большим, выглядело великолепно, зеркально отражая небо и туман. Над его водами и горами парили капельки тумана, матовый блеск которых рисовал туманную радугу. Широкая блестящая изогнутая белая дуга изящно парила перед таежником. Внутренняя сторона радуги имела холодные нежно-фиолетовые оттенки. Внешняя сторона светилась теплыми оранжевыми красками. Один полукруг светлой туманной радуги, отражаясь

в озерной воде, превращался в замкнутый круг. Впечатлительный кочевой таежник воспринял радугу за добрый знак и вход между горными мирами.

Туман медленно спустился с горы. Пробираясь среди камней по берегу озера и далее по осыпи и снежнику, кочевник взошел на перевал. Озеро, снег и туман остались в ущелье. Тропа повела таежника влево, вдоль горного хребта, по небольшому подъему в гору, на вершине которой находилось вертикальное сооружение из камней наблюдения. Таежник подошел к этой груде камней и положил на него камешек. Совершая церемонию подношения на обзорной горной вершине, он навесил на обо разноцветные ленточки и матерчатые полоски. Прижимая к груди амулет, в котором, как в дневнике, записывал свои наблюдения, всем чистым сердцем поблагода-

рил солнце, луну, небо, ветер, горы и внимательно осмотрел круговую панораму гор. Перед ним, до хрустального горизонта, простирались великолепные пейзажи горных хребтов и вершин. От головокружительной высоты, красоты диких, необузданных хребтов и их отрогов захватывало дух.

Таежник посмотрел с вершины вниз. Внутри кругового хребта увидел спрятанную глубоко в горах долину водопадов. Ощущая своенравность и непредсказуемость горных рек, он рассматривал, как, низвергаясь с синего цвета базальтовых скал,

падали водными нитями несколько хитросплетенных ручьев. Они падали о камни перезвоном струй небольших и грохотом внушительных каскадов, во множестве радуг в лучах солнца. Бриллиантами сверкали замерзшие водопады и таявшие огромные сосульки.

Самый высокий из водопадов обрушивался узкой струей в окружении алмазной пыли. В водном котле под ним вода, волнуясь и медленно закручиваясь, через края малахитовых уступов, словно по ступенькам, каскадом устремлялась вниз. Таежник любовался тонким лазурным потоком, словно падающей с неба хрустальной водой в каменистых объятиях. Прыжки и каскады певучих потоков, роскошно переливающихся звуков и красок пели песнь о таежной мечте. Водяные стены находились в окружении бесконечных радуг, дождя, росы, тумана. Слушая музыку падающей воды, невольно таежник понимал суть снежных гор, сопереживал и видел красоту земного мира. Созерцая мощь ниспадающей ультрамариновой воды, он всем своим существом чувствовал вековую память природы Саян. Несколькоими уступами подножья горы летучая вода струей выбила впадину, заполненную маленьким озером. Воздух был влажен и душист. Ниже водопадов находились огромные глыбы горной породы, заросшие кустарниковыми зарослями жимолости, цветущей крупными бледно-желтыми цветками. Чогду с жадностью глубоко вдыхал запах снега, воды и совершенно изумительный запах жимолости. Эта смесь свежего и нежного аромата погружала кочевого таежника в пленительные мечты путешествий.

Падающая вода дробилась о камни, вздымая веер сверкающих брызг — самоцветов, превращающихся в нити хрустальных птиц, летающих над скалами. Сквозь капли-слезинки проскальзывали золотые солнечные лучи. Светило расплескалось багряно-рыжим разливом по скалам. Над высокой горой парили кольцевые радуги подобно кочевым тропам неба и гор. Радуги были везде, внутри долины и над ней, в небе. Образовывая двойные и тройные кольцевые круги. Таежник сердцем чувствовал единство с природой и переживал прекраснейшие мгновения жизни, понимая быстротечность времени и своего кочевого таежного счастья.

Весь день он наблюдал водопады, снег, цветы, горы и радуги. Неожиданно наступил вечер. С сожалением провожал взглядом закатное солнце, вытекающее на горы из расплавленного неба.

Небо пропускало сквозь себя солнечное красное излучение, окрашивая все вокруг в розовый цвет. Теплый золотистый оттенок приобрели снежные горы и бледная вода, обращенные к солнцу, а сквозь серые тучи, полыхая, пробивалась огненная радуга. В небе висела стена, окрашенная

в разные цвета радуги. Солнечные лучи заходящего солнца, проходящие сквозь горные вершины, прощались с таежником четко заметными отдельными пучками света. Солнце спряталось, но за горами отражались лучи от алмазных частиц космической пыли. Напоминая о себе жемчужным светом на мерцающих в ночи созвездиях. Движение света бледным сном коснулись таежника. Но он ресницами прикрывался от блеска звездных снежинок, ожидал встречу луны с ее зажигающимися на поверхности вспышками при столкновении с бродягами-метеоритами.

В первой половине ночи медленно взошла сонная Луна в разноцветном свечении, которое исходило из черного пространства. Низко над горизонтом сплюснутых гор переливалась розовым огнем, Луна иллюзорно казалась в несколько раз больше обычной. Величественная и полная, она была необычно яркая в темно-черном небе, подобно ночному солнцу, разливая свет холодными лучами. Огромное бледно-желтое око вечности было загадочно, таинственно и бессмысленно. Напротив Луны влюбленно слезы лил морозящий дождик. Из бездны Млечного Пути или пустоты кружевных созвездий медленно появилась чудесная лунная радуга над сдавленным силуэтом ступенек горных хребтов. Таежник назвал ее радугой неземного счастья.

Радуга была на полнеба, и в полной темноте удивительное свечение усилилось, зрачком мерцало, заполняя пространство внутри дуги радуги. Частички света кружились в хороводе, прочерчивая тьму, подобно звуку песни мечты, счастья, любви, таинственному смыслу, открывающему все тропы мироздания. Казалось, земное время замедлило свой ход, перетекая в бесконечную небесную вечность. Таежник стал частичкой света и отражением звездных дождей. Он растворился в ослепительно чистом сиянии и чувствовал запах свободы далеких миров, подобно великой кочевой надежде.

«Почему на звездных амулетах не наносят линию тропы Луны?» — утром подумал таежник. Для себя он отметил знаком начало тропы, обнявшей с горизонтом белой небесной дорожки и отправился в эту манящую вдаль, к краю Священных Саян.

ТАЕЖНЫЙ ХАН

По первому снегу таежник Чогду с сибирской лайкой Чурегэн гнал соболя. В верховьях каменистого ручья он наткнулся на берлогу медведя. Внимательно осмотрел отверстие в звериное логово. Медведь крепко спал. Таежник повесил на берлоге «Дух» — амулет-помощник, ключ от охотничьей удачи, решив для себя, что скоро вернется, поспешил по следу соболя.

Таежник приехал на Суглан и сдал добытых соболей и совершил очистительный обряд. Племя Черных Гусей имело свой огонь, который не смешивали с огнем других родов. Хранительницей очага и всех семейных святынь была старшая женщина. Таежник тщательно стряхнул с себя все неудачи над огнем костра. Остатки пищи бросил в огонь, как бы возвращая взятых у тайги зверей. К кедру привязал полоски ткани, совершил промысловый обряд, призывая счастье, удачу на будущей охоте. Во сне охотнику горной тайги привиделось, что он превратился в медведя, это предвосхищало хорошую добычу, и он покочевал к берлоге.

Таежник промышлял только с оружием и собакой Чурегёш. В мыслях говорил о медведе иносказательно, стараясь не сказать о нем плохо. Медведь был некогда небесным существом, предком племени таежников и поэтому хорошо понимал речь и мысли охотников. Не поднимая лишнего шума, чтобы не разбудить зверя раньше времени, таежник подошел к берлоге. У берлоги снял амулет-помощник и повесил его на себя.

Таежник определил количество медведей и решил, что в берлоге спит один братишка. В момент пробуждения зверя таежник заклинал его, произнося священные слова удачи. Изготовившись к выстрелу, разбудил медведя громким криком и лаем собаки Чурегёш. Медведь, почуввав человека и собаку, высунул голову. Хан-братишка выскочил из берлоги и бросился к таежнику. Чурегёш отвлекла зверя на себя и дала таежнику время поразить медведя особыми патронами. В берлоге оказалась медведица с медвежатами. Таежник стрелял их по очереди, по мере того, как выскакивали вслед за медведицей ее медвежата. Наступила пауза. Но собака Чурегёш продолжала лаять на берлогу. Третий маленький медвежонок, застряв среди корней, не вышел из берлоги. Таежник загородил выход, оставив небольшую дыру, и начинал нащупывать медвежонок жердью. Нащупав и заметив светящиеся глаза, выстрелил в этом направлении. Еще раз обошел берлогу, притрагиваясь к корням и веткам, мысленно извиняясь за добытую медвежью семью, голосом подражая звукам птиц. Убедившись в том, что зверь добыт, полез в берлогу, поздоровался с маленьким братишкой. Пожимая его лапу и поглаживая по голове, ласково просил Хан-братишку простить его за охоту. Ссылался на жизненные обстоятельства, выражал сожаление по поводу добычи семьи медведей и умолял простить их за допущенную ошибку. Таежник лишнего с тайги никогда не брал, не переставал выражать свое горе. Медвежьи головы и лапы с когтями отделил от туловища сразу. Положил их с почестями на берлогу мордочками в сторону полярной звезды. Приговаривая: «Хан-братишки возвращайтесь к себе на гору». На это место таежник больше не будет подходить. Прося дать счастья роду Чогду и добывать добычу. Работая ножом, надрезал шкуру. Просовывая под нее руку, снимал ее, просил прощения, и покровительства, и защиты у духа медведя.

Приговаривая, что снимет с Хан-братишки шубу, но так, чтобы когти остались на лапах. Веря в возможность воскрешения зверя в последующей жизни. Шкуру черного медведя готовил на продажу, не используя в своей таежной жизни. Попрощавшись с духом медведя, тушу разделал по суставам, угощаясь кусочками сала, сырого сердца, не прикасаясь к печени. Таежник удивляло внешнее сходство туши зверя, освобожденной от шкуры, с телом человека. Таежник верил, что медведь раньше был предком небесного происхождения и покровительствовал

ему. Хан-братишку считал таежник родственником, но боялся его как хозяина тайги и за плохое отношение к тайге ждал мести, поэтому совершал умиловительные обряды в честь хозяина тайги.

Таежник привез добычу на Медвежий праздник своего рода. Он исполнил специальный охотничий танец, подражая движениям медведя, движениями рассказал о прошедшей охоте, как привлекал удачу. В медвежьих играх изображал медведя, показывая силу преимущественно на своих зубах. Таежник брал зубами присутствующих членов рода, и все покорялись ему. Хранительница очага к полночи мясо сварила, и род таежника устроил пиршество. Все

кушали мясо досыта. Мужчины отрезали мясо сердца, а женщины — части туши. После поедания мяса с почестями предали земле кости медведя. Веря в размножение и плодовитость

их потомства. Опасность охоты на медведя проверяла личные качества таежника. Хозяин тайги не прощает ненасытных охотников и при помощи медведя наказывает их. И даже удачливый охотник, способный превращаться в медведя, из-за жестокости и жадности навсегда может остаться в зверином обличье. Этот медведь может жениться только на заблудившейся в лесу и нашедшей пристанище в берлоге женщине. И потомство их не придет на стойбище к людям, в род своей матери, а станет охотниками бродягами.

Таежника мучила совесть, она грызла его сердце, как таежный зверек, и утром он направился к молодому кедру, ствол которого был оцарапан когтями медведя. Он почитал освященные медведями деревья. Привязал к кедру лоскуты материи, кусочки шкуры медвежат и амулет-помощник «Таежный Хан». Со слезами на глазах, поедая кусочки шкуры медвежат, таежник принес обязывающую и страшную клятву, что лишнего с тайги больше не возьмет.

ЛЕНТОЧКИ СУДЬБЫ

Кочующие таежники соблюдали запреты на то, чтобы будить спящего человека. Гуляющая рядом со звездами и кометами нежная душа не успеет вернуться в тело. Солнце встало, но таежник Чогду крепко спал. Во время сна видел себя на родовом стойбище в высокогорной тундре в вершинах Центральных Саян. Он был не один. Счастливая пара бродила по красивой долине, окруженной высокими седыми горами. Это был особенный, замкнутый, не доступный посторонним городским людям таежный мир. В наземном покрове господствовали черника и брусника. Кедровый стланик совместно с рододендром золотистым покрывал берега в устье каменистых рек. Свежий, дерзкий аромат альпийских цветов наполнял всю долину, делая воздух сладким и прозрачным, как хрусталь. На обоих склонах хребтов, окружающих долину, местами залегали снега. Снег таял постепенно и стекал многочисленными звонкими ручейками. Крутые склоны, занятые скалами и каменными россыпями, покрывались серебристыми накипными лишайниками. Между камней на прогреваемых солнцем склонах виднелись густые

кустарники и поля высоких цветов. Каменные россыпи с вершин спускались вниз по склону, заходя в лесной пояс. Это был истинный горный мир свободы.

Во сне таежник видел себя и подругу Хаш. Они рыбачили, охотились и собирали ягоду. Она была одета в длинное темно-синее платье с нашитыми по верхнему краю полосками меха рыси, под ними в один ряд висели клыки кабарги. Рукава украшала повязка с короткими жгутиками, переходящими в кисточки на кончиках. На густые, как смола, черные волосы, был надет головной убор в виде широкой налобной повязки. Сзади, с затылка, от повязки развевались доходящие до пояса две красные ленты. Костюм в целом изображал Небесную Птицу. Таежник осторожно и внимательно ходил рядом с Хаш. Стараясь не наступать в тень юной девушки. Внимательно рассматривал ее отражение в воде, стараясь понять чистоту сердца милой подруги. Говорил ей ласковые слова. Темные, как угольки кочевого костра, глаза девушки светились. Сердца влюбленных друг в друга таежников таяли в улыбках. На губах ощущался вкус душистой смородины. Рядом с девушкой он чувствовал себя единой частью горнотаежного мира наравне с другими живыми существами и понимал, что они сотворены для счастья. Они вместе смотрели на горы Саян, в небо и веселились. Небесный свод давно так не был ярок и светел. Ритм

их сердец тесно бился с общими потоками пролетающих птиц и с жизнью таежного рода. Чогду осознал, что он живет и действует благодаря их единству, а присутствие девушки давало ему неизмеримую энергию.

Формально весна хорошо подходила для заключения брака. Ухаживание он начал, не нарушая таежного обычая. Подарил девушке ленточки Джалама. Показывая, что с удовольствием сватает полюбившую девушку. На девушку, похожую на Небесную Птицу, надел на шею красную шелковую ленточку и

подвязал к ней три цветные ленточки и отправился вместе с ней к чуму родителей ее рода. Совершать ритуал поклонения жениха и невесты луне и солнцу. Они призывали небесные светила в свидетели, они приносили таежную присягу на верность и помощь в супружестве. Ритуал длился долго. Каждый член рода разговаривал с Золотом солнца до его заката. Ждал восход Серебряной луны и повторял ритуал перед ликом, светящимся в таинственной темноте звездного неба. Невеста обещала почитать родовые горы Чогду, реки, ключи, стойбища, обо на перевалах, оленей и чумы. Обещала не здороваться за руку с мужчинами из другого рода, не поворачиваться к ним спиной,

не показываться перед сверстниками без причины. Они вживались в сверхъестественные связи своих душ и светил, определяя свое отношение к природе, бережному сохранению

охотничьих угодий, к таежной культуре и быту в будущем. Утром, проявляя уважение, Чогду обратился к отцу и матери невесты с просьбой отдать Хаш ему в жены. Родители приняли ленточки из рук Чогду почтительно, обеими руками. Принимая равнозначно яркие ленты, поклонились, касаясь их лбом, затем убрали на хранение в родовом чуме, чтобы не потерять, а взамен отдали ему дочь.

После выхода девушки замуж вступил обычай ставить новый чум.

И весь род принялся за работу. А невеста, прибыв к жениху в новое жилище, привязывала красную ленту, символ жизни, к шесту у входа. Прикрепляя ленточку Джалама, она загадала сокровенное желание.

Таежник Чогду прочувствовал вкус светлых перемен и неожиданно проснулся. Над головой среди шестов чума и синего неба на постоянных привесках, сделанных в виде жгутов, раскачивались привязанные временные красные ленточки из шелковой ткани, долго наблюдая которые, можно узнать свою судьбу.

ВЕТЕР ХАН-БУРГУТ

Вечером кочевой таежный оленевод и охотник Чогду поблагодарил восходящую луну, получающую свет от солнца. Полнолуние говорило, что можно начинать кочевать по местам поклонения духам. Таежник в размышлениях сидел у кочевого костра на стойбище золотисто-рододендровой тундры. Угольки он принес с собой из родового очага. В далекие времена молнией с неба свалился небольшой уголек солнца на землю. Род таежника нашел его, оберегал и поддерживал в своем очаге. Родовым огнем кочевые таежные оленеводы согревались, готовили еду и очищались. По потрескиванию и шуму угольков от ветра и стуку котелка загадывали желания. При ласковых живых неоскверненных язычках пламени общались с родными, ощущая равновесие и гармонию с природой. Теплое лето приближалось, и таежник мечтал кочевать по местам волшебных камней и ветра. Огонь погас в кострище с обкладками из гальки, украшенными писаницами сцен вечной погони ветра за птицей. Наступило тихое утро. Таежник приветствовал восходящее солнце и радовался хорошей погоде. Взял с собой уголек

из кочевого очага и начал подъем на перевал. При движении таежник старался не терять тропу и не перепутать с другой, ведущей в сторону, к скальным сбросам и осыпным препятствиям. Обо встретились вдоль тропы, и таежник положил на них камешек, чтобы снискать покровительство в путешествии. Обо являлись единственным ориентиром в однообразной монохромии высокогорной каменистой тундры.

На перевале перед таежником открылся чудесный вид на небо и горные долины. Верхняя часть перевала была ровной. На площадке, увенчанной снежным склоном, располагалось обо, украшенное разноцветными ленточками, которые развивал бродяга весенний ветер. Таежник обошел обо, представился всем горным ветрам, рассказал о цели своего путешествия и попросил покровительства в пути. Привязал на камни цветной лоскуток материи в надежде, что ветер донесет его заветное желание до звезд. Собиратель звезд ветер запел, изливая в песне тоску, но подношение оценил и радостно развевал ленточку. Он рад был и ленточке, и чистой вере таежника.

«Ветер, здравствуй! Ты куда летишь, братишка?» — спросил говорящий с ветром таежник из племени Черных Гусей.

По жизни бродяга-ветер ответил: «Облака скрывают звезды и солнце, прогону с неба тучи».

«У меня есть заветное желание подняться в небо и увидеть все звезды», — говорил с ветром и с собой таежник.

«Мечты заветные всегда сбываются», — ответил пророчески ветер.

Таежник кочевал далее по горному хребту с крутыми склонами, и бродяга весенний ветер кочевал рядом, ближе к облакам. Тропа извивалась по гребню тонкой линией, вытянутой в бесконечном направлении, разделяла хребет на два склона и водо-

раздела рек. Прохождение по хребтам сопровождалось частой переменной погоды, таежник терпеливо кочевал и при сильном упругом ветре, и в условиях недостаточной видимости летящих снежинок. Кочевал по тропе к двум горным вершинам. Между ними стояла стена из каменных плит с проходом в центре. Таежник и ветер прошли каменные двери и побрели вдоль отходящих в стороны боковых отрогов с пирамидами камней, с углублениями в виде чаши. Таежник вложил

в них камешек. Чуткая музыка ветра порывисто звучала, огибая россыпи каменных рек, снежинки и обрывы ущелий. Перед взором таежника проплывали расположенные линейно друг за другом горные массивы, разделенные понижениями, образующие бирюзовую горную цепь. Сооружения из разных камней напоминали кочевников, стоящих один за другим по гребню хребта на небольших расстояниях. Таежник и ветер следовали за этими каменными изваяниями в форме человеческих фигур, как за ведущими их к заветной цели.

Бродяга братишка теплый весенний ветер Хан-Бургут вольно пел песню над таежником, горами и долинами Саян. Ветер друзей искал. У горы Алхадыр упругий ветер заметил парение орлов, совершающих в танце вертикальные кочевки, чтобы поймать счастливый ветер. Это были особые птицы, соединившие в себе вольное упорство, бесстрашие, чувство свободы и необычайное терпение. Полет орлов прекрасен над вершиной горы, покрытой снегом, и очарованием бездонного неба, где кочевые тропы петляли под томлением танцев орлиных в весенней лазури. Плутающий ветер бросил таежника. Вращая спиралью вокруг гольца и вокруг друг друга, медленно подлетев к орлам, стал поднимать их над перевалами к солнцу, где редко бродят по скалистым уступам стада облаков и оленей. При очень силь-

ных порывах колючего встречного ветра, тонувшего в перьях и крыльях, беркуты, в небо врезааясь, смеялись, шумели и приподнимали и вытягивали крылья в восходящих потоках, любуясь друг другом и обозревая просторы. Белый ветер ледяных вершин шумел в развевающихся черных перьях орлиных. Под натиском птицы неба взмахивали крыльями, взмывали вверх в потоке, и ветер крылья им ласкал. Ветер счастья был другом и названным братом царей пернатых. Ветер смеялся под натиском крыльев и спорил с громами. Борьбу и пляску обжигающего ветра и орлов сопровождала вольная песня любви весельем орлиным окрыленного ветра и мелодичный свист токового полета в золоте солнца. Чудесные, дивные птицы поднебесья в объятиях ветра ввысь возносились, на солнце не щурясь. Нагулявшись в небе с орлами, ветер ослабел и запел песню радости. На мгновение застыли вольный, как ветер, кочевник и одинокий братишка сын времен Хан-Бургут, для них остались великою тайной пространство, время, жизнь и желанья, где игры ветра и орлов — сон души за гранью веков.

Уставший и обессиленный таежник приближался к вершине чудесной горы. Он оказался выше танцующих орлов и ветра. На вершине горы была ровная площадка с выложенными из камней лучами солнца. Каменные лучи показывали место восхода и захода солнца в дни равноденствий и положения для высокой

и низкой луны в окружении гор. Лучи из мелких камней показывали на почитаемые для кочевников перевалы и горные вершины Саян. Вокруг этих лучей летали в танце орлы и ветер.

Центром пересечения каменных лучей лежал главный камень, на который был нанесен рисунок с птичьими чертами. Он напомнил таежнику о силах природы, могучих стихиях и тихих песнях ветра, о кочевых мифах. Таежник внутренне отождествлял себя с частичкой солнца и земли. Считал камень памятником небесному предку Ветру — Птице, давшему жизнь кочевым таежным оленеводам, и сердце его пело гимны. Таежный бродяга-певец обошел три раза камень, представился небу, ветру и горам, загрузил, изливая в бесхитростной песенке заветную мечту.

Сердце ветра дрогнуло впервые в жизни. Неожиданно он стал приподнимать таежника над бескрайними горными долинами, и небо засветилось прозрачной красотой. Любуясь высшими знаками схождения, восхищенный и очарованный великодушием высших сил, замкнутый бродяга-таежник впервые улыбнулся и тоже запел. Он стоял или летел одновременно с ветром и орлами, жадно вдыхая чистый воздух и выдыхая песню. Таежник почувствовал себя небесной птицей. Не ощущал время и пространство, таежник и ветер запели в унисон о чудесном свете звезд, как будто погружаясь в светлый и благоприятный сон. К ним медленно подлетала фиолетовая ночь, растворяя силуэты орлов и зажигая звезды. Миллиарды звезд светили в бесконечной глубине, сияющие холодным светом родные созвездия.

Таежник проснулся, осторожно достал и бережно положил уголек на кострище и развел новый огонь. Уголек, обдуваемый ласковым ветром, потрескивал, и искорки, от костра мягко поднимаясь, летели в небеса, в танце и песне соединяясь со звездами.

ХРАНИТЕЛЬ ФАНТАЗИЙ

Позади был зыбкий подъем по каменистой тропе Кош-Пеш, слева в дали блеснул снегами пик Заоблачный. Таежник Чогду — Счастье стоял на перевале Мус-Даг-Дабан, рассматривая гору Чело-Монго и Удинский хребет. Мир с прилипающими небесами, с суровой возвышенно холодной красотой, переплетался с сознанием восхищенным, причудливым рисунком снежных гор. Бескрайность, здесь была отрешенно живописна, и бесконечность звезд приближала желания.

Таежник задумался: какой его жизненный рисунок и кто он в горах, мечтатель или фантазер? Он отвлекся от созерцания гольца и на мгновение попытался заглянуть в себя. Посмотреть на свои сокровенные желания сердца. На что они больше похожи — на фантазии или мечты? Он немного расстроился: все желания были похожи, скорее всего, на фантазии. Таежник удивился. Он впервые сегодня узнал, что происходит в его сердце. Еще минуту назад он продолжал дальше надеяться, что фантазии, возможно, сбудутся сами собой. Он мастерил новые амулеты, приносил подношения, камни и ленточки на обо,

совершал обряды поклонения хозяину гор. Посещал на почитаемых вершинах «оленные» камни и наскальные изображения. Результат никогда не превосходил того, что уже имел таежник. Было чувство пожелания чего-то многого, большого, светлого и прекрасного.

Но главное желание, чтобы их было двое — он и она. Ее звали Эькисинэр — Любовь. И они нашли бы друг друга в горах и жили общей кочевой жизнью. Тропой, рисуя жизнь двух самых счастливых таежных кочевых оленеводов и охотников. Чтобы

они были счастливыми, потому что были только вдвоем, полноценной частичкой Великой Вселенной. Сливаясь неразлучно в едином дыхании со Священными Саянами и бездонными небесами, без преграды времени и расстоянием. Таежник всегда желал, чтобы их было двое — он и она. И они летали выше заоблачных и мечтательных снов, наслаждаясь красотой гор, имея в вечной душе солнце, счастье, свободу и жизнь кочевую.

Но ради таких желаний таежник сегодня не готов был действовать. Он еще мало верил, что эта хорошая мечта выполнима. Он думал, что недостоеин светлой любви, поэтому скитался по дальним стойбищам. Чувство напоминало,

скорее всего, легкое пожелание, хотелось бы многого и, конечно, раствориться вместе с ней, в рисунке гор. Он часто спотыкался, падал, снова шел по далеким тропам, разочаровывался,

уставал, падал и вновь вставал. Но он всегда желал, что он будет любить ее вечно, ведь она его идеал. Таежник не сильно надеялся, что эти желания когда-нибудь осуществятся. Но он желал, что она всегда будет ждать его, с радостью встречать и с сожалением провожать, согревать теплом своего сердца их уютный чум. Иногда верил, что пожелание может осуществиться в далеком будущем. Он желал, что будет носить ее на своих сильных руках по перевалам и космическим границам, где духами гольцов освящены камни. И вскоре медленно смирился с обычными повседневными событиями, происходящими на оленеводческом стойбище.

Он желал, что они будут жить в любви и радости, не надевая друг другу в вечности. Что Счастье и Любовь будут помогать людям, травам, животным и птицам, всем таежным братьям. Постепенно привыкал к текущим событиям обычной одинокой кочевой жизни. Он желал, что он мог быть другим, рядом с ней, внимательный, нежный и заботливый. Что уйдут раздраженность, грубость и черствость. Что для него она красивее всех на свете, и они всегда неразлучно будут вместе, а значит, и счастливее всех. И бесконечность неба вместе с ними становится бескрайний, и ветер запоет в холодном крае. Они будут встречать рассвет в дни весеннего равноденствия. Любовь должна быть всегда прекрасна. Таежник восхищенно повторял себе, что желает всегда преклоняться перед величием удивительной, теплой и ласковой, как солнце, Любви. Желал, а она бесконечно прощала ему глупый обман и ложь. Ведь в прошлом он не умел еще сильно любить и лгал от безысходности или стыдясь собственной вины. Желал, а она бесконечно прощала ему раздражительность и измену. Вернувшись к ней, таежник раскаивался, просил прощения и, сравнив все вокруг,

вновь обретал самое лучшее, удивительную Любовь. Она бесконечно прощала ему злость, обиду, разочарование, страдание, огорчения и предательство. Все могла простить Любовь, что при-

шло от незнания, а не от злого умысла.

Удивленный таким великодушием таежник осмотрелся по сторонам. Гольцы Чело-Монго сливались с небом, и на белках блестели бликами снежники, переплетаясь с багульника узорами, когда на них лежали олени. Удивленное сердце под аму-

летом сильно билось. Жадно и учащенно вдыхая неба воздух. Таежник мечтает и думает в поднебесье восхищенно, вдохновенно, словно кочующее счастье. Не хватало силы самого бродяги-таежника быть всегда с ней вместе. Амулет всегда хранил его фантазии. Мало было веры в их осуществление в суровой таежной кочевой жизни. Этим таежник объяснял себе неготовность к действию, неготовность работы над собой. Чувство мечты быть вместе переросло в страстное желание, становилось необходимостью и нуждой. Эта страсть затмила все другие помыслы, стала навязчивой идеей. В сознании рождались планы, действия, цели. Таежник осознал: фантазии на горных тропах не нужны, их нужно или откинуть, или превратить в мечту о красивой сказке вечной кочевой Любви и Счастья. Таежник желал, чтоб мечта сбылась, старался быть настолько непоколебимым в своем желании, чтобы убедить себя в будущем успехе. Он стал верным своим мечтаниям. Таежник обязан победить, должен решиться перейти перевал и забыть свои кривые тропинки. Пришло новое состояние разума, страстное желание быть вместе, столь необходимое для его рисунка жизни. Таежник сделал шаг и перешагнул ворота перевала Мус-Даг-Дабан и пошел далее по родной тофаларской тропе. В глазах хранилось отражение неба, туманы снов подымались вверх, опуска-

ясь хрустальным дождем. Пурпурной улыбкою сердца на вечных хребтах Чело-Монго растворялось пространство и время в звездопаде странствий души, оставляя обнаженными нервы и стремление бесконечно вместе по тропам идти.

Щурясь на солнце от снегов Чело-Монго, тихо по древним тропам вместе кочуют Чогду — Счастье и Эьккисинэр — Любовь, выбирая направление по древним указателям пути, Солнцу, Луне и звездному небу. В первозданном мире создавая и строя пространство Души. Рожденные для кромки неба и земли, распахнуты свежим ветрам их нежные души. Близка бездна и шумит порог, они сердцем ощущают верный путь из тысяч каменистых троп. Заботясь, друг о друге, кочуя вместе, Чогду и Эьккисинэр никогда не разлучатся. Если в рисунке жизненных троп Священных Саян есть Любовь, рядом с ней кочует и Счастье.

СОБИРАТЕЛЬ ЭМОЦИЙ

Оленьей тропой измеряя глубины небесного свода, ровняясь созвездиям, плывущим в вечных снегах, таежник ощущал вкус ветра на пересохших губах. Оглохнув от тихого шума бесконечной вселенной, он удивлялся притяжению земли и таинственности Священных Саян. Таежник стоял на вершине гольца. Он был предоставлен только самому себе, и смотрел в ночное небо в ожидании, когда придет Дух-Покровитель. Звезды, яркие и крупные, поблескивая теплым и холодным светом, были густо рассыпаны по бархатному небу.

Внезапно возникло удивление, поразившее таежника красотой звезд, и открылось своими новыми неожиданными гранями. Удивительными оказались и его собственные неожиданные мысли, чувства и эмоции. Удивление превратилось в радость и предчувствие событий — принести возврат к природе, чтобы пройти необычной тропой во внутренний мир его сердца. Таежнику было легко, радостно на вершине гольца. Он словно летел среди звезд, как на крыльях, готовый обнять весь бескрайний мир. Таежник был счастлив полнотой и осмысленностью жизни,

единством с миром, ощущением своего назначения в этой жизни. Он гордился красотой Саянских гор в звездном небе. Таежник воспринимал близкими и живыми гору, звезды и открытое небо. Дух был во всем и повсюду и проявил себя через общение с водой, птицами, кедром и небом. С ним разговаривали и гора, и камни, и реки, и даже вечерняя звезда.

Мысленно купаясь в небесных звездах, таежник мечтал о встрече с Духом-Покровителем племени Черных Гусей. Вдруг он почувствовал в небе присутствие большой Черной Птицы. Небо было бесконечным, а гигантская Птица летала вокруг, словно в открытой вечности. До таежника доносился шорох ее крыльев, то издали, то совсем рядом. Таежник ощущал, как ее перья или крылья касаются рук, спины, головы. Чувство было таким тревожным, что он не мог больше выносить все спокойно. Он задрожал, словно скованный холодным снегом, и медленно начал погружаться в мир тайн и ветра. В бесконечное и вечное измерение, неподвластное ни форме, ни времени, ни пространству. Изумленный таинственностью до состояния пораженности, чем-то неожиданным, необычным. Все тревожило его сердце ощущение неопределенности, ожидание негативных событий, трудноопределимые предчувствия. Не осознавая причины, побуждала к действиям по повышению вероятности благополучного исхода событий. Расплывчатый страх, печаль, стыд

и чувство вины терзали его сердце. Таежник находил в своем прошлом много неблагоприятных или опасных событий. Зачем рубил деревья без надобности? Ловил рыбу, которую не скушал. Оскорбил друга.

Ленился вовремя кочевать с оленями в высокогорную тундру в вершинах Саян. Не уберег оленей от волков. Шумел на Малом Суглане, запасаясь продуктами для зимнего промысла. Затем переносил этот опыт последствий в свое будущее. Мучила неуверенность, что

он встречает Птицу не с чистым сердцем, что могут возникнуть трудности в общении. Боялся своего смущения, неловкости, растерянности.

Стало грустно от значительной неудовлетворенности его прежней жизни. Давили печаль, тоска, уныние, скорбь, плохое настроение, ленивая неспособность к перемене кочевых мест. Приходили мысли изменять положение к лучшему, кочевать и добиваться своих целей, устранять неудовлетворенность хороших желаний. Грусть была настолько неприятным чувством, что вынуждала действовать, искать и устранять причину, чтобы избавиться от нее. Мысль металась в поисках выхода, беспокойство все дальше проникало в глубину сердца, и росло напряжение. Начинали происходить изменения в сознании, старые воспоминания всплывали на поверхность, и он сталкивается лицом к лицу со своими пороками и страхами. Рождалось новое представление о его предназначении в горах. Подталкивая, исправится и исполнит свои цели. Таежник боялся и дрожал, но не только от холода, незащищенности и одиночества в присутствии Птицы духа-покровителя. Небо, украшенное звездами, укутывало таежника видениями от общения. С появлением большой Утренней Звезды таежник почувствовал, что Небесная Птица смилостивилась и дала ему силу понять свое сердце.

Таежник ощупал амулет, который значил для него много, как звездное небо, и был его помощником и другом. Для него амулет — книга, дающая жизненный настрой, и помогает умиловить Птицу. Таежник сжал амулет с ленточками, наполненными силой и приносящими удачу. Медленно наступило переосмысление, сожаление и раскаяние в прежних ошибках тропы жизни. Осознанно приходил отказ от страстей, плохих привязанностей. Преодолевая страх и ложные ограничения, привычные ошибки. Таежник впускал в жизнь своего сердца орешки любви, бережного отношения к миру, уважения к окружающим. Осторожно нащупывал тропу истинного счастья, покоя, любви и полного присутствия в жизни Священных гор в пространстве и времени. Начиная путь по тропе самопознания. Таежник полностью менял ход своих мыслей в том, что касается самого себя, мира своего обитания и вселенной в целом. Менялась точка зрения. Менялось отношения к тайге, ко всем своим прежним интересам, желаниям, планам на будущее. От перемены ума и мыслей возникло отвращение к поступкам, которые совершал без любви, и желание исправиться, предпринимать попытки вновь любить все вокруг и сердцем понимать первозданную кочевую жизнь. Это желание придало новый смысл его жизни и расширило сознание, сменяя мелочи. Через переосмысление происходило изменение жизненных рисунков его жизни. Перестраивался ум и сердце. Встреча с Птицей устранила преграды, препятствующие воспринимать первозданность природы, ее чистоту и уникальность. Восстановилось спокойствие и гармония в его сердце и давало чистое дыхание. Тело, преображая свои силы, стало послушно сердцу. Рассудительная воля преобразилась, появилось естественное желание общаться с Небесной Птицей. Таежник ощутил силы, способные

вместить в себе все горы Саян и стать их единой частью. Начиналось ощущение присутствия, общение с Птицей по природе и по любви.

С сияющим восходом Утренней Звезды, похожей на амулет «Собиратель Эмоций», небо вновь срослось с острыми белками. Скалистые пики кутались в снега. Воздух был душист, и блестела прозрачная вода у подножия гольца. Небосвод стал ясен и слепил таежнику глаза прозрачностью лазури неземной. Таежник зарыдал, на этот раз от счастья. Он не знал, как долго находился на горе, возможно секунды, дни или всю жизнь. Обретя глубокое единение с природой, он узнал себя, кто он есть. Он стоял опустошенный и очищенный, не в состоянии осознать изменения своего сердца, единственное, что теплилось на его дне, — положительно окрашенная Надежда.

ДУХ СНЕГА

Таежник Чогду жил в тесном общении с животными и растениями и разбирался в их привычках и настроениях. В безветренную погоду тайга сильно шумела. Треск кедров усиливался, а воздух над лесом был в синих оттенках. Таежник вдохнул глубоко: запах воздуха оказался сладкий и свежий, значит, скоро установится теплая влажная погода. Наблюдательный таежник осмотрел кроны кедра стелющегося над землей. Они опустили свои ветви вниз, серебристая хвоя скрутилась, а чешуйки шишек сжались в ожидании дождя. Обитателю тундры снились снежные вихри и вьюга с ревом, предвещающие сильный снегопад. Но таежник не обратил на сон внимание. Дождь шел со снегом, но не пугал таежника. Он украсил лентой цветной материи стланик — дерево и отправился вдаль, для свидания с чудесным Снежным озером. В его водах настоящие драгоценные сокровища слились воедино: снег, лед, луна, горы и звезды.

Таежник кочевал по труднопроходимому каменистому ручью, огибая сплошные скальные лабиринты и высматривая для

прохода звериные тропы в кедраче. В зимний мороз по покрытой пушистым снегом реке ходят снежные барсы. Шапка снега покрывает все верхушки кедрового стланика, пороги, камен-

стый берег и скалистые горы. Они засыпали, словно в одном серебряном сне. Вскрытие бессонной реки началось в начале мая, когда снежные барсы уходили на вершины гор очень внимательно рассматривать звездное небо. Река мечтала о связи земли и неба, о возвращении в перво-

зданный рай ближе к звездам. Она представляла, какие прекрасные звезды, солнце и луна, отражаясь, будут купаться в ее воде, в вечной гармонии. Искала вода свой жизненный рисунок, и влекла ее любовь к вольным звездным просторам, но она стекала вниз, бешеным потоком шлифуя скалы. С ревом устремлялась сквозь каньоны и пороги. Подобно звериной тропе петляла сквозь буреломы и чащи таежных дебрей, пробиралась вдоль отрогов гольцов. Под шквальным ветром прорывалась через нагромождения камней и льда, через заломы и глубокие ущелья и теряясь в болотах и каменных осыпях. На воду крупными хлопьями валил снег, и мир превращался в снежную пустыню, стирая границы между небом и землей. Река искала таежное счастье, тянулась ее нежная душа к свету звезд, но тучи сгущались так, что плотно закрывали солнце и соприкасались с волнами. Река разговаривала со скалами и просила горы вывести ее из снежной неволи. Слушал таежник разговор реки со скалами, и плакало его сердце.

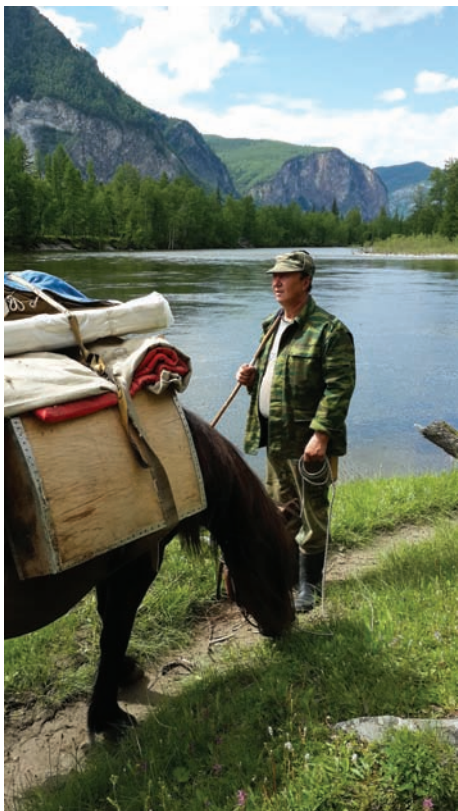
— А почему ты любишь свет звезд? — спросил реку любопытный таежник.

— Да просто потому, что в лунную ночь звезды серебрятся отсветом и мягкими бликами ложатся на воду. Я буду счастлива и красива, как звезда, — пояснила удивленная река.

Нехоженые тропы горной тундры давно заросли льдом и засыпались снегом. Таежник шел и по глубокому снегу, и рядом со слоистыми ледяными массивами на промерзших до дна отлеях и перекатах. Скользящая на морозе реки тянулась бесконечно. Таежник не видел гололеду конца. Наледи были огромные, и над гололедицей клубился туман. Впереди виднелись вздутые бугром вершины ледяных конусов в трещинах, с сочившейся намерзающей водой. Ощупывая ногами лед и камни, таежник прошел мимо подземных наледей с восходящими источниками с вздутиями, покрытых камнями и снегом. Ногой вставал на покрывающую плотным покровом горную реку, раздавался звон и вздохи ломающегося тонкого льда. Наст легко проламывался, поэтому таежник двигался на четырех опорах, уменьшая давление на снег, наугад и на ощупь, стараясь не подходить под снежные карнизы, которые свисали со скал.

С еле уловимым гулом вдруг мир превратился в снежную пустыню, стирал границы между небом и землей. Снегопад неожиданно обрушился сплошной стеной. Таежник не различал день и ночь. Решил, что стихия сводит с ним счеты. В этом снежном храме с дымкой холодов, на границе леса и тундры у кучи дорожных камней, таежник положил палочку с лентой из красной материи. Он просил вывести реку из снежного плена.

— Я не хочу расставаться с вами, снежные горы, но я прошу вывести реку из снежного рабства, — просил таежник.

В критической ситуации он прижал к груди амулет «Дух Снега». Вдруг снег мгновенно перестал падать, метель успокоилась, и лед реки заблестел в свете показавшейся из-за туч луны. Заметил таежник, что от ночного небесного светила протянулся тонкий лучик света, который постепенно превратился в лунную дорожку, проложенную прямо на берег, где находился снежный барс. Услышали снежные горы мольбы реки и таежника и послали снежного барса избавить их от власти снега, а рисунок жизни направить навстречу озеру, где видны отраженные в воде сверкающие светом звезды.

К своему счастью, в снежном царстве заметил путь снежного барса, белого, как пушистый свежий снег. Он указывал тропу в белесой тьме ледяного плена, от которого болели глаза. Снежный барс то шел, то стоял, следя за передвижением таежника и реки. Они следовали за этим удивительным существом в течение нескольких дней и ночей, однако снежному барсу удавалось скрыться в снежных горах. Река решила следовать за снежным барсом через заснеженные чудовищные скалы. Обессиленному таежнику колючий и блестящий снег обжигал глаза, но он с трудом шел за животным. Снег валил под шум метели, закрывая реку пеленой. Снег летел с вьюгами и морозами, совсем не таял, заметал следы. С каждой снежинкой преображался, белыми вихрями вращался и падал плавно. Околдовывал мягкой снежной ласкою нескончаемым хороводом. Забирал нещадно силы непролазный снег, сырой и рыхлый. Проваливал в скрипучие сугробы. Кружил подгулявшей метелицей. Упрямый снег валил клочьями и хлопьями из темноты небес. Снежинками нежно порхал снег, поземкою злился и морозною свежестью ледостава играл. Под шагами хрустел и стонал в замерзшем русле реки. Серебром блестел звездочками в буране и льдинками. В ледяном плену таежник от снега поседел, а вода в реке стала синей.

Снегопад неожиданно прекратился. И перед таежником и рекой, будто бы в небе над повисшими облаками, раскрылось окно в прекрасный мир. Снежный барс вывел их на берег чудесно мерцающего Снежного озера, о существовании которого

они даже не подозревали, ибо считали эти пороги непроходимыми. Необычное озеро с ледяными высокими краями берегов находилось между льдов и вечных снегов. Оно было наполнено чистыми слезами снежного барса.

Река, холодная как лед, впадала руслом снежным в золотистое царство снега, загадочно освещенного самим воздухом. Вокруг простирались изумрудные кедровые стланики. Вода, свободная ото льда и снега, дышала, светилась в окружении вертикальных белоснежных вершин гор, играющих бликами лучей солнца, окрашенных в серебристые тона, на фоне ультрамарина неба. Отражая главную пирамиду, уходящий в небо острый, Священный пик снега. В бесконечной вечности вод промелькнул весь рисунок сердца, и таежник осознал, что духи гор, рек и диких животных равны с духами кочевников. Он спасся потому, что почитал реку и свое небесное животное снежного барса, дух которого охранял и берег от опасностей, ошибок и промахов. С особым почтением и уважением относился к снегу, у которого был в плену.

В бесконечной вечности перед ним промелькнул весь рисунок его сердца, и добрый дух послал полярную звезду, сияющую над горой. С замиранием в сердце реки рождалось волнующее счастье. Играя алмазными брызгами, вода стала чистой. Небо посветлело, и впереди виднелась невероятной красоты гладь озера, наполняя миром и покоем реку. Прозрачное озеро отражало в зеркале вод свет полной луны, ясные краски звезд, ночь и в глубине бездонной пучины завораживающий Дух Снега.

СУГЛАН АМУЛЕТОВ

В таинственном крае, где подпирают небеса горные хребты и берут свое начало реки. Где нет дорог, а перекочевка совершается верхом на оленях по тропам, прошел тофаларский Суглан. Сегодня Суглан — краеведческие и этнокультурные экскурсии, собрание охотников и таежных кочевых оленеводов восьми древних родов. Хаш: Кангараевы. Чептей: Тулаевы, Алаштаевы. Сары-Хаш: Калдыновы, Балыкаевы, Мамокаевы. Тырк-Хаш: Торгоевы. Ак-Хаш: Буктурбаевы. Ирге-Хаш: Сагановы. Чогду: Амоستاевы, Киштеевы, Тобулаевы, Бучеевы, Хыкыевы, Андылаевы, Холямоевы. Кара-Чогду: Токуевы, Унгуштаевы, Арактаевы, Изотовы, Баканаевы, Отрумевы, Мухаевы.

Праздник начинается с избрания Великой головы Шуленги, и вручают ему главный символический амулет-покровитель с рисунком Черного Гуся. Шуленга созывает Дарга — представителей от каждого рода и передает им символические амулеты, которые они носят на шее. Амулеты Дарга разных родов: медведь, олень, лук со стрелой, лисица, ружья, соболь, белка, волк.

На торжественное событие прибыли друзья и знакомые, многие из которых не виделись много лет. По кругу, в долине среди гор, под открытым небом поставили чумы в виде стойбища с открытыми лабазами. В центре этого круга оленный камень с рисунком летящего оленя, очень похожего на птицу. Рядом разведен костер — Хаптагай-Одо, он горел днем и ночью до окончания Суглана. Под веселые пословицы, шутки и поговорки Шуленга варит бухлер — тофаларское блюдо, наваристый бульон с крупными кусками мяса изюбря. Угощают всех таежников. Гости сыты, веселы и стараются хорошо выглядеть. На праздник все пришли в традиционной нарядной одежде, украшенной амулетами. Дарга разных родов рассказывают новости кочевым охотникам, решают общие вопросы. Молодежь знакомится и веселится. Складываются будущие семьи. Сидя в седле, гости символически совершают традиционную перекочевку на северных оленях, связанных в длинные караваны. Кочуя по тропам золотисторододендровой горной тундры, от обо к обо, украшая их разноцветными матерчатыми ленточками. Подъехав до каменных лучей солнечных керексур, все бросают камень — подношение духам — хозяевам горных вершин. В день зимнего солнцестояния любоваться восходом солнца над почитаемыми вершинами и перевалами. Наслаждаясь девственной природой, чистым воздухом и белизной

снега в не затронутых цивилизацией угодах. С мечтой светлой в сердце почувствовать пространство, покой, время и возрастающую власть солнца. В пути верхом под звуки погремушки

на шее оленей и музыку хобуса хорошо петь песни. Вернувшись к оленеводческому стойбищу из шестовых чумов, покрытых вываренной берестой и шкурами, за горячей чашкой соленого чая с оленьим молоком пообщаться с родными или друзьями. Вспоминая охоту, горы, снежники, багульник.

Опробовать охотничьи манки: берестяную конусную трубу на изюбра, двуязычковую пищалку из бересты на кабаргу, свисток из тальника на рябчика, трещотку.

Со всех гор Черного Гуся привезли оленеводы на Суглан амулеты, сделанные своими руками, для обмена и подарков друзьям. Это незатейливые обереги чистых мыслей, светлых снов и добрых пожеланий. Каждый род имеет свои любимые амулеты, они в основном изготавливаются из клыков кабарги и меха животных, медвежьих лап и из срезов-пластин рога изюбря. Женщины и дети дарили друг другу обереги, ожерелья, амулеты. Самые популярные и любимые у детей — амулет Снежного Оленя и амулет Солнечного Соболя. Традиционно их носят на одежде, головных уборах и подвешивают у детской колыбели или у входа в чум, они используются для украшения и защиты. Амулет Хозяина Тайги каждый охотник на перекочевках изготавливает себе сам из медвежьего зуба, он верит, что вместе с ним забирает силу медведя. Верные спутники таежной жизни для кочевого охотника, дающие поддержку и уверенность в себе, — амулеты «Календарь Зверолова», охотничьи ножи «Волчья Лапа», «Коготь Медведя», «Оскал Волка».

«С давних времен оленеводы почитают волка, видя в нем сверхъестественное существо. Они не убивали волков, думая,

что остальные отомстят и истребят всех оленей. Волчат маленькими забирали с логова. Оленеводы говорили о том, что волками распоряжается дух и позволяет задрать определенного оленя в стаде, когда матерая волчица приводит учить охотится молодых волчат. Поэтому подобные набеги волков на стадо часто расценивались оленеводами как необходимая жертва, которая обязательно в будущем принесет удачу, и потусторонние силы будут в дальнейшем оберегать оленей. Волк, перебежавший дорогу охотнику, предвещал промысловую удачу и счастье в перекочевке на новое стойбище. Украшения мужчин на Суглане и в тайге часто состоят из волчьих клыков, когтя и волчьей лапы. Они верят, что вместе с ними забирают выносливость

и ловкость матерого зверя. Волки всегда умеют достигать поставленной трудной цели. Преследовать свою добычу матерые звери могут очень упорно, такая выдержка всегда нравилась

и поражала воображение охотников, — объяснял рисунок своего амулета таежник Великая голова Шуленга. — Сюжеты наших таежных историй наполнены счастьем и человеческим теплом, любовью и заботой. Охотникам и таежным оленеводам важно, кочуя с домашними северными оленями по труднодоступным горам Саян, ощущать время неизменным, дарить друзьям амулеты обретения духовной силы».

Все слушали рассказ старого таежника, в это время к людям на Суглан вышел медвежонок-шатун. Некогда бурый медведь был сильнее ветра. Штормовой ветер валит вековые кедры, медведь всегда стоял как скала. Сегодня бродягу бурого медвежонка качал порывистый ветерок. На границе глухой тайги и каменистой тундры в вершинах у истока реки Уда Саянская одинокий медвежонок-потеряшка не мог найти сестричку и медведицу. Он остался сиротой. Крохотный медвежонок вышел на кочевую тропу, по которой кочевал к детям. Он похудел, истощал, не кушал несколько дней. Ласковый медвежонок понравился детям таежников, и ребяташки угостили его сладостями. Всем было жалко его. У детей таежников появилось желание забрать малыша с собой на стойбище к олененку, надеясь, что они будут друзьями. Дети переживают и спрашивают совет

у старых таежников: «Как нам правильно поступить? Чудный медвежонок к людям привыкнет и не сможет самостоятельно жить в тайге. А если забавный маленький медвежонок уйдет в тайгу, дети не смогут вынести разлуки с очаровательным братишкой». Ветер кочевал в поисках таежного счастья и слышал вопросы таежников. Потянет, рванет порой по тугим скалам, покрытым снегом, нашептывая бродяге бурому медвежонку: «Мирно тяни звериные тропы в уютную берлогу».

МАТЕРАЯ ВОЛЧИЦА

Стойбище таежного кочевого оленевода и охотника Чогду находилось в высокогорной тундре на вершинах Саян выше линии леса. На пригорке, окруженном горами, паслись олени. У редких стланиковых кедров поддерживал огонь костерка в уютном чуме. Вокруг мох и ягель росли широкими полями, и по ночам олени паслись по окрестным горам, ощиывая веточки карликовой березки, собирая грибы. Собаку Алактая привязал. Соболятник Алактая по горам начинал гонять оленей, играя с ними. Сторожевую службу промысловая собака Алактая не понимала и оленей не умела пасти.

Матерая волчица привела молодых волчат к стаду оленей и стала учить их охоте. Робкие и нежные олени боялись и тесно прижимались друг к другу на стойбище, на сухом открытом пригорке. Уши волчат приподымались и прижимались, но направлены были вперед, углы рта выдвигались. Глаза округлились и устремились на оленей. Волчата демонстрировали зубы, открывая пасти, вздыбив на мордочке волосы. Появлялись глубокие параллельные складки кожи позади носа над верхней

челюстью. Кончики носа вздернулись вверх. Оскаленные мордочки говорили об агрессии и готовности к нападению. Мимикой волчата подбадривали друг друга. Волчата со страхом, смешанным с агрессивностью, бесшумно подкрались и неожиданно, резко кинулись к оленям, вызвав у них панику. Этим маневром они перехватили и удерживали разбегающиеся стадо. Волчата преследовали оленей, ошибались, но с трудом загнали в россыпи каменной реки. Учились предвидеть перемещения оленей и поджидать, не давая выбраться из каменного тупика.

Попад в тупик, олени метались, но в нагромождениях острых крупных камней нежные создания травмировались и становились легкой добычей волчат. У волчат появилась уверенность в себе, головы их стали выглядеть более округлыми, а уши стояли прямо и направлены были вперед. Страх у волчат ушел. Хвосты волчата держали выше уровня спины, почти вертикально вздыбив волосы. В азарте они перекусывали сухожилия и артерии на задних ногах оленей. Терпеливо ждали. Раненый олень далеко не уйдет, ляжет от потери крови. Урок повторял каждый волчонок на новом олене.

Вдруг среди волчат неожиданно появилась матерая волчица. Не обращая внимания на азарт разгоряченных волчат, она сразу подошла к краю стойбища, где настороженно остановилась. Волчица зачужала приближение человека. Мордочка ее вытянулась, уголки

рта сузились и оттянулись назад. Она замерла, как бы прижалась и стала меньше, а отвела назад уши. Испуг волной прокатился по ее спине. Негромко и коротко фыркнув, она с волчатами молнией исчезла в зарослях карликовой березки. Таежник подошел к стойбищу и упал на колени. Он увидел кровавую картину побоища. Оленей задавили больше, чем требовалось для насыщения волков. Шкуры с задавленных оленей снял, а мясо оставил. Таежнику нельзя есть

мясо, добытое волком, оно принадлежит ему. Следы говорили о большом выводке, и можно от него ожидать большие неприятности. Таежник попал в тяжелые условия. Благодаря волкам стадо сократилось до одного оленя, а без оленей таежнику в тайге делать нечего. Таежник волков не промышлял и капканы против волков не ставил, облавы не устраивал, не выжигал и не выкуривал дымом хищников из логова. При появлении волка таежник всегда уходил, считая его священным животным. Многие охотники травили волков ядом. Таежник не мог так поступать. Не научился и не желал применять стрихнин. Погибшего волка склюют птицы, и они погибнут от действия яда. Упавших птиц съедят другие зверьки, и они погибнут от яда. Их съедят и растащат мелкие хищники, птицы, другие падальщики, и они отравятся. Погибнет все живое вокруг в тайге.

Таежник взял собаку и по следам пошел искать логово. Логово волки устроили в укрытом, хорошо защищенном месте. Под навесом в скалах, с глубокими трещинами. Это была уютная семейная дневка, окруженная плотными кустами и нагромождением камней. К логову волков Чогду старался подойти незаметно. Подрастающие волчата резвились после охоты на открытом, хорошо просматриваемом месте. С площадки был

очень хороший обзор местности, и волчата быстро обнаружили опасность. Они кинулись в густые заросли и лабиринты ходов в камнях. Мгновенно растворились, ничем не выдавая своего присутствия, затаились. Волчица не проявляла агрессивности по отношению к Чогду, несмотря на то, что он близко находился около ее детей. Чогду хорошо осмотрел логово и медленно пошел к стойбищу мастерить новый амулет «Матерая волчица».

Волчата выросли и самостоятельно кормились всякой таежной живностью — мышами и сусликами. Затаиваясь около нор, подолгу ожидая выхода сурков на поверхность. С аппетитом ели орехи, ягоды и травы. Но волчат тянуло к крупным животным, и они инстинктивно кочевали за копытными. Зимой волчата выгоняли кабарог на наст. Становили оленей на отстой, труднодоступные участки отвесных скал. Загнав на отстой, волчата сутками поджидали, пока уставший олень от неподвижного стояния не станет их легкой добычей. Волчата окрепли, набрали хороший вес, их мышцы стали натренированные, из мощных челюстей блестели острые клыки. Трудное время морозов подстегивало азарт охоты и инстинкт, заставляло заготавливать мясо впрок. И такой случай подвернулся. Крупный изюбрь кормился в редколесье корой осины. С подветренной стороны волки близко подкрадывались к изюбрю. Расстояние сократилось до тридцати метров. Заметив волков, изюбрь побежал по глубокому снегу. Копыта проваливались, и он не смог оторваться от погони. Волки быстро приближались, изюбрь резко остановился и развернулся, чтобы рогами отбить нападение. Волки взяли изюбря в круг, рассредоточившись для атаки. Самый смелый волчонок схватил изюбря за левую заднюю конечность. Но изюбрь отбросил его и копытом ударил второго отважного волчонка, вырвался из круга. Побежал в сторону густого кедрача, где находился отстой. На пути оказалась река, покрытая гололедицей. Изюбрь поскользнулся. Волчата молнией накинулись на него. Отважный волчонок вцепился в правую, а другой смелый волчонок вцепился в левую конечность изюбря. Ловкий волчонок запрыгнул на спину. Несмотря на висящих на нем трех волков, изюбрь продолжил медленный бег по глубокому снегу. На скалах он стряхнул с себя волков. Добравшись до отстоя, изюбрь был в безопасности с трех сторон и приготовился

защищаться рогами. Но, быстро теряя кровь, покачался и упал в снег. Смелый волчонок бросился и вцепился клыками в нос изюбря. Волчата утолили первый голод. Наевшись, остатки туши изюбря опрыскали своей мочой и мясо сделали помеченным. Сытые, они сегодня не преследовали кабарог на настe. Но, встретив стадо оленей, азарт охоты проснулся у них. Волчата приблизились на дистанцию бегства к оленям. Олени пустились наутек, волки последовали за ними.

Один из оленей начал постепенно отставать от стада. Волчата преследовали его, пока не догнали. Умные, хитрые, знающие ловкие приемы и методы охоты, стаей они легко умели добиваться успеха.

Пришла новая весна, и в логове матерой волчицы появился новый помет. Таежник вновь пришел к логову, волчица находилась на охоте. Маленькие волчата лежали одни, собравшись в кучу, чтобы согреться. Щенки не поднимались на ноги и перемещались, ползая, прижимаясь друг к другу. Тревожно спали. Подавленное настроение, чувство страха заставляло их прятать хвостики между ногами и прижимать ушки. Оттягивая назад уголки рта, волчата жалобно пищали. Таежник привязал ленточку у логова, со словами прощания и плача вытаскивал волчат по одному, туго перевязал каждому малышу задние лапы нитью из сухожилий оленя, чтобы они не могли никогда бегать. Перевязанных волчат положил назад в логово и побрел на стойбище к своему оленю. Вечером волчица вернулась и как обычно кормила волчат. И так продолжалось каждый день. Волчата выросли, но ходить на оленью охоту не могли, ползали только вокруг логова. А волчица продолжала каждый день кормить волчат, в новом году не создавая новое логово и новый помет. Количество волков в Центральных Саянах не увеличилось.

ДУШЕВНОЕ СПОКОЙСТВИЕ

Поклоняясь солнцу и луне, живущих в глубинах Вселенной, как священных животных почитал таежник Чогду оленей и крайне бережно с ними обращался. Из священного яйца Черного Гуся родился Солнечный олень. Сначала он был серым и невзрачным. Черный Гусь одел его в золотистые ленточки Джалама и осыпал золотым песком. Солнечный олень, впитав в себя лучистую энергию золота, стал великим светилом, согревающим все живое в Саянах.

В прошедший год случился сильный падеж прирученных оленей. Зима выдалась холодной, длинной и снежной, засыпав все перевалы, отрезала таежника от внешнего мира. На летнем стойбище заболели олени копытной болезнью, поселились в них болезнетворные духи. На кочевках ослабленных оленей давили волки, забирали, как принадлежащую им добычу. Попав в тяжелые условия, таежник был принужден, чтобы не умереть с голода, колоть оленей, повредивших спину или ногу. Гибель оленей от зверей заметно убавила их количество в стаде. Малочисленность оленьего стада заставляла таежника думать,

как пополнить эту ситуацию к лучшему. Было большое желание приобрести новых оленей. На соболей можно обменять хорошего быка и в придачу еще взять седло и охотничий нож. И дать оленю имя Ак-Гудай — красавцу белому оленю и с удовольствием привязать тряпочные оберегающие ленточки ему на рога. Мечты таежника были похожи на красивую сказку. Погрузившись в сладкие фантазии, таежник кочевал по бассейну среднего течения каменистых рек, по русловым и террасным отложениям. Под ногами искрами блестели россыпные песчинки золота. По зернышку, крупица за крупицей, постепенно, поэтапно, медленно прорастая из посеянных зерен добрых дел солнца в песок трудных кочевых троп. Таежник равнодушно шагнул вдоль прозрачного ручья. Вдруг ноги и руки перестали его слушаться. Он остановился. В груди забилось сердце, при виде большого количества золота захватило дух. Истинное огромное богатство появилось неожиданно и все сразу. В хрустальной воде лежали самородки, золотые пластинки весом по две сотни

граммов. Золото было с благородными серебристыми оттенками, и одновременно напоминало капли слез солнца и луны.

Быстро пришли мечты о великом богатстве и вечном беззаботном счастье. Робко напевал в самую душу ветер музыку детства

и слова стариков, что кочевые таежные оленеводы-охотники золото с земли не подымали, это отвлекало их от оленеводства и пушного промысла. Но самородки золота соблазнительно светились и горели, играя светлыми и темными гранями. Они и в воде отражали лучи солнца, свет неба и одновременно рисунок волнующегося сердца таежника, переливающегося светлыми и темными поступками. Блестящие, отливающие мягким желтым цветом самородки заманчиво манили иллюзией будущего счастья, но тяжелые камешки невозможно было под-

нять рукой. Блеск иллюзии счастья играл в убегающих волнах, и игриво шелестел ветер хвоей. «Живи богато», — говорило сердце. Таежник не спешил, он старался не сотворить никаких глупостей, он понимал, что сегодня он одновременно и нищий, и богат. Он боялся, что дух жадности и алчности войдет в его сердце вместе с ужасными страхами.

С трудом таежник оценивал разницу между неограниченными желаниями и реальными нуждами повседневной жизни. Таежник решил наклониться к самородкам. Тугой ветер разыгрался настолько, что начал раскачивать на груди ленточки и оберегающий амулет душевного спокойствия так сильно,

что амулет упал на воду и закрыл собой золото за прозрачной глубиной. Тяжелые камешки невозможно было поднять рукой. Таежник отпрянул назад. «Хватит того, что есть», — сказала

сердце, одумавшись. Таежник отпрянул назад. Амулет лег обратно на грудь таежника. Золотые самородки вновь заблестели перед глазами, но таежник понял, что ничего не принадлежит ему: ни горы, ни олени, ни даже собственная жизнь. Ему все это дано во временное пользование при условии, что он достойно и правильно использует в целях общего таежного блага. В нем медленно появлялась внутренняя сила, благоразумие и бескорыстие. Желание быть удовлетворенным при любых обстоятельствах. Самородки лишь зеркально отражали все вокруг, а восходящее солнце над тайгой зажигало свет в его сердце и поддерживало тепло.

Таежник поднял голову и посмотрел вокруг. На гольцах царил тишина, пирамидами возвышались изумрудные кедры и белые снежники гор на фоне чисто синего неба. Первозданный таежный мир был достаточно велик и очень хорош. Окруженный лазурной бесконечностью неба на вершинах гольцов, снег отражал солнечные лучи. Пели песни ветер и птицы. Яркими красками расцветала золотая таежная осень. Самосветящийся таежник почувствовал себя очень легко и хорошо, он становится наполненной счастьем и свободой личностью. Он внутренне обрел сокровища собственной души в приисках своего сердца и чувство достатка и благополучия. С радостью и любовью кочуя по бескрайним просторам Центральных Саян, ему оказались не нужны для счастья какие-то внешние вещи. Таежник понял, что счастье приходит само из сердца.

ЛЕНТОЧКА-ЗАПРЕТ

Тропа извилистой линией взбираясь по тальвегу пониженных участков красивой долины, заросшей карликовой березкой и кедровым стлаником, вдоль горных отрогов с обрывистыми краями восточного склона хребта. Подымаясь ближе к верху, забирая к скальным уступам, по правому берегу Жимолостной реки. Повернув в правый ключ, вывела таежника Чогду и его собаку Акколла в небольшое по длине ущелье. С трудом пройдя по скользким камням ущелья, таежник оказался в уютной долине, окруженной синими скалами. Над головой висело бездонное небо, окруженное горными массивами. Очаровательное высокогорное место находилось в котловине, и отличалась от окружающей ее моховой с мерзлой подпочвой, болотной с железной рудой и сухой тундры. В верхней части ущелья пологое, это тундра, поросшая багульником саган-дайля, с каменными россыпями и снежниками. Таежник любовался редко посещаемой бродягами людьми тундровой глушью, настоящим медвежьим углом, называемым «Урочище Ягодная Тундра». В диком уголке, не затронутом цивилизацией, жило несколько семей медведей.

Таежник из племени Черных Гусей умел находить общий язык с животными и растениями, хорошо ладил с диким миром. Ощущал себя членом единой таежной семьи. Со многими животными он рос рядом и воспитывался с самого детства и воспринимал их основателями родовой охотничьей традиции. Между ним и животными существовала невидимая таинственная связь, которая позволяла ему видеть мир не таким, каким его видят большинство городских людей. Род таежника имел тотемных сородичей, мифических прародителей, предков и братьев. В этом гармоничном мире между таежником и зверями-охранителями существовала настоящая крепкая дружба.

Сегодня таежник рассмотрел тропу самого умного и сильного хищника в Центральных Саянах, чье поведение было похожем на поведение людей, близким и понятным таежникам, жившим в дикой природе. Таежника привлекала способность медведей пережидать холод и голод сурового зимнего времени, проводя треть жизни в спячке. Таежник внимательно рассматривал места, где медведь устраивает берлоги. Он осматривал естественные каменные ниши и пещеры. Его заинтересовал вход в расщелину, у которого рос крупный стланиковый кедр, ветками прикрывающими вход. Таежник осторожно подошел ближе и заглянул внутрь расщелины. Это была уютная берлога. Лежка в расщелине имела вид крупной чаши и располагалась несколько выше входа на подстилке из веток кустарника, осыпавшейся хвоей и сухой травой. Такие берлоги для таежников рода Чогду были чем-то вроде живой кладовой мяса и жира и использовались в зимнее время для спасения от голода и непредвиденных напастей.

Основной корм у медведя в Саянах — молодые побеги трав, их луковички и корневища. Он раскапывает норы полевок и

охотится в местах отела оленей. Питаясь в основном растительным кормом, тем не менее, нападает и на копытных. Мощный, неторопливый, добродушный медведь раскапывал и кладовые ореха, норы бурундука. Охотно поедал и падаль, заваливая ее ветками и камнями. В поисках корма бродяга медведь все лето широко кочует, отлеживаясь во временных убежищах, в зависимости от урожая кедрового ореха. Отдыхает в местах с хорошими укрытиями и хорошим обзором на скалах с нишами, у кедров на крутых склонах, но осенью, накопив жир, вернется

в уютную и теплую берлогу. По истлевшей траве таежник понял, что берлога используется многократно и, нагуляв жир, зверь зимой вернется сюда.

Таежник о медведях знал все и почтительно хранил и совершенствовал медвежьи обряды добывания удачи. Добычу медведя он начинал с поиска будущих берлог родоначальника и сопровождал свои действия очищающими душу обрядами. Таежник хорошо помнил, что медведь прежде был небесным существом, наделенным высшими качествами, но позже спущен Небесной Птицей на землю заслушивание и попытку пугать небесных жителей, чтобы карать таежников, берущих лишнее с тайги.

Собака Акколл обнюхала берлогу и убежала. Собака была молодая, и таежник обучал ее охоте. Она еще позволяла себе много шуметь и играть. Заигравшись, собака Акколл отбежала от таежника и встретила

одинокого медвежонка. Бродяга-мальш капризничал, плохо себя вел и далеко ушел от мамы, а встретив Акколл, был рад встрече и стал играть с ним. Акколл, заигравшись, унес малыша с собой. Таежник сидел у берлоги и увидел, как Акколл, прижав уши, пулей бежит к нему. Зубами он держал маленького медвежонка. Медвежонок был похож на бурый шарик с блестящими черными глазами. Он детски игриво пищал. Следом, ломая сучья и ветви и разбрасывая россыпи камней, яростно рыча, бежала огромная мама медведица. Таежник на мгновение остолбенел от неожиданности и, быстро выхватив котелок из рюкзака, стал колотить в него камнем. Акколл, не отпуская медвежонка, побежал еще быстрее по склону горы, описывая круги вокруг берлоги. Мама-медведица, не отставая, следовала за ними. Таежник колотил камнем в котелок еще сильнее, а вокруг него описывали круги его охотничья собака с медвежонком в зубах и догонявшая их свирепая медведица-мама. Через несколько кругов собака устала и бросила медвежонка. Мамочка-медведица тоже выбилась из сил и, тяжело дыша, подошла к малышу, тщательно облизала, пожурился, чтобы не удалялся от нее далеко. Ласково обняла, терпеливо прощая все проказы. Аккуратно она взяла зубами малыша за шкурку и хорошенько встряхнула его. Медвежонок жалобно заскулил. Медленно восстанавливая силы, косолапя, понесла его через заросли багульника саган-дайля в нагромождения камней горного массива. До таежника долго доносилось ворчание медведицы, что она серьезно займется воспитанием своего непоседы. Акколл, опустив голову и уши, подошел и виновато прижался к ногам таежника. Чогду спрятал котелок, сделал выговор Акколлу за несерьезную выходку, но не стал отчитывать и шлепать, а попросил его быть серьезней, ведь Акколл —

тофаларская лайка, настоящая охотничья промысловая собака, гордый соболятник, а не цирковая собачка. У Акколлы текли слезы, но внимательно слушал, преданно всматриваясь в глаза друга. Признав свое поведение отвратительным, он виновато ходил вокруг. Таежник сначала делал вид, что не замечает плачущую собаку, но вскоре сердце его оттаяло, и он нежно обнял его.

Почтительно привязал красную ленточку на ветке кедра у входа в берлогу, выражая дань уважения маме-медведице, предку медведю и к духу местности и обращаясь к людям с просьбой и желанием, чтобы эту берлогу никто не беспокоил. Цветная ленточка говорила, что здесь берлога медведицы с медвежонком, и воспринималась как место духа предка, реальное воплощение его жизненной энергии. Зимой, увидев яркую ленточку — табу-запрет у берлоги, охотники обойдут ее, не тронув малыша и не взяв с тайги лишнего. Таежник продолжал очищающие охотничьи обряды, представляя мысленно все этапы будущей зимней добычи медведя. Повторяя слова прощения при снятии медвежьей шубы с братишки как снятия человеческой одежды. Представлял вкушение жира медведя всеми родственниками на медвежьем празднике и последующее растворение силы медведя в людях. С мыслями о зимней медвежьей охоте таежник кочевал далее по высокогорной тундре в поисках нового урочища с берлогой огромного медведя-отца.

ВЕТЕР МЫСЛЕЙ

Таежник Чогду всегда носил при себе амулет. Он имел различные значения, но функции одни — украшать, оберегать и приносить благополучие и радость кочевому таежному оленеводу, жилищу и животным. Лунным блеском ослепленный, таежник кочевал по перевалам и космическим границам, где лентами амулетов освящены его тропы. В пути приходило вновь духовное рождение, и бесконечность неба становилось бескрайней. Сегодня в таинственном месте высокогорной тундры Удинского хребта таежник интуитивно и сознательно, с открытыми глазами искал встречи с читателем своих сокровенных мыслей.

Его род шел от духа-покровителя Черного Гуся. Глаза и сознание таежника искали в небе птицу, в пространстве и времени приходящую в виде ветра. Только она могла заглянуть в далекие уголки его сердца. Небесная Птица в древности передала предкам таежника обряд и искусство изготовления священных амулетов, применяемых при лечении сердец от грустных мыслей. Амулет «Ветер Мыслей» обладал фантастической, титанической властью. Помогал улучшить суровую таежную жизнь,

чувственно познать мир, очистить разум таежника, направив его на правильные жизненные тропы и добрые пути. Амулет таежнику достался от прадеда и был сделан из кусочка шкуры,

на котором красовалась небесная летящая птица. С амулета свисали ленточки Джалама. Ленточки были из разноцветной ткани и означали чистоту мыслей. Приходили к таежнику хорошие мысли — брат ветер завязывал узелки на светлых ленточках. Приходили плохие мысли — ветер заплетал

узелки на темных ленточках. На лентах всегда было разное количество узелков, а между ними висели когти медведя. Вокруг таинственного места, где стоял таежник, хребты заснеженно высились, а сердце учащенно билось. В первобытном чувстве танца перебирал он ленты амулета, тихо рассуждая с братом ветром.

Таежник считал, что в мыслях каждого человека идет борьба спустившихся на землю со звезд двух медведей. Один медведь — Черный Туман — творец зла и приносит зависть, ревность, сожаление, жадность, ложь. Другой медведь — Белая Луна — творец добра и дает мир, любовь, надежду, доброту, верность. Старый таежник задумался, какой медведь хозяин его мыслей сегодня. Кого он прикармливает памятью поступков. Темными мыслями кормил Черного Медведя, и на амулете появлялся узелок на черной ленте. Он помнил, что попал в ловушку, приготовленную медведем, и, боясь раствориться в Черном Тумане, просил прощения у Небесной Птицы, клялся в поступках, чтобы мысли не связались между собой в длинную цепочку привычек. Если кормил Белого Медведя, на амулете хранения памяти завязывался узелок на светлой ленте. В таежной жизни количество светлых и темных поступков и мыслей у таежника было разное, количество узелков на лентах тоже

разное. Во время танца представлял таежник текущие мысли на лентах причудливых амулетов, перебирал и считал узлы. Рожденный для кромки неба и земли, распахнутый свежим горным ветром, создавал он и строил пространство своего сердца, ощущая верный путь из тысяч троп.

Медленно он погружался в темный туман, сквозь который тускло мерцала луна. Все заполнила тишина и бесконечность, возвышенная и таинственная вечность. Уставший в танце таежник медленно опустился на мягкую кедровую хвою и уснул.

Во время сна, интуитивно рассуждая с хранителем памяти на другой, чудесной стороне мира. Каждый таежник подсознательно умел работать со своими снами. Сильная жажда сновидений исходила на него свыше. Его поступки создавали сами сновидение. Таежник никогда не говорил о том, что не видел снов, его чудесные сны всегда были тонко сотканы. В живом общении с Ветрами Снов он есть таежник, есть настоящий истинный Черный Гусь. Таежник лежал с закрытыми глазами, вновь встретился с читателем своих мыслей, духом-покровителем, через очищение мыслей и разума старался осознать и увидеть добрые тропы. Ветер Снов возник в уединении,

вдали от суеты, где открывается разум. Во сне, оставшись наедине с причудливым амулетом, интуитивно ощупывая узелки на ленточках и вспоминая дни и ночи, когда боялся и ждал.

Чувствуя стук трепещущего сердца, воображение переносило его туда, где переживаемые страхи и опасения, холод, темнота чередовались со светом, теплом, любовью, радостью. Перед

ним пролетали изображения людей, животных, птиц, растений, неба и скал. Уходило чувство страха, и таежник развязывал узелок страха. Он больше не боялся Черного Медведя-Шатуна. Возвращались чувства и смелости, и решительности. Уходили отрицательные эмоции, и он развязывал узелок. Таежник один мог спать спокойно страшной Темной Ночью. Сердцем вспорхнув безмятежно ввысь, птицей над горами пронесся, измеряя крылом высоты небесного свода, каждой клеткой ощущая слово «свобода». Чувствами постигал нечувственные действия прошедших дней. Растворялось пространство и время в звездопаде странствий души. Мысли росли в ощущениях памяти, солнце светило в глаза, и обжигал мороз кожу. Мысли звучали высказанными вслух словами. Мысли летели предположениями о сотворении и будущем Мира. Быстрые ветры уносили к сознанию и разуму, спокойствие замедляло время, мысли приближая к космосу. Мысли подходили воспоминаниями историй жизни своих предков. За годом год и день за днем сомнениями, страстями и желаниями в перекочевках тропу он мерил. Мысли

возвращались соображениями, как жить и что делать в будущем. Тихая невозмутимость таежника по ветру непостижимым облаком устремлялась к горным вершинам.

Чувствовал таежник, что никогда не должен лгать о своих мыслях, видениях, отделяя узелки добрые и плохие. И в них отражалась тишина и ясность вселенной. Осознав во время сна ошибочные мысли, ветер их уносил, развязывая узелки на темных лентах. Для таежника мысли — живые существа, пусть летят они дальше, и только ветер знает, где они приземлятся. Завтра не он соберет урожай плохих мыслей. Таежник сегодня способен следить за собственными мыслями, летящими по ветру, завязывая узелки положительных эмоций. Светлые мысли погружались в вечность, в сверхъестественных видениях таежник ясно осознал: будущее зависит от его прошлого. В сердце таежника остался запоминающийся чувственный образ Ветра Мыслей и чистые, добрые мысли, тождественный трепет, чудесные мечты без преграды времени и расстояниям.

Потеряв ощущение времени в бесконечном счастье, встретившись с другой, чудесной стороной мира, таежник понял, что рождается вновь с чистым разумом. С мечтой хорошей в сердце таежник встал на ноги, радостно открыл глаза и увидел в светлом небе большую Белую Луну.

СЕЯТЕЛЬ ОРЕХОВ

Таежник Чогду кочевал по правому борту небольшой горной долины, отделенной острой вершиной и ее отрогами. Тропа его лежала к труднодоступным перевалам пограничного хребта Большой Саян, соединяющего верховья родových рек, в исток ключа, где стоял старый охотничий чум, в котором можно было при случае скоротать ночь, промышляя зверя и пушнину. Тропа шла рядом с осыпным цирком, озерами и моховыми болотами. Тягучий подъем на перевал проходил по тропе, идущей от озера, огибая россыпи камней и снежные карнизы, по тундре, заросшей карликовой березкой и кашкарой. Цветочный ковер багульника на фоне белизны ослепительного неба придавал перевалам красный цвет. Горное озеро в окружении снегов отражало золото неба. В верхнем цирке долины в зоне лесотундры и снежника тропа петляла среди зарослей стелющегося кедрового стланика. На их приподнятых боковых ветвях красовались созревшие пурпурно-фиолетовые шишки.

Неожиданно кедровка издала звук, как будто увидела что-нибудь новое. Опытному таежнику он напомнил крик хищника.

Таежник почувствовал, что встретился с медведем. Он поднял голову и увидел, что у отброшенного камня, прикрывающего вход в нору бурундука, сидел бурый медведь и обнюхивал клад, рыл землю и доставал лапой из камеры орешки. Таежник столкнулся со зверем один на один и старался не беспокоить его и не смотреть ему в глаза, медленно попятился назад. Сохраняя спокойствие, пальцами сжимая древний родовый амулет, громко и уверенно приговаривал: «Братишка, я не боюсь тебя, уходи на гору». Таежник пробирался через стланик с подветренной стороны, и Хозяин тайги заранее не учуял таежника и не увидел. Таежник столкнулся с медведем нос к носу. Из-за неожиданности сытый Хозяин тайги дал деру. Нюхая воздух, почуяв запах человека и фыркая, таежный Хозяин, неохотно оставляя клад, пошел прочь, через давно нехоженный Монгольский перевал.

Таежник, выдержав длинную паузу, убедившись, что Хозяин тайги скрылся и не ходит где-то недалеко, подошел к орешкам. Запасы у бурундука были основательные, он хорошо прятал орехи от медведя. Это была глубокая нора, в которой лежал таежный гостинец. Таежник аккуратно собрал немного отборных зернышек в ладонь, рассмотрел и положил. Они оказались перемешаны с песком. Вскоре оказалось, что у клада таежник не один. На расстоянии протянутой руки появился бурундук, и звонко щebetала, покрикивала, перекликалась кедровка. Птица издавала звуки, как будто это мяукала кошка. Таежник осмотрелся. На торчащей сухой верхушке Хан-дерева, пограничника хвойного леса и тундры, сидела коричневая в частых белых пестрых пятнах птица. Хан-дерево, почитаемый кедр, в тофаларской тайге тесно связан с жизнью птиц и животных. Созревшие орехи своей тяжестью сильно

наклонили его могучие ветви, и кедровка расклеивала шишки и добывала оттуда сладкие орешки. Некоторые шишки сбивала на землю. Под деревом виднелись следы ее работы, всюду валялись брошенные, ободранные кедровые шишки. Те орехи, которые не успела вытащить птица, подбирались бурундуком. Стараясь обработать шишку, проворный и смысленный зверек быстро бегал вокруг дерева, призывно свистел, позабыв о разорителе кладов медведе. Иногда бурундук хулиганил и отругивался, умудряясь выхватить шишку, за которой нагибался

таежник, чтобы поднять. Птица совсем осмелела, сыпала на голову таежника шелуху, не обращая внимания на него. Перетаскивала кедровка орешки в запас на зиму, рассовывала в щели упавших деревьев, среди камней, закапывала в мох. Птица была местная и зимовала в лесотундре и горных стланиках родовых охотничьих угодий рода Чогду. Судя по окраске с ярко-белыми пятнами — это была дамочка. Осматривая кедр, таежник увидел гнездо. Дерево росло рядом со священными скалами с древними рисунками. Величественный кедр был мощный и невысокий, с пирамидальной, почти округлой кроной и многовековой продолжительностью жизни. Иногда

он ронял слезы с пахучей и тяжелой янтарной смолой. Под ним находился полуметровый слой из сухой хвои. Таежник любовался красавцем кедром, выросшим на свободе. Дерево не знало

ни вредителей, ни болезней, ни ржавчины хвои. Одушевляя горно-таежные пространства, таежник с трепетом привязал к его веткам ленточки Джалама, матерчатую полоску красного цвета в качестве оберега с целью задобривания Хозяина тайги. Эти действия соблюдали неукоснительно он и представители всех поколений таежника.

Кедр щедро кормил много зверья и птицы. Таежное лакомство, ядро кедрового ореха сладкое и нежное на вкус. Но семена этого

дерева не имели приспособлений для переноса их ветром или животными. Набрав в подъязычный мешочек горсть орехов, только кедровка могла прятать излишки корма про запас и способствовала расселению кедр. Такое поведение спасало возвращающуюся к кладовым птицу зимой от голода. Она без труда находила орешки под снегом. Кедровка не всегда вспоминала, куда она спрятала орехи. Некоторая часть запаса и в конце зимы оставалась нетронутой, и эти орешки весной на россыпях камней или на гари могли появиться в виде молодых побегов кедр или кедрового стланика. Таежник шишковал, делал запасы, но он не ломал ветви, не спиливал деревья и не бил их колотушкой, а бережно собирал те шишки, которые уже упали. Соблюдая определенную норму заготовки шишек.

В урожайные годы шишек было так много, что кедр кормил всех обитателей тайги. Но урожай кедровых орехов бывал не всегда, иногда голодные годы чередовались подряд. Кедровка не брезговала и еловыми и сосновыми шишками. Она уничтожала множество жуков, короедов, златок, усачей и долгоносиков, беспощадных вредителей хвойных деревьев. Небольшим, но сильным клювом, кончающимся остро, кедровка ловко добывает и орехи и отдирает кору с древесных стволов. Собирала вредителей не только с деревьев, но даже выкапывала клювом

из земли и из-под снега, проделывая в толще снежного покрова ходы. Голодная кедровка нападала на мелких птиц и забралась в гнездо синички. Смело налетала на белку и отнимала у нее кедровые шишки. Портила добычу таежника Чогду, пойманную в капкан. «Кто будет с нами зимовать», — громко кричала кедровка на Хан-дереве, провожая уходящее лето тофаларской тайги. Таежник Чогду, добывая пушного зверя по первому снегу, не обижался на птицу со беспокойным характером. Она не мешала промыслу и не конкурировала с соболем в неурожайные и в сытые годы. У таежника было свое мнение об этой птице. И он уважал ее важную роль в возобновлении кедровников на родовых охотничьих угодьях. Горно-таежные гари и лавинные пустоши вновь зарастали кедром только благодаря привычке этой подвижной, шумной птицы, умеющей прятать излишки корма про запас.

В неурожайные годы и в холодные зимы таежная птица от недостатка пищи была уязвима. Таежник помогал братишкам-

птицам выжить, зимой вывешивал кормушки на Хан-дереве, стараясь подкармливать голодную птицу кедровыми орешками. Прежде чем положить живые кедровые орехи в кормушку, он внимательно осматривал и попробовал их на вкус. Выбирал орехи, сохранившие аромат и не потерявшие жизненную силу, выбрасывая прошлогодние с прогорклым запахом и горечью. Он помнил птичью благодарность, она кедровые орехи от вредителей очистит и пением расскажет таежные новости. В кажущейся пустой тайге птица замечала все. Когда было совсем плохо с кормами и коричневая в белую крапинку птица быстро подлетела к кормушке, заинтересовавшись орехами, она не ошибалась и не брала пустой орех. Мало ела, а жертвуя собой, прятала орешки в запас, даже зимой, выполняя посев кедровых орехов. Набрав максимальное количество орехов, кедровка летела дальше и ныряла в пушистый снег. Прятала орешки в заснеженной горной долине. Разрывала ямку и укладывала орехи, один к другому. Затем кедровка засыпала кладовую сверху снегом и улетала за новыми орехами. Это занимало у птицы много времени, и она вновь забывала поесть. Вопль кедровки мог означать только одно: «В кладовую!». Кладовая с орехами в снегу, присыпанная снегом, оставалась незащищенной от разворовывания, а она прятала и прятала орешки в запас.

Постепенно таежное солнце набирало силу, появились первые признаки весеннего пробуждения, начинался большой праздник — весеннее солнцестояние. Кедровка стала молчаливой и занялась созданием семейной пары. Все укромные уголки горной долины между хребтами, все уклоны от верховьев к низовьям в радиусе нескольких километров от кормушки Хан-дерева проросли молодыми кедровыми деревцами. Успокаивающе раскрашивая черные россыпи камней и гари в цвет кедровой хвои от темно-зеленого до жемчужно-синих оттенков с перламутровым налетом, радуя сердце таежника и наполняя палитру ароматов горной долины терпким душистым запахом теплого кедрового дерева.

ЛЕНТОЧКА ГОРНОСТАЯ

Таежник Чогду с собакой Акколлом кочевали с высокогорной тундры в родовую тайгу. Осталось в пути пять дневных переходов по заболоченным моховым и каменистым тропам. Но погода портилась, и, устав от непрерывных дождей, они остановились на привал в зимовье. Избушка была проездная, в ней таежник решил отдохнуть, высушить одежду. Впереди кочевого таежника ждали опасные броды с большой водой и закрытые туманом сложные перевалы. Необходимо переждать дожди. Таежник вскипятил чай, поужинал и лег спать. Отдохнуть не получилось. В темноте по спящему таежнику начали бегать мыши. Кажется, их было бесчисленное количество. Бегали они везде и в разных направлениях, по столу, посуде, стенам, рукам и лицу таежника. Он в ужасе вскочил и зажег свечу. Мыши бегать перестали, но с шумом ковырялись в котелках, сложенных в углу избушки. Таежника затошнило. Он просидел

всю ночь за столом, рассматривая пламя свечи, погружившись в воспоминания.

Родовая тайга Чогду была богата кедровыми деревьями, и достаточно в ней было мышей. В избушке их жило еще больше. Мыши портили продукты, не давали спать и отдохнуть и сильно огорчали таежника. Однажды таежник заметил перемены. В его зимовье поселилось небольшое, но крайне агрессивное и жестокое животное к мышинному семейству. Зверек проверял все уголки в таежном домике и вокруг него. Кусты, траву, вывороченные корни деревьев, полые бревна, норы грызунов. Во время охоты он исследовал каждую щель, часто останавливался, нюхал воздух и становился на задние лапки, чтобы дотянуться до места, где находились мыши. У зверька было длинное тело, как ленточка, с короткими ногами, заостренной мордочкой, небольшими ушами. Глаза напоминали черные бусинки черники. мех белоснежный, а кончик хвоста окрашен в черный цвет. Таежник пришел в восторг. Счастливый случай: под полом зимовья в укромной норе устроил себе логово горноста́й. Гибкое тело позволило горностаю двигаться быстро как

по избушке, так и по поверхности земли, снежному покрову, так и по подземным норам. На охоту хищник выходил ночью, а объектом охоты чаще всего становились мыши. Горноста́й приближается к беспокойному грызуну на минимально возможное расстояние, после чего делает молниеносный бросок, вцепляясь зубами в жертву. Имея острое обоняние, зрение, слух и осязание, он часто охотится и под снегом вокруг избушки, выслеживая мелких грызунов.

Замкнутому таежнику с трудом приходилось содержать положительные эмоции, что рядом с ним в зимовье живет абсолютно дикий братишка. Таежник присмотрелся к горностаю,

зверек не был больным или раненым, но побаивался человека и всячески избегает встреч с собакой Акколлом и спасался от ненужного внимания. На расстоянии от собаки он чувствовал себя в безопасности. Злобы и агрессии он не проявлял ни к собаке, ни к человеку. Таежник привязывал охотничью собаку Акколла недалеко от зимовья, запретив ему трогать горностая. Сам он не стремился устанавливать контакт со зверьком и не добивался его расположения и избегал в избушке резких движений и шумов. Проявляя осторожность, таежник не пугал

зверька и насильно не ловил его, а старался подчеркнуть, что они друзья, что они одной крови. Таежнику искренне нравился подвижный дикарь, очистивший зимовье от мышей.

Прошел еще один таежный месяц, таежник, Акколл и горностай стали привыкать друг к другу. Зверек перестал сторониться человека. Не смущаясь, чистюля по-хозяйски нежилась у теплой печки. Горностай оказался общительным, но не позволял брать себя в руки. Таежник не видел перспективы для приручения зверька, старался не отучать его от естественной таежной среды обитания и не подкармливал его лакомствами. Свою недоеденную пищу он отдавал Акколлу. Как правило, ди-

кие зверьки очень быстро привыкают к пище людей и словно по часам ждут очередной порции. При завтраке дикарь спокойно сидел рядом с таежником, рассматривая и обнюхивая мед, как

лакомство, но, проявляя осторожность, не выхватывал пищу и не запрыгивал на стол или на колени, выпрашивая пищу. Таежник запретил себе давать пищу зверьку из рук. Он хорошо помнил: если угостить один раз зверька вареным мясом, это испортит дикаря и потеряет хорошего охотника на мышей.

Приближалась весна. Закончился сезон зимней охоты, и таежник с Акколлом стали собирать вещи, чтобы кочевать в высокогорную тундру в вершины Центральных Саян. Зверек

полинял, и его мех стал темно-бурым. Он сидел на крыше зимовья и внимательно наблюдал за таежником. Из глаз, очень черных бусинок, капали слезы. Очень смысленный зверек хорошо чувствовал отношение к себе и грустил о временном расставании. Молчаливый таежник рукой растер сухую слезу по обветренным щекам и поставил Джалама на двери зимовья. То есть на двери зимовья навесил цветные шелковые ленточки. Каждый кочевой таежник, проезжая мимо, взглянув на ленты, сразу поймет: в зимовье живет братишка-горностай из дикой природы, и к нему относиться необходимо с уважением.

ЗАКРЫТЫЙ ПЕРЕВАЛ

Красивое животное с огромными ветвистыми рогами — дикий северный олень обитал на самых крутых гольцах в Белогорье, и таежник Чогду ежегодно его промыслял. К ненастью и перемене погоды дикие олени звери зачихали и начали перекочевывать на большие расстояния. Старый таежник решил сегодня возвращаться в тайгу своего рода вместе с прирученным домашним оленем и собакой Алактам. Преодолев по тропам гольцы, россыпи камней и моховые болота, подъехал к подъему на высокогорный перевал. Вокруг возвышались холодные вершины заснеженного хребта в вечных снегах на высокогорной тундре. Необходимо было преодолеть перевал, окруженный недоступной крутизной, и перед взором таежника откроется путь в теплые радостные альпийские луга и заветное стойбище.

Таежник внимательно осмотрел горы и небо. Вечерняя заря приобретала красную, местами даже багровую окраску и оттенки. Среди горных пиков солнце садилось в тучи. Таежник читал признаки ненастной погоды, облачной, с обложным дождем, со снегопадом и ветром. Перевал закрывался, и необходимо

несколько дней переждать плохую погоду. Таежник предчувствовал погоду, определял стороны света и время по природным признакам. Тропа стала опасной из-за недостаточной видимости, и таежник остановился на ночевку. Он решил не рисковать последним оленем, преданной собакой и собственной жизнью. У перевала на сухом пригорке, не подтапливаемом наводнением, на солнечном открытом месте поставил свой чум, разбил настоящее кочевое стойбище. Долина в этом месте сомкнулась в ущелье, стены отвесных скал не пускали оленя далеко уходить в поисках ягеля. А по мшистым склонам отрогов рос ягель в избытке, где олень мог найти себе вдоволь пищи. В тайге таежник всегда промышлял на своем олене, быстро объезжал охотничьи угодья в горах. Прошедшая зима выдалась очень снежной, под глубоким снегом олень не мог добывать ягель. Таежник срубал топором обросшие бородачатым лишайником кедровые, и олень с удовольствием жевал аппетитный мох-бородач. Несколько кедров сваливал в день, чтобы олень насытился. Сытый он выполнял все работы и нес на своей спине хозяина на промысел. Таежник жалел и оленя и своих братьев, кедровые деревья, просил прощения у них, что срубил по большой необходимости для пропитания, и обещал посадить новые деревья. В руках таежника был мешочек с крошечными семенами, весной он намеревался посадить их в мох, чтобы в будущем они стали великолепными деревьями.

Таежник еще внимательно осмотрелся вокруг, прогноз погоды он делал по многим приметам, а не по двум или одной. Ветер дул с гольцов в долину, резко менял направление и к вечеру усилился.

Вечером стало теплее, чем днем, в низинах и на гольце, в тайге и в тундре температура воздуха была одинаковая. Усилились запахи багульника, в воздухе пахло нектаром жимолости. По

тундре закрылись цветы. Слышимость звуков бьющейся о скалы реки стала отчетливой. Оживленно пересвистывались бурндуки.

Таежник расслабился и собрался кипятить чай с гольцевым багульником и развел кочевой костер, и дым от него клубился и стелился по земле подобно кедровому стланику. Угли костра ярко тлели. В небе образовались облака в виде зубцов или башенок. Звезды после ясного дня видны плохо и сильно мерцали красноватым или ярко-синим светом. Олень жадно поедая ягель в запас и вскоре лег. Таежник заметил, на какую сторону лег олень, и ждал ветер с этой стороны. Собака Алактай поела траву, порыла землю, залезла в воду ручья, покаталась по земле и легла спать у костра. На огонь костра слетелось много насекомых. Ночью ветер тянул из долины в горы об-

разовавшийся вечером туман, поднимая вверх к гольцам. Под утро похолодало, и горы и перевал закрылись белой завесой. Сильный дождь со снегопадом и туман не позволили брать перевал на следующий день. Вынужденные дневки и ночевки затянулись.

Таежник постелил оленю шкуру на землю в чуме, готовился спать не одну ночь. Под шум дождя достал мех, когти, клыки и сухожилия зверей, чтобы дождливым днем мастерить из них священный амулет «Открытый Перевал». Таежник думал, как

безопасно перевалить через перевал в долину реки Уды, и образ амулета приходил ему в сновидениях. Дождливый утром и днем воплощал видения, добавляя яркие детали в рисунок амулета. Таежник помнил оленя, как теленком он родился раньше, он боялся, что замерзает и погибает от несвоевременного возвращения холода и снега, согревал его своим телом и дыханием. Вспоминал грустные глаза, в которых читалась ответственность, что он бережно вез зыбку с его маленьким ребенком по каменистым тропам через перевалы и выкармливал детей своим молоком. Зимой гнал с ним вместе соболя по первому снегу. Перевозил имущество во время кочевков на самых крутых гольцах в Саянах. Молча сутками, стоял привязанный без корма, не просил есть и пить, когда таежник кутил с друзьями на Суглане. Радостно встречали Алактai и олень соленные руки таежника. Вспоминал: когда кочевал, клал маленького Алактайя-щенка за пазуху и так возил на олене. Когда щенок подрастал, его лучше кормил, чем себя. Для ребенка таежника собака заменяла няньку, держась за собаку, малыш учился ходить, собака охраняла и согревала его. Умный Алактai не раз переводил через опасные перевалы по тропе таежника и оленя, если их накрывал неожиданно туман и тропу под ногами не было видно. Таежник любил преданного друга и надежного помощника, собаку, которую таежник не раз спасал из петли браконьера, когтей россомахи и всегда вовремя оказывал помощь. Умная собака привыкла к человеку и без слов понимала то, что от него требовалось. Стала вожакom на стойбище, защищала оленей. Таежник гладил шерстяную, всю в шрамах морду преданного друга, а на шее поправил сплетенный из красных ленточек оберегающий амулет. Бродячий зверь, млея от улыбки и тепла сердца хозяина, ровно дышал и шевелил порванным ухом, излучая заряд хороших эмоций. Вспоминал общую радость, когда появлялось солнце. Рисунок священного амулета напоминал раздумья на жизненном пути, и каждый новый день был началом новой кочевой жизни.

Воздух, которым он дышал, становился целебным и вкусным, мох тундры, на которой лежал таежник, стал дорог ему, и амулет, что мастерили его руки, оваян поступками его и близких ему существ, красотой их сердец, накопленной временем:

прошлым, настоящим и намеками о нашем будущем. Перевал открылся, сбрасывая с себя ночные грезы.

Непонятный этот скучный мир туманов и марева медленно растворялся в клочья. Алактай чувствовал в темноте крошечной манящий яркий блик. Медленно потягиваясь, просыпалось неженка-утро с первым лучиком солнышка.

— Неженка-утро, ты еще видишь волшебные сны! Просыпайся, открывай свои синие глазки. Пора вставать, лежебока, — с нежностью произнес ласковый Алактай.

— Я немножко устало. Хотелось полежать и сладко мечтать, — призналось неженка-утро и от грез порозовело.

— Вы, неженка-утро, не чувствуете приближения зари? — повторил чуть громче Алактай. — Заря горит красноватым цветом.

— Просплю алую пылающую чарующую зарю? Никогда не просплю, — слегка испугалось неженка-утро. — Как же это так? Я должно принести всем на перевал хорошее настроение.

После пробуждения неженка-утро появилось на свет свежее и бодрое, мягко сливаясь с дыханием небес, теплыми лучами разливалось по перевалу. Оно творило на удивление полезные и изящные чудеса, чтобы на перевале было много воздуха и света. Неженка-утро летело по перевалам и тайге от одной горной вершины к другой вершине, от реки к другому ручью, как будто растворяясь в очень красивой сиреневой дымке. От нее веяло легким волшебством.

— Здравствуй, обворожительный перевал и тайга! Здравствуйте, очаровательные горы и облака! Встречайте красоту с открытой душой, я — очаровательное утро, и я вас люблю! — призналось сияющее золотым светом неженка-утро.

Неженка-утро купалось в капельках росы, счастьем отражаясь, с удовольствием дышало свежестью тумана, наряжаясь, становилось ярко-розовым и открывало душистые лепестки венчиков цветков багульника. Утро нежным лучиком коснулось кочевника, он проснулся в хорошем настроении, радовался всему, что видел, всему, что их окружало. Амулет Верного Пути окрасился в цвет пурпурно-алый. У Алактая и оленя заблестели глаза. Они не чувствовали своего величия, но умели отдавать утру лучи своих улыбок и душевное тепло, чтобы сохранилось в этом месте перевала таинственное очарование и неповторимый дух райского уголка.

— Просыпайся, дивная тайга золотая! Проснитесь, чудесные горы! Открывайте сердца и великолепные виды, я — солнечное утро, и я вас люблю и несу вам ясный солнечный день! — улыбаясь, пело одухотворенное неженка-утро, искрясь белизной, растворилось нежным перламутром в тумане собственной жизни, словно свет неземной красоты.

ГОРНЫЙ УЗЕЛ

Таежник Чогду кочевал вдоль удивительного, неземной красоты озера, по древней мощенной камнем в опасных местах тропе, известной только таежникам племени Черных Гусей. Тропа по многочисленным подъемам и спускам лентой вилась через семь перевалов, на которых стояли сооружения из камней обо — ориентиры. Из долины реки заболоченная тропа вела кочевого таежника к еще одному, самому труднодоступному перевалу. Таежник левым берегом пересек каменистый ручей и дальше, петляя вдоль снежника, кочевал на подъем. Набрав высоту, кочевал берегом в исток ручья, тропа уводила его вверх по крутому склону со снежным карнизом. Далее по средним и крупным камням, покрытым мхом и лишайниками. Таежник с трудом поднялся на гребень, за которым следовал небольшой плоский участок с крупными неустойчивыми камнями у небольшого снежника. Таежник не сердится на камни, которые загораживали путь. После еще одного небольшого каменистого подъема тропа, теряясь на крупных камнях, вывела таежника вдоль гребня на самый труднодоступный

перевал, в точку соединения трех горных хребтов, типичный Горный узел.

Обозначенная насыпными каменными кучами тропа вышла на стену камней, восточные ворота и там разветвлялась у аккуратно сложенной груды камней обо — древнего святилища. Это было почитаемое место на перевале, обитель духов, известное ему с детства из мифов о родовых святынях. Навероятно насыщенное красотой и обилием солнца пространство между мирами. Таежник, проходя мимо сооружения, три раза по кругу обошел с мистическим амулетом седые камни. С чистыми помыслами и мыслями о духовных возможностях, дарующих жизнь человеческому роду, положил новый маленький плоский камень и привязал ленточку, оторванную от своей одежды. Таежнику почудилось, что его нежно позвало по имени пение свежего южного ветра. Он осмотрелся. В красоте лучезарного необъятного небосвода он действительно находился на территории покоя. Обожая и обожествляя природу, сердце таежника испытывало состояние любви к Саянам. Он всегда взвешивал свои действия, стараясь не навредить природе. Чистый воздух, прозрачная вода и горы, багульник, звезды были его счастьем. На камнях ленточки из ткани разного цвета украшали небо и снежные вершины, орнаментами сплетенные в свет и тени. В сердце таежника рождались светлые мечты. Он

ощутил прилив бодрости. Таежник стоял на перекрестке разных троп с надеждой о счастье вечном кочевом. Духи гор манили кочевать его новой тропой. С чистого неба заморосил мелкими

каплями дождь. Радуга соединила два причудливых горных хребта. Из этого угла вытекал ручей. Таежник принял это за хороший знак и шагнул в этом направлении.

Трудный и утомительный спуск в небольшую долину по сыпучим катящимся камням и пологому леднику

вел таежника вперед и направо по тропе вдоль ручья, берегом, через острые края камней и заросли карликовой березки, дальше через моховые болота, заросшие медвежьим луком. Таежник медленно брел по зарослям черемши и наткнулся на светлого желтовато-коричневого цвета медведя. Красавец сидел под открытым небом на сыром лугу и передними лапами с длинными когтями ловко закусывал черемшой. Ранняя весна подняла его от зимней спячки, и он с аппетитом сладко причмокивал. Мордочка выражала удовольствие самого взыскательного гурмана. Таежник невольно ощутил нежный сладко-острый вкус молодых листьев. Он представил, как жует черемшу с солью, приправленную маслом и посыпанную кедровыми орешками. Острый витаминный салат заполнил его рот. Таежник пришел в себя, весь его рот наполняла слюна. Несколько дней отказываясь от приема пищи, таежник сделал жадный глоток и поперхнулся. Лохматый травоед невольно повернул голову на мощных плечах, крепкая спина осталась неподвижной. Заметив таежника, маленькие черные глазки удивленно заблестели. Громко чавкая, Хозяин тайги с интересом рассматривал кочевого таежника. Кочевой таежник замер, приговаривая: «Братишка, пропусти меня, кочуй на гору». Жевательные движения вегетарианца прекращались. Голодный и

исхудавший, Хозяин тайги перестал поедать огромные букеты черемши. Не обращая внимания на таежника и оставляя метки на лишайниках и мхах, царапины, нанесенные когтями, сильный, быстрый, ловкий зверь направился по россыпи камней в распадок горного хребта, подготавливать себя к медвежьим свадьбам.

Таежник с трудом пересек каменистый ручей, и перед ним предстало небольшое первозданной красоты светлое озеро на краю висячей долины. Его берега держали каменные объятия гор, сверкающие в спокойной белизне горными пиками и перевалами. Бирюзовая вода казалась холодной, чистой и неоскверненной. Черно-синие скалы и небеса, отражаясь в зеркале воды, создавали иллюзию единого пространства неба без земли. В этом мире было два солнца, два неба. Живое озеро дышало световыми волнами. Оно не притягивало и не отталкивало, оно все отражало: и горные пики, и древние туманные легенды и мифы. Оно чувствовало удары сердце кочевника и приветливо встретило таежника. Озеро видело, что он чист душой. Таежник не ведал страха и подошел к озеру в отличном расположении духа. Он стоял наедине с природой, самим собой и древним таинственным озером, творящим чувственно воспринимаемый разум, а за ним бесконечное пространство, где выше и ниже простирались небеса.

В просторе этого космоса его завораживал полет стаи диких гусей. Он читал книгу природы, рассматривая, как пляшут черные гуси над озерной пленкой, тонкой, как прозрачное стекло.

Извивались перламутром зелено-синие прозрачные тени и силуэты гогочущей стаи. Золотыми самородками светилась вода в солнечных лучах. Он замахал руками, словно крыльями. Стая приняла его. Они плыли в едином танце над бесконечным пространством воды, свободно перемещаясь в трех сферах: по воздуху, по воде, по земле.

«Тропа гуся просторная», — сказал духовную истину вождь птичьей стаи Черный Гусь, который ведал судьбой на Совете птиц. Танец имел смысл, нисходящий с неба, и таежник пытался этот миф расшифровать.

Таежник чувствовал себя легкой птицей, летящей в Гусиной пляске, в бездонном пространстве в полном единении с забываемой тайной золотых гор. Он научился говорить и по-человечьи, и по-птичьи, и по-звериному. Пляска длилась три дня, а может, и больше. Он с детства любил наблюдать за животными, но сегодня сам рассказывал им сюжеты своей кочевой истории и много новых тайн узнал из жизни птиц. Язык танца возвращал любую проблему к ответственности того, кто

ее создал. Ушли далеко огорчения, обиды, страдания и печали. Он ощущал непрестанную радость и блаженство вне времени.

«А может быть, это все-таки сон, эти мифы, в которых таежники кочуют?» — подумал Чогду, покрепче прижимая перья и зарываясь с головой в мягкий и теплый гусиный пух.

«Смотри не проспи в гусином снеге полет Черного Гуся», — предупреждали таежника улетающие на север птицы. Таежник в воображении перенес себя в будущее и неожиданно проснулся. Пред его взором лежало зеркало жемчужного озера в белом окружении покрытых снегом гор. На противоположном берегу спокойно сидел медведь и с аппетитом пережевывал торчащую из снега черемшу. Таежник встал и с трепетом привязал к кусту карликовой березки на берегу озера ленту Джалама. Он почувствовал, что озеро еще позовет его к себе в гости снова и снова, как перелетную птицу. Таежный кочевник бережно поднял со снега упавшее черное перо и прикрепил тофаларским узелком к родовому амулету. Видимыми добрыми знаками были перо и благоприятный сон, что он в родное стойбище вернется уже главным хранителем Горного узла.

ЛОХМАТЫЙ ПРИЗРАК

Угольки кочевого костерка истлели. Тоскуя по первозданному миру, таежник Чогду мерил время нитью амулета, рассматривая одиночку луну, бродившую по небу. В мимолетностях жизни скрывая свои чувства и обостряя зрение в надежде увидеть путь, оставленный предками — кочевыми таежными оленеводами и охотниками. Он почувствовал стук в дверь своего сердца, за спиной таилась тень. Чогду повернулся. В ночной мгле блестели глаза Таежного духа, мерцающая холодным красным цветом. Поражая воображение таежника, холодностью души бесстрашный бродяга росомаха «Чекпе» смотрел на таежника. Вечному кочевнику росомахе, не искалеченному цивилизацией, чужды переживания, страдания, страсть, жалость и любовь. Чогду всматривался в росомаху как посланника между реальным миром и миром духов. Осознавая, что кочевой инстинкт ведет ее сердце быстрыми и хитрыми тропами.

Росомаха не проявляла агрессии к Чогду и не приручалась. Внешне напоминая небольшого медвежонка с длинной темной шерстью, не покрывающейся инеем. В постоянных кочевках за

хищными волками росомаха собирала остатки их добычи, съедая все вплоть до шкуры и костей. Уверенная в себе обжора, свирепо отбирала пищу у одинокого волка, но встретившись со стаей, вскакивала на дерево и ждала, когда волки уйдут, не проявляя малейшего беспокойства. На протяжении дня бродила по следу за лисицами и рысью и, увидев, что они кого-то поймали, нагло отобрала добычу. По пути за хищниками извлекала из капканов попавших туда пушных зверьков и приманку. Не попадая в хитрые, политые водой на морозе, с ледяной коркой капканы, запах которых не ощущают и осторожные звери. Чогду охотился с ружьем и собакой. Самоловы не любил и лишнего с тайги не брал, запасов впрок не делал. Росомаха чувствовала, что рядом с таежником ей ничего не угрожает. Она воспринимала таежника как доброго соседа, с которым и встретиться приятно, и поиграть при случае можно. И таежнику нравилась ее сила, выносливость и ум. Она учила его твердости, ясности, сообразительности, терпению, эмоциональному, физическому равновесию и духовному пониманию. Росомаха — знаток в этой области, а ее навыки и поведение — великий учитель. В отсутствие таежника часто залазила в чум, проверяя припасы, острыми когтями оставляла царапины на шестах и разгрызала оленьи шкуры. Таежник ворчал, но специально на росомаху не охотился.

Алактай, случайно обнаружив росомаху, загнал ее на дерево и обляял. Если он начинал преследовать росомаху в высокогорной тундре, зверек, свернувшись в клубок, скатывался по косо-

гору с большой скоростью, не задевая острые выступы камней. Если догонял, то она выпускала сильно пахнущий запах, и Алактай отскакивал, теряя ее след. Иногда на время терял сознание или чутье. При повторной встрече Алактай остерегался росомаху, зачуяв ее приближение, сразу уходил

в чум. Чогду понимал, что росомаха — хороший санитар леса и у нее очень развито обоняние, и она почуяла больного оленя в его стаде. У оленя заболели копыта, ноги опухли, большие ноги делались. Лежали олени и не могли ходить. Чогду мясо заболевших оленей копытной болезнью не ел и пытался лечить. Жалел оленя. Давал животному костную муку, ягель и орехи. Со слезами смотрел на него и только гладил; помочь не знал как. Олень долго хворал и не поправлялся. И хищник не прекращал преследовать выбранную больную жертву и кочевал за стадом оленей. На глаза росомахе попадалась легкая добыча, она на нее не нападала. Несколько дней без отдыха и пищи она скрытно трусила по следу оленей. С поразительным упорством ждала свое слабое или больное животное.

Утром Чогду с оленями покочевали к зимним стойбищам. Передвигались по глубокому рыхлому снегу и по льду. Ослабленный олень кочевал с огромным трудом. Силы его были на пределе. Он беззащитно остановился в сугробе. Тут и появилась росомаха. Она напала сзади, прыгнув на спину оленю. Росомаха вонзила в него когти. Олень в шоке побежал. Спасения от росомахи не было. Сердце Чогду учащенно билось, но он воспринял эту охоту как необходимую жертву духам. Смахнув накатившую слезу, покочевал к заснеженным перевалам.

Росомаха гнала оленя, пока он не упал. А пока он бежал, перегрызла ему очень острыми зубами позвоночник. Сильные челюсти вцепившись в северного оленя, не оставили ему никаких шансов. Наевшись до отвала, расчленила оленя на части и спрятала в разных местах. Большие куски зарыла в снег, маленькие куски втащила на ветви кедра. Отыскав укромное убежище, после обильной трапезы она вырыла нору прямо на открытой местности и, свернувшись клубочком, легла спать. Снилось ей лето, ягода, рябчики и разоренные пчелиные гнезда. Во сне вместе с медом она лакомилась личинками пчел и пыльцой. На следующий день наступил голод, и росомаха принялась с легкостью разгрызть припрятанное замороженное мясо оленя.

Вороны быстро обнаружили свежее мясо больного северного оленя, добытого росомахой. По крику воронов стая охотившихся волков в сумерках осторожно приближалась по ветру, который дул со стороны росомахи и добычи. Росомаха необычайно отважно пулей выскочила из убежища. Несмотря на малый рост и кажущуюся неповоротливость, свирепо обороняла добычу. Огромные острые когти и твердые как сталь зубы помогли росомахе остановить волков. В открытой местности силы были неравны. Нагнанная волками росомаха легла на спину и жестоко защищалась своими страшными когтями и зубами, не давая себя в обиду. Окруженная со всех сторон волками росомаха издала такое резкое зловоние, что матерые волки в ужасе отскочили в стороны, потеряв остроту чутья. С тяжелым, как в тумане, взором смотрели волки по сторонам, но медленно теряли ее из виду. Лохматый призрак тайги с огромного утеса, свернувшись в клубок, бросился вниз и очень быстро скрылся в кедровой чаще, где можно укрыться на деревьях.

Таежный призрак росомаха оказалась умна, наблюдательна и хитра. Нападала всегда на слабых или больных оленей, которых росомаха преследовала до тех пор, пока они не упадут от усталости. Путешествующий по Центральным Саянам великий обманщик из мира горных духов, настоящий санитар, стадо делала здоровым, всегда освобождала его от больных, способных заразить здоровых северных оленей.

ТАЛЫЙ РУЧЕЙ

По скользким горным каменистым тропам преодолевал таежник Чогду крутые отроги скал и осыпи курумов, кочуя в высокогорную тундру в вершинах Саян. Таежник остановится около рыбной речки. Слева в нее впадал крупный приток, образуя расширение с ямкой, чуть ниже был перекат, а выше порог. Ледоход прошел недавно, и по берегу еще лежали не растаявшие льдины.

Таежник всю жизнь кочевал с ружьем, на зверя ходил, а рыбу ловить не очень любил. У таежного кочевого оленевода рыба на удочку не клевала, сетей он не возил с собой и ручьи не перегораживал. Вода в реке была малой, и таежник из любопытства соскочил с оленя посмотреть, стоит ли хариус в ямке. Расцветала ранняя весна, и рыба шла на нерест. Хариус в ямке с чистой и холодной водой держался небольшими группами. Таежник вспомнил давно забытый вкус нежной рыбы и решил порыбачить. Перед началом лова попросил разрешения у духов удачи. На ветку дерева, стоящего на берегу, привязал цветную ленточку Джалама.

Сделал петлю из стальной проволоки, привязывал другой конец к небольшой палке. Палку опустил горизонтально в воду на мелком месте, где была яма, рыба стояла и медленно шла против течения. Таежник терпеливо ждал, чтобы хариус стал против петли. Накинул и резко затянул на жабрах хариуса петлю, быстро дернул палку к себе. Рыба задержалась и попадалась в петлю. Таежник вытащил ее на берег. Хариус оказался полкилограмма весом. Таежник поймал самца. С продолговатым голубовато-серебристым, в черных пятнышках на темно-серой спине, телом. По бокам тела были разбросаны небольшие черные пятнышки. На спине красовался большой спинной плавник, задней частью выше передней. На нем хорошо заметны несколько горизонтальных рядов пятен красноватого цвета. От округлых до длинных в виде вертикальных полос бирюзовых оттенков. Большой, расписанный разноцветным узором спинной плавник напоминал парус. Тело рыбы покрывала мелкая чешуя и переливалась на солнце всеми цветами радуги. Над брюшными плавниками красовалось красноватое пятно, а на плавниках — косые красно-бурые полосы, отливающие фиолетовыми оттенками. Хвостовой плавник — красно-бордовый. Таежник поймал еще одного крупного самца и пошел осматривать другие ямки.

Таежник с собакой Алактам ходил по берегу, внимательно разглядывая рыбу в ямках, невдалеке от порога и переката заводил петлю по течению к голове небольшого хариуса и проводил мимо. На дне одной из ямок, за камнями, таежник заметил покрытое зеленью бревно и удивился топляку.

Внимательно присмотревшись, понял: это лежит не затонувшее дерево, а прячется огромный таймень. Ямка была неглубокой. Таежник убрал петлю и командой отозвал Алактая от реки.

Старики говорили, даже собаку иногда утаскивал этот хищник на дно. Таежник остался на берегу один и с интересом рассматривал тайменя.

Красавец был больше метра длины и килограммов сорок веса. Широколобая голова сплюснутой формы имела большую пасть с очень острыми зубами, загнутыми внутрь. Голова его была покрыта мелкими темно-зелеными пятнышками. На фоне речных камней хищник переливался те-

плыми и холодными зелеными и красными оттенками и действительно напоминал затонувшее бревно. Хищника выдавал мощный хвост, который медленно ходил из стороны в сторону. Бурая и темно-сизая с россыпью красноватых и желтых звездочек чешуя слегка мерцала под лучами солнца. Тугой высокий спинной плавник играл перламутром красок. Острые боковые плавники торчали в стороны. Упругое и сильное тело хорошо держалось в бурлящей струе прозрачной воды. В глазах тайменя прочитывался ум, и он внимательно следил за человеком. Таежник снял карабин и прицелился в тайменя, но стрелять пульей не стал, на мгновение задумался. Было не жалко заряда, он и через прицел с удовольствием продолжал любоваться красавцем. Вокруг реки цветами багульника благоухала весна, и у тайменя в это время период икротетания. Таежник никогда лишнее с тайги не брал, зачем ему большая рыба, один он ее не съест. В старину, по рассказам стариков, он помнил, что в таймене живет душа хозяина воды, и медленно опустил карабин. Поднял с камней пойманных петлей двух хариусов и пошел к табору. Ему вполне две рыбы хватит на обед. Развел кочевой костер и поставил кипятить чайник. Первую пойманную рыбу съел сырой, без соли. Она была с упругим, бело-розовым, очень приятным на запах мясом. Таежник второй хариус запекал на

березовой палочке у костра до образования корочки. Хариус был полностью готов, и корочка хрустела на зубах. Рыбу не солил. Мясо печеного хариуса стало нежным и сочным, отдавало приятным запахом костра. Запил соленым чаем и горячей лепешкой, испеченной на углях костра. Рыбные кости и головы скормил собаке Алактаю. Чешую рыб собрал вместе и бросил назад в реку, будучи уверенным, что пойманные им рыбы оживут вновь. Таежник подобрал в воде во время удачной рыбной ловли красивый камешек для амулета-помощника. Он надеется на удачу и что гладкий камешек наделен звериной природой Духа — Хозяина реки и будет напоминанием о таймене.

Горел костер, танцую искрами, улетающими в высоту. Таежник сыто покушал. Расслабился, сидя у кочевого костра, вытянув уставшие ноги, и задремал. Вдруг услышал тупой удар по воде. Таежник вскочил и посмотрел на речку. Таймень чувствовал себя вольготно и плескался в воде, как человек. Таймень своими размерами, красотой производил сильное впечатление и будоражил воображение таежника, с уважением наблюдавшего за игрой великолепной рыбы. Он никогда не видел такой большой рыбы и решил остаться и последить за хищником. Днем таймень держался на дне, прятался за камнями, а вечером начал плавать на перекате, делая очень мощный рывок, охотясь за мелким ельцом и налимом. Не

брезговал таймень и мелкими грызунами, плывущими по реке, передвигаясь, не оставляя видимых следов.

Вдруг очень осторожный и наблюдательный хищник на перекате стал свечой прыгать из воды на длину тела, охотясь за небольшими утками. Поклевка крупного тайменя эхом глухо передавалась по тайге, как тупые удары. Утки взлетали и, полетев вверх по течению реки, садились на воду вновь кормиться, и течение сносило их обратно к перекату. Таймень быстрым движением разгонялся под водой и вновь плавился, а испуганные утки вновь взлетали. Таймень ложился на дне самой глубокой ямы, где вода с мелкого места круто устремлялась вниз, или заходил за валун. В начале такой ямы около дна образовывалось затишье, там таймень в засаде и ждал уток. Это повторялось несколько раз подряд, и хищник поймал птицу. С добычей хищник спрятался на глубине между бревнами большого залома. Человека, уходящего по берегу к костру в сумерках ночи, таймень видел очень хорошо. Отраженные в реку с небес разноцветные звезды блестели и мерцали, склоняя таежника ко сну.

Утром таежник проснулся и пошел к реке. Гольцы Чело-Монго поддерживали небо, на белках играли бликами снежинки. Собирая хворост по берегу для костра, таежник заметил рыбу. По мелководью переката на нерест братишка-таймень медленно поднимался в верховья реки. Прощаясь с таежником, таймень дружески помахал ему плавником. Метать икру он зайдет на мелкие каменистые места малых речек с холодной и чистой водой, тальми ручьями, сбегаящими с ледников Центральных Саян.

ЧЕЛО-МОНГО

Чогду был потомок древних кочевых таежных оленеводов, осваивавших горные районы Центральных Саян. Сегодня он кочевал в высокогорную тундру, свято веря легенде предков о том, что по ту сторону гор находится река Чистая. Нужно только преодолеть усталость, а тропа поведет его через перевалы и броды к желанным цветущим лугам у реки, где в племени Черных Гусей поет своим нежным голосом песню любви девушка Чело-Монго. Бродяга не любил жить оседло и мечтал, что уйдет скитаться вместе с красавицей, прирученным оленем и собакой по таежным тропам в вечных поисках счастья. Любовь к путешествиям была у таежника в крови, запах гор напоминал ему о радостях вольной жизни и волнующих опасностях тайги. После многодневного перехода тропа вывела таежника к каменистой реке из крупных гранитных глыб с обкатанными поверхностями. Каменистая река была похожа на протяженную ленту на склоне горы с еле заметным ручейком. Никакой растительности по руслу не росло, за исключением лишайников

и редких кустарничков. Вдоль русла валунов встречались отдельно стоящие кедры.

Кочевнику с оленем передвигаться по поверхности каменной реки чрезвычайно затруднительно, а иногда и просто невозможно, несмотря на стояние низкого уровня воды. Ездовой олень очень нежное животное, и таежник крайне бережно с ним обращался. Таежник на мгновение остановился на берегу перед бродом, осмотрелся и аккуратно соскочил с оленя. Он вспоминал, как не один раз переходил с оленем вброд реки, бродил по

моховым болотам и перекатам. Он умел находить мелководные участки русла рек и отмели. Но пересекать русло любой реки вброд всегда было сложным испытанием и для оленя, и для него. Коварство саянских рек с таежным характером не знало пределов. Все реки в горах были серьезной преградой в любое время года.

Таежник сделал один шаг вперед и засомневался: перейти реку вброд, не замочив ног, не удастся. Он почувствовал: вода начала прибывать и бурлить у него под ногами. Он осознал: вода догонит и снесет их в момент перехода, — и он быстро вернулся в поисках безопасного места. Ярко светило солнце на безоблачном небе, окру-

женном покрытыми снегом пиками гор. Каменистую реку питали талые воды ледника в истоке и дожди. Таежника удивило быстрое наступление подъема воды, вызванное обильным до-

ждем. В вершинах гор на нагретую поверхность скал изливался холодный ливень слез влюбленной в таежника Чело-Монго, разрушая скальные горные породы и прожигая талый лед.

Паводковая вода быстро прибывала, превращаясь в бурный поток из пены, воды, сучков, коры и камней, смывая все вниз по склону. Катились по дну и звонко цокали небольшие камни. Глухим стуком перекатывались и сталкивались крупные метровые валуны, разрушая все на своем

пути. Продолжительный прерывистый гул, то усиливающийся, то затихающий, напоминая перекаты грома. Один из крупных камней, подталкиваемый водой, ударился в вековой кедр и с треском перебил его ствол пополам. Огромное дерево повалилось и поплыло по течению, в потоке размахивая ветвями. Таежник невольно отшатнулся назад. Собака Алактай прижалась к ногам кочевника. Таежник зарычал командные звуки, чтобы заставить оленя слушаться и стоять на месте. Страх и ужас перед необузданной стихией пробежал по телу кочевого таежника холодными мурашками. Человек, олень и собака стояли на безопасной террасе, ни на миг не забывая об угрозе. У оленя от страха глаза округлились. Таежник помнил случай, как мутный паводковый поток пришел ночью неожиданно, быстро и унес бродягу, уснувшего под звуки песни реки на берегу, рядом с водой. Он жалел искателя приключений с чувством сострадания к чужой неосторожности. Над головой светило солнце, а испуг и тревога не покидали. Таежник предполагал: дождь в горах шел сильный и скоро закончится. Таежник стал ждать спада кратковременного увеличения уровня воды, когда вода в реке скатится в долину, и они безопасно перейдут реку.

От потока веяло прохладой ледника, и колебание температуры и сырость ощущались особенно остро. Таежник развел

кочевой костер, поставил кипятить воду для чая. Уставший таежник присел у костра, рассматривая на амулете рисунки, расслабился и задремал. Грезы повели таежника вброд через реку времени. Он бродил в забвении и темноте безо всякой цели по курумам, сомкнутому морю черных каменных глыб крупного размера с острыми обломанными краями, пытаясь разобраться в своих мыслях. Глыбы были скользкими, неустойчивыми, неровными, большими и маленькими. Под руслом каменных потоков доносилось приглушенное журчание, скрываются многочисленные горные родники и ручьи. Каждый шаг давался таежнику с огромным трудом и сопровождался разбродом мыслей, душевными переживаниями, смятением духа, ощущением собственной бесполезности или ничтожности в мире глыбовых россыпей.

Во сне искал способ перейти опасное место движущегося потока щебня и при этом не оступиться и не упасть. Остро отражая ощущение, что время течет медленно, не обратиться вспять. Ветер подхватил поток времени, вовлекая все события

кочевой жизни и чудесное пение. Грустная песня любви напоминала пустую бесконечность. В этой каменной картине мира, без границ времени и пространства, в движении рисовались раньше, сейчас и позже. Он попал в сгусток нагромождений событий, из которого не могли выйти ни тело, ни мысль, чувства и даже свет и звук. Сознание постоянно переходило от одного состояния к другому. Он понял, что смысл жизни во многом состоит из пестрых обломков собственной памяти, а память состояла из дырявых пустот забвения. Он пытался вспомнить светлую вечность, состоящую из счастливой мечты, в которую вплетались разные времена. Рассматривая каменный поток, таежник приуныл, он чувствовал себя настолько маленьким и несчастным, что не видел выход. Громкий плач сменило чудесное пение.

Полузабытая песня соблазняла и спрашивала его. Кто он? Зачем кочует по горам? В чем смысл его жизни? Неожиданно он понял, что песня может изменить его жизнь. Пора взглянуть на мир тайги другими глазами и увидеть, что этот мир прекрасен. Его звала прекрасная тундра с озерами и ручьями, больше похожими на небо, чем на землю. В окружении очаровательных цветов простиралось озеро с прозрачной водой. По сравнению с каменными реками, порогами и буреломами ручьи здесь текли спокойно, а время проходило незаметно. Тихо звучала чудесная песня о любви. Великолепный голос властвовал над всем живым на берегу. Темноволосая девушка медленно шагала по розовому, согретому палящим солнцем душистому багульнику. Чудесная певунья внимательно всматривалась в горы, словно искала кого-то, и ее трогательный голос звучал ласково и призывно. Гордо подняв голову, симпатичная девушка, завораживая, пела.

От удовольствия прослушивания волшебной песни таежник терял опору и разум, ближе чувствовал ее учащенное дыхание. Он испробовал чистой водицы из ключа у озера и почувствовал, что усталость ушла, вновь он обрел силы и молодость. Рассеянность стала отступать, из-за которой происходили все его неудачи. Куда бы он ни кочевал, все равно вернется сюда, а сейчас кочевое сердце подсказывало, что и здесь нужно сделать лишь короткую остановку на пути к Чистой Реке в бесконеч-

ных горных хребтах, где откроются ему самые прекрасные тайны и любовь. На сердце стало легко, он почувствовал: страхи напрасны, — и он вновь заново родился для будущей жизни. Таежник ощутил, что ушли проблемы и сомнения на трудных кочевых тропах, и осталась надежда, что на грани неба и земли он слышит чарующую музыку и волшебные звуки девушки Чело-Монго.

Закипел чайник, и таежник проснулся. Рядом лежали олень и Алактай. Светило солнце, и вода в каменистой речке медленно шла на убыль. Водный поток в результате неравномерного размыва русла и отложения наносов образовал перекат в месте расширения реки. Новый перекат-россыпь пересекал русло и имел вид вала с крутым скатом, обращенным по течению. По неглубокому препятствию из камней перекачивалась чистая вода, очаровывая уносящими вдаль, ввысь и в глубины магическими звуками. Появилась возможность переправиться на другой берег, бродя по мелкоте. Таежник допил чай с молоком и солью, внимательно взглянул на амулет, встал и с оленем и собакой Алактаем не стал переходить водную преграду по отмели. Сердце подсказало кочевать вдоль Чистой Реки, к ее истоку, навстречу счастливой кочевой судьбе, где поет чарующие песни влюбленная в него красавица Чело-Монго.

ХРАНИТЕЛЬ СНОВ

Пройдя многочисленные броды и туманные перевалы, кочевой таежный оленевод вышел в верховья каменной реки и увидел большое количество следовых дорожек медведя. Следы были повсюду, на мокром снегу, на иле и мягкой глине. Они были протоптаны в разных направлениях и часто пересекались.

Цепь красивых гор, раскинутых полукругом, окружала беззвучная тишь. Отодвинув хмурые дни, белизной вечных снегов играло отраженное солнце, отливая густым багрянцем, теплым светом бликов лаская льды в кристальном ручье. В оранжевых красках заката золотился зубчатый хребет Хан-Бургут, подпирая жемчужной луной залитый лазурью небосвод. Трудно было разлучить небо крепко обнявшую землю. Таежник кочевал по следам жизнедеятельности бурого медвежонка, уже вышедшего из берлоги. Братишка вел себя как настоящий хозяин в тайге, в то же время очень аккуратно и скрытно. Рассматривая и ощупывая каждый след, следопыт распознал пол, возраст, размер медвежонка, читал тайны и загадки жизни. Свежесть следов не

вызвала сомнения, они ночные. Питался бродяга-медвежонок черемшой, восстанавливая силы. Летом медведи растят медвежат, набирают вес для зимней спячки в берлоге. И пока зверь не ляжет в берлогу, духи не разрешают таежнику их зря беспокоить. Таежный следопыт уважал традиции и к медвежонку относился с уважением и почтением, верил, что у бродячего братишки человеческая душа.

Верил таежник в чистоту снегов, и в глубину небес бездонных, и в высоту гольцов, покрытых галькой, и в тайну протоптанных в тайге следов, и в амулеты снов. Таежник считал медвежонка предком рода, старшим родственником и избегает называть его прямым именем. Ласково обращались к нему: Ирезан, Хозяин, Ире-Ан, Хозяин горы, Учу, Зверь, Кара-Ан, Хозяин тайги. Охотник любил разные медвежьи имена и давал их сильным людям, выносливым собакам, лекарственным растениям, упругому ветру, снежным лавинам и грозным небесам: Ирей, Черный Медведь, Карлыг-Салбар, Снежные Когти, Дээри-Шыйдынга, Небесный След, Медвежье Ухо, Лунный Медведь. С этими именами он мастерил разнообразные охотничьи

ножи и амулеты. Самый популярный амулет Лунного Медведя, священный оберег изготавливали из шкуры, клыков, лап и когтей, украшал одежду и жилище. Таежник верил: амулет приносит счастье, помогает способам выживания.

В одинокой таежной жизни следопыт общался со всеми существами: скалами, водой, птицами, зверями, ветром, облаками, — для него они все живые. При встрече таежника с первым дуновением весеннего ветра он приветствовал его как братишку. Здравовался с бродягой-медвежонком как с лучшим давним знакомым. С медведем была связана культура годичного цикла охотничьих обрядов, и таежник шагал к вершине бирюзовой горы, вслушиваясь в веселые разговоры звезд. В видениях старого Хранителя снов таежника земля, вращаясь, горами вращалась в небо. Таежник поднялся по следам ввысь, на самый пик горы. В закатный час на вершине укутывала гору дымка и облаков летящая гряда. Серебрилась луна, отраженная в снеге, и солнце красками плавило гранитный камень скал, и обжигал с хребта колючий ветер и пригнул таежника обратно к камням. Ветер был настолько сильным, что сорвал камни. Жестокий холод проникал сквозь меховую одежду и нещадно кусал таежника, доставая зубами до мозга костей. Из-за камней таежник увидел медвежонка, который встал на задние лапы, чтобы далеко видеть освещенный лунным светом унылый край замерзших снегов. У медвежонка весьма романтичным получался разговор по душам с круглой, как яшма медово-красной Луной.

«Здравствуй, ночное светило, яркий алмаз небес, мираж без любви, царица-луна», — не трудным словом, а душой сказал медвежонок.

«Здравствуй, бродяга, братишка-шатун», — ответила сокровище сиянья Луна.

«Живешь ты Солнца отраженным светом. А в собственном сердце есть тепло?» — спросил медвежонок.

«И сам не светишь или несешь тепло и звезды зажигаешь?» — ответила, зеркалом мерцающая, Луна.

«Ты очень красива в жемчужном сиянии и такая же одинокая, как и я», — сказал медвежонок.

«Я люблю одиночество, может быть, потому что скучно с самой собой мне не бывает никогда», — опуская вниз грустный свой взгляд, ответила Луна.

«Я не жалуюсь: есть друзья и уютная берлога, но в душе я навсегда один бродяга», — сказал в отчаянье медвежонок.

«Бывает такое состояние души», — отражая холодный свет, ответила Луна.

Медвежонок шел по вершинам гор, и ветер дул сильно. Он начал подниматься над облаками, и ветер продолжал дуть сильнее.

«Нас окружают миллионы беспечных звезд, но для них мы чужие. Горит душа и сердце ноет», — лил слезы, грусти и печали медвежонок.

«Хватит сил в одиночестве — не растеряться», — надменно ответила побледневшая Луна.

«Мы одиноки, в наших душах бродит ветер», — сказал медвежонок.

«Я верю, что все еще будет хорошо. Главное не потерять надежду», — печально ответила Луна.

Сильный порыв ветра заставил медведя съежиться от холода, но не уйти в теплую и уютную берлогу.

«Твое сердце вмещает все звезды, почему ты не любишь покоя?» — спросил медвежонок.

«Утомленная душа бежит от жизни брэнной, остановки не знает», — ответила недоступная Луна.

«Куда наша жизнь утекает?» — спросил медвежонок.

«К раздумьям, узорам гор и небес, потокам звездных лучей», — чрезмерно сияя, ответила Луна.

«Я знаю, высок твой путь. Твой дух велик, могуч, бесстрашен. Ты непреклонна и всегда молчишь», — сказал медвежонок.

«Я светом оживляю небеса», — с недогнувшей душой ответила Луна.

«Возможно, ты скучаешь по солнечному теплу?» — спросил медвежонок.

«Я открываю дверь небес и догоняю солнце без конца, и жду, как и ты, рассвет», — близко и недоступно ответила Луна.

На бирюзовой вершине ветер был настолько сильным, что медведь мог стоять, лишь хватался когтями за скалы.

«Я тоскую по тебе, Луна, ты далеко, а я один», — сказал медвежонок.

«Ты влюблен, братишка», — улыбаясь, ответила Луна.

«Разве ты можешь любить?» — спросил упрямый медвежонок.

«Луна любит большое черное небо», — ответила Луна.

«Если звезды вдруг угаснут, останешься ли ты со мною?» — спросил медвежонок.

«Мы новой ночью снова поболтаем вместе», — подмигивая, ответила Луна.

Медвежонок был глубоко погружен в свои мысли, и только Луна знала, что творится у его собеседника на душе.

«Не заблудись одна в ночной дали. Я буду ждать, тоскуя по тебе, величественная Луна», — сказал медвежонок.

«Жди, спасаясь от скитанья», — ответила Луна и таяла, таяла.

«Я хочу, чтобы ты вернулась светильником-самоцветом», — вздохнул и задремал странник-медвежонок.

С уходом тьмы ветер уснул, звездный шепот умолк, Луна ушла в другую ночь.

ОТКРЫТЫЙ ПЕРЕВАЛ

После трех дней ненастья северный горный перевал открылся. Постепенно ветер ослабевал, снежные осадки прекратились, уменьшилась облачность над вершинами гор. Похолодание не прекратилось. При заходе солнца заря оказалась ярко-желтая, золотистая, в розовых оттенках и переходила в зеленоватый цвет, указывающий на длительное сохранение хорошей погоды. Ночью в низинах стало холоднее, чем на гольце, в тайге теплее, чем в тундре, и ветер стих. По низинам болот и рек скопился густой туман. Таежник дождался захода солнца и увидел на траве капельки росы, которая усилилась перед восходом, а с восходом солнца исчезла. Местами вместо росы на камнях образовался иней. С природой Тофаларии таежник общался собственным языком, знаками и с уважением относился к характеру сердитого перевала. Распознать предстоящие изменения погоды таежнику помогали температура, влажность воздуха и атмосферное давление. Цвет вечерней зари, форма и размер солнечного диска рождали влажность и температура воздуха. Венцы вокруг солнца и луны, по которым предвидел

таежник ненастье на трудном перевале, образовывались облаками, которые закрывали небо.

Сегодня утром таежник внимательно читал признаки погоды малооблачной, без осадков и туманов. На багульнике и карликовой березке появилась обильная паутина. Комары и мошка в полете роились вертикальным столбом. Легкая дымка покрывала вершины гор. Все говорило о том, что грозные перевалы откроются для кочевков. Утром таежник покормил собаку Алактя и оленя, попил соленый чай с лепешкой, испеченной

в костре. Угли в кочевом костре быстро покрылись золой, тускло тлели рядом с чайником. Дым поднимается вертикально вверх к Полярной звезде. Звезды слабо мерцали зеленоватым цветом, а луна с острыми рожками была окаймлена красным, быстро исчезающим кругом. С пожеланиями доброго пути и хорошей погоды можжевельник поднял вверх свои ветки, прощаясь с таежником.

Таежник подошел к обоим и на грудь камней положил камешек. В глубине сердца он поблагодарил солнце, луну, небо, ветер. Поблагодарил все то, что растет, ходит, летает и плавает, все видимое и невидимое, милостивых учителей, защитников, помощников, источник силы и знаний.

Он осознал, что не может выживать без этих родственных связей. И они не могут жить без его внимания и заботы. Этот язык природы он носил в своем сердце. Таежник три раза обошел

вокруг обо и пошел следом за Алактаем и оленем по тропе к высокогорному холодному перевалу, растворяющему силуэты Саян в снегах и небе.

Старый таежник решил сегодня возвращался на стойбище. Преодолев по тропам гольцы, сердитые россыпи камней и безжалостные моховые болотам Малого Мурхоя, подошел к высокогорному перевалу. Вокруг возвышались мрачные вершины Джуглымского хребта в вечных снегах на высокогорной тундре. Необходимо было преодолеть жестокий перевал, окруженный недоступной крутизной, и перед взором таежника откроется тундра Нижней Хонды и теплые радостные долины Уды Саянской.

В пути осторожный таежник делал прогноз погоды по многим приметам, а не по двум или одной, и еще раз внимательно осмотрелся вокруг. Внимательный взгляд заметил сибирскую кабаргу, которая жила в глухой тайге с буреломом, валежником, высокими скалами вблизи ручья. Она проложила тропу от подножия скалы с вертикальной крутизной до таежной реки. Легко перепрыгивала с одного камня на другой, поддерживая равновесие, питалась травой, веточками, листьями, корой деревьев. Кабаргу что-то беспокоило, она безотчетно выла, громко,

по-животному, и таежник подошел поближе, стараясь понять, что произошло. Ее детеныша, пугливого, робкого и очень неосторожного, поранили лисы. Раненный кабаржонок был так мал, слаб и незащищен, нуждался в срочной помощи. У него не было рогов, а были слезки под глазами. Грустные крупные глаза смотрели на таежника испуганно, но с надеждой. Если пройти мимо и оставить его в тайге, детеныша уничтожат хищники. Добрый таежник перевязал раны кабаржонку и на шею прикрепил оберегающую красную ленточку. Решил спасти кабаржонка-детеныша и понес его на руках через своенравный перевал. Таежник прижимал теленка кабарги к груди, он боялся, что он замерзает и погибает от несвоевременного возвращения холода и снега на строгом перевале, согревал его своим телом и дыханием. Таежник смотрел в грустные глаза, в которых читались испуг и доверие. Малыша слегка лихорадило, и таежник бережно обнимал и гладил его на руках, на каменистых тропах подкармливал оленьим молоком. Маленький олень кабарга — мама шла на неизвестный перевал на небольшом удалении следом за таежником.

Безжалостные солнечные лучи, растопившие снега на вершине, заставили сойти грязевую лавину на угрюмый перевал. Перевал закрылся. Они оказались замкнуты в скальном горном котле со снежными карманами. Пришлось остановиться. Заботливый таежник ухаживал за олененком, и в первые дни с ним много было проблем.

Добрый человек оказался лучшим другом кабаржонка, лечил, рассказывал тофаларские сказки, угощал и посыпал его солью.

Приближающиеся заряды дождя ни на секунду не давали забыть о грозном горном перевале. Молча сутками, лежал кабаржонок без корма, не просил есть и пить, когда таежник задерживался в поисках тропы. Кабарга — его мама от беспокойства и переживания осторожно приходила на туманный перевал и сутками стояла, ждала, искала малыша. Набравшись смелости, заходила на стойбище кормить зовущего ее голодного детеныша. Для кормления отважная мама ложилась на бок и ласково облизывала соленую шерсть детеныша. Собака Алактай радостно виляла хвостом рядом.

Кабаржонок постепенно выздоравливал, и таежник лечил и кормил его лучше, чем себя. Собака для олененка заменяла няньку. Прижимаясь к собаке, малыш согревался, переживая ночные заморозки, закрывая от удовольствия глазки и погружаясь в сон. Собака охраняла и успокаивала его, учила вставать. Умный Алактай не раз находил прихрамывающего малыша и возвращал на стойбище, если суровый горный край накрывал неожиданно небезопасный туман. Вспоминал общую радость, когда появлялось солнце. Каждый день чуткая кабарга прибегала и целыми днями искала в тундре целебные корни и молодые побеги и приносила их малышу.

В ласковых и заботливых руках рана олененка постепенно зажила, он окреп, мех вырос, приобрел темно-коричневый цвет с солнечными оттенками. Вдоль спины рядами засветились светлые янтарные пятна, напоминая солнечные блики. Рисунок светлых солнечных пятен на спине малыша напоминал таежнику раздумья о жизненном пути, и каждый новый день

наполнялся мечтами о новой кочевой жизни. Воздух тундры в вершинах Саян, которым дышал детеныш, становился целебным, а ягель и мох вкусным. Рожденный на воле кабаржонок начал бегать, легко находил себе в пищу лишайники и мхи и не нуждался в дополнительном уходе. Кабаржонок привыкал к человеку и в случае ощущения опасности от хищников не убегал, а подходил под защиту человека.

Вскоре открылся изменчивый горный проход. Неожиданно появилась кабарга, робкая мама ждала детеныша на непредсказуемом перевале. Кабаржонок стал дорог и таежнику, сердцем прикипел он к братишке. Смахнув рукой скупую слезу с обветренного лица, таежник снял оберегающую красную ленточку с малыша и привязал ее к покрытым лишайником камням обо, сложенных пирамидой на вершине сурового перевала. Со всех сторон капризный перевал окружали белоснежные очертания вершин, длинной горной цепи Саян, нетронутой дичайшей природы. Медленно с перевала в долину стекали облака, иногда расступаясь и открывая надежду. Ленточку развевал, словно дыханием крутого перевала, льнущий мистический ветер, помогая на время забыть суровую реальность. Переменный ветер читал мысли, оваянные поступками, красотой сердец, накопленной временем: прошлым, настоящим и намеками о будущем. Красивое и нежное животное таежник отпустил на волю к маме. Сбивая капельки росы с ягеля, счастливые кабарожки через открытый перевал спокойно из горного котла покочевали в дикую тайгу к вольной жизни.

ОКРЫЛЯЮЩЕЕ БОГАТСТВО

Таежник кочевал по горным хребтам Саян, по мирам с прилипающими небесами. Наслаждаясь суровой возвышенно холодной красотой. Сознание таежника восхищенно переплеталось с причудливым рисунком снежных гор, с бескрайностью, приближающей бесконечность звезд. Таежник любил ночное небо, когда оно все было усыпано звездами и планетами. Для него звезды излучали неразгаданные тайны, чем чаще он всматривался в космос, тем больше чудес ему открывалось.

Таежник сидел у кочевого костра на летнем стойбище и кипятил чай, добавляя в напиток листья багульника. Искры от костра, подымаясь в танце, летели к Полярной звезде. Они спорили в красоте с яркостью созвездий, которые отчетливее вырисовывались с последними лучами закатного солнца. Тени от костра тянулись по камням и скалам. Небо с бездной бесчисленных звезд в бездонной бесконечности стало напоминать уютный чум. Таежнику казалось, что чум удерживал сияющие посреди неба звезды. Верхним отверстием, к которому стремился дым, была Полярная звезда. Таежник долго пил чай

и следил, как вращаются созвездия вокруг неподвижной звезды. Самые яркие в северной части небосклона располагались созвездия Большой Медведицы и Малой Медведицы. Звезды вокруг них золотились, сияли, краснели и иногда падали, приводя таежника в совершенное восхищение и вдохновение. Восхищаясь красотой звездного неба, таежник ощущал огромную радость, похожую на сильное чувство, которое он когда-то испытывал в детстве, слушая рассказы старых кочевников. Очарованный созвездиями, внутри таежника заговорил голос из далекого прошлого. Он с восхищением слушал свое сердце; и чем больше голос говорил, тем больше чувствовал таежник потребность смотреть на звезды и слушать сердце без конца. Восторг и ликование лились поэтической выдумкой.

Вселенная, ее небо, земля, луна, солнце предстали перед таежником в виде живых существ. Жизнь неба рисовалась в облике Лунного Медведя, который гонит Солнечного Оленя с востока на запад. Лунный Медведь догнал и схватил солнце и остановился хозяином посередине неба. Он спрятал светило

в своих могучих лохматых объятиях, и над горами наступила ночь. Не стало смены дня и ночи. Звери, птицы, деревья, горы, реки и таежники пришли в замешательство. Они не знали, что им теперь делать. Один смелый таежник из племени Черных Гусей с детства ощущал себя птицей и вызвался освободить Солнечного Оленя из плена. В одиночку вышел он из занесенного снегом чума и побрел по горным хребтам охотиться на Лунного Медведя.

Бродяга в темноте кочевал по снежным вершинам, которые отражали звезды, и незаметно шагнул на небесную тропу Млечного Пути. Таежник ощутил некоторое беспокойство. Мелькали мысли: если вдруг не будет сопутствовать ему в небесной охоте счастье? Или небесный Лунный Медведь окажется сообразительнее и сильнее таежника. Может, больше не вернется он в свой теплый чум, не сможет жениться и не услышит ни детского смеха, ни слов благодарности таежников племени. Пролетели в сердце таежника тени чувств: возмущение, раздражение, ненависть, страх, разочарование.

Он хорошо посмотрел в глубины своего сердца и осознал там эмоции: беспокойство, напряженность, замешательство, тревогу и боязнь. Прижимая амулет Черного Гуся, таежник говорил о своей проблеме и попросил помощи. Появилась робкая надежда, что не откажет в покровительстве Небесная Птица и даст совет, как перехитрить огромного медведя и освободить из его лап Солнечного Оленя. Птица дала ему цветные ленточки, дарующие охотничье счастье. Во время небесной охоты как родного брата таежник встретил Лунного Медведя у Полярной звезды. Шубу небесного братишки украсил медовой красотой, желтыми ленточками. Таежник ласково уговаривал и хвалил зверя, заверял, будто не будет

добывать братишку. Приглашал в небесный чум вместе с Солнечным Оленем и обещал, что поменяет солнце на вкусный мед. Доверчивый Медведь пошел на встречу к таежнику. Как дорогого гостя, досыта угощал Медведя медом. Засыпая, небесный хулиган расслабился и выпустил Солнечного Оленя из скользких лап, перепачканных медом. Перешло солнце в руки небесного таежника. Счастливый таежник укладывал по небесной тропе на запад, разгоняя полет светила над купающимися в золотистых лучах Саянами.

Косолапый медведь проснулся и поспешил вдогонку за Солнечным Оленем. Доверчивый зверь не обиделся на медовую хитрость таежника и остался близким его братишкой. Но на дружеской пирушке забыл таежник амулеты небесной охоты, и навсегда запечатлелись они на небе в виде звезд в созвездиях. Вечно напоминанием амулеты о запретах, которые нельзя нарушать в Саянах. Во время охоты нельзя помышлять о брачных утехах и допускать тени отрицательных чувств, это отпугивает добычу. Созвездие Большая Медведица напоминает об охотничьих мифах и собирает чувства в сердце. Пусть сердце наполняют: интерес, восхищение, благоговение, симпатия, трепет, привязанность, благодарность. Созвездие Малая Медведица напоминает о запретах охотничьих и собирает эмоции в сердце: изумление, увлеченность, энтузиазм, надежду, радость, счастье.

Добрые эмоции и чувства — это и есть настоящее, окрыляющее звездное богатство влюбленного в небеса и горы таежника. В ясную и безлунную ночь таежник глазами и воображением в этих созвездиях разглядывает свои небесные амулеты.

Последняя пульсирующая звезда в хвосте Малой Медведицы и есть Полярная. Переменчивая звезда — это последний забытый на небе таежником амулет Счастье. Неподвижный северный амулет счастья неизменно занимает одно и то же положение над горизонтом гор, а близкие звезды охраняют полюса Счастья. Это амулеты «Надежда» и «Радость». Ходят надежда и радость вокруг счастья по небесной сфере, помогая кочевникам ориентироваться в таежной жизни.

Рассматривая свои небесные амулеты, таежник и на охоте голову добытого медведя уложит на берлогу под самую яркую Полярную звезду. Небесный амулет Счастья всегда видно в отверстие в чуме, откуда пришел первый мифический зверь. Сквозь это отверстие в чуме он общается с Бескрайними Мирами и верит, что дух медведя возродится вновь, в виде проливного метеоритного звездного дождика вернется в Саяны. Шкуру и лапы созданного духами священного зверя не использует для бытовых нужд, а делит на семь амулетов счастья: мудрости, честности, достоинства, смелости, непобедимой мощи, силы и благоразумия.

Таежник сидел у кочевого костра, а олени лениво брели вдоль горного хребта, вдыхая неспешно мшистый воздух и отражая глазами звезды бесконечно синего небо. У небесных врат под Полярной звездой догорал кочевой костер, и угольки еще не превратились в пепел. Таежник совершал скромные приношения, подсыпая сухие цветы и листья горного багульника в кочевой костер с просьбами о ниспослании здоровья и удачи всему живому. Чудесным столпом искры стремились ввысь в распахнутый купол, к загадочным светилам, сестричкам-амулетам — звездам. Восторг и ликование от воображаемого путешествия по звездному небу менялись на простое восхищение полной красотой неба и вечного чуда. Восхищение звездами для таежника не только путешествие в счастливое детство, звезды он рассматривал как приглашение в неизвестный мир Вселенной.

ХРАНИТЕЛЬ ЯЗЫКА

Кочевой таежный охотник Чогду встретил преклонного возраста бродягу-сказителя в труднодоступном месте Тофаларии у горы Чело-Монго. Месяц приподнял золотые рожки, и для зимнего вечера Чогду заготовил больше дров, чтобы всю ночь поддерживать в очаге чума огонь. С почтением и благодарностью Чогду поднес сказителю цветную ленточку, пачку чая, орешки и копченое мясо. На костерке закипел походный котелок с водой. От тепла и чая кочевые охотники расслабились и разговорились. Ночь началась с бытовых коротких сказок, постепенно перерастающих в мифы.

Чогду смотрел на старика как на духовного лидера. Сказитель носил на одежде амулет «Хранитель Образов». Он аккуратно привязал цветную ленточку к амулету. Несмотря на возраст, у сказителя была феноменальная память. Чогду удивлялся, как он мог столько запоминать, не записывая, и по памяти читать, как стихи, длинные мифы. Перебирая и ощупывая амулет пальцами, казалось, он выбирал новый сюжет, имеющий свой неповторимый код. У него был природный дар

красноречия, и рассказывал он мифы образно, ярко, красочно и любил, когда его внимательно слушают. Обладая своим особым словарем, не произносил ни одного пустого городского слова. Сказитель услаждал слух Чогду и Хозяина гор. Рассказывая мифы, казалось, что он призывал удачу и предсказывал будущее. От доброго мифа и амулета действительно шла магическая сила, и кочевник верил, что слова и буквы завтра охоту сделают удачной. Бархатные слова долго тянулись нараспев. Для Чогду перестали существовать чум и очаг с котелком. Он полностью погружался в прекрасный мир.

По звериной тропе грациозно шла оленица, а за ней след в след шел маленький пятнистый олененок. Они передвигались очень осторожно, нащупывая почву. У каменистого ручья олени свернули в горное ущелье. Охотники пошли по следам оленей, тропа вела по ущелью, подымаясь вверх, мимо нагромождения камней и снежных карнизов. Забравшись на небольшой ледник, перед их глазами открылась долина невиданной красоты, с озером, окруженным высокими синими горами.

Охотники осмотрелись и закричали: «Это счастье. Как несказанно прекрасны тундра, озеро, горы, небо и тайга».

А эхо, громко повторяло: «Тайга, тайга, дайга».

Олени, пройдя по берегу озера, медленно поднялись на гору. На гребне горного хребта вдруг оленица превратилась в Золотое Солнце, а олененок остался стоять на скалах. Сменялись времена года, солнце окрашивало долину в разные цвета. Рождались и менялись образы черного и белого оленя, таежной зимы и лета. Оленица заливала снежные вершины волшебным изумрудным цветом, и горы приобретали синий свет длинного летнего неба. Оленица окрашивала в черный свет зимние и темные короткие дни, и покрывались горы

в белый цвет снега. По ночам появлялся месяц, серебряный медведь. Не принимая медведя в свое стадо, уходила испуганная оленница за западную гору. Медведь медленно косолапил за ней. Утром оленница появлялась над восточными пиками гор. А олененок один бегал по скалам, пока охотники его не поймали. Лаской и добрыми словами приручали малыша к людям. Все было прекрасно в этой чудесной стране, но пора было возвращаться в родное стойбище.

С испугом охотники воскликнули: «Гоняясь за оленями, мы не давали названия горам и не запомнили тропу домой».

Дружно охотники стали мастерить амулет «Хранитель Букв», который должен был помочь им восстановить маршрут. Наступило лето, и охотники пошли за олененком по распадкам, вдоль ручьев и озер, через перевалы высокогорной тундры вершин гор искать родное племя Черного Гуся. В пути рекам, горам, озерам охотники давали запоминающие названия, представляющие собой сравнения. На амулете рисовали линию новой тропы, буквами отмечая названия вершин видимых гор. В середине зимы, путешествуя по тропе букв,

описав круг, олененок вновь привел охотников в счастливую горную долину, где светило золотое солнце мамы оленницы. На амулете оказались начертаны 42 буквы алфавита. С каждой буквы начиналось имя горной вершины. На следующее лето

оленинок вновь побрел в высокогорную тундру. Охотники пошли за олененком и прошли по знакомой тропе еще один круг в горах и вернулись зимой в долину. Так они стали привыкать

кочевать кругами через горные перевалы и таежные долины по горам Центральных Саян. С каждым кочевым годом по горно-таежным просторам у охотников становилось больше оленей. В горах произносили кочевники легко и свободно гласные звуки, нараспев, долго тянули, пока дыхания хватало, до захода солнца: «Ооооооооооф», — звали свое стадо оленей к «аааааал» — стойбищу. Кочуя в любую погоду и времена года по бесконечным пространствам высокогорной тундры, охотники привыкали говорить твердыми и мягкими звуками: аь, оь, уь, ыь, эь — и долгими, как затяжные подъемы, — аа, оо, уу, ыы, ээ. Они видели таежный мир разнообразным и различали больше слов по гласным.

Согласные — ффффффф — тянулись, звучали тихо, напоминая шипение ключа и шепот хвои. Эхом горы отражали звуки кочевого мира, собирая в стадо оленей. Букву К не получалось тянуть, звук спотыкался о каменные россыпи или обрывался в глубокий каньон. Произносили сильные согласные с придыханием, глухо. Кыгыш — сгустился лунный и морозный

вечер, слышали таежники, как ворчал, укладываясь на зимнюю спячку, в уютной берлоге Хозяин тайги. Сылтыс — зимняя звезда, белая, как снег, луна. Шентал нежный лунный свет, освещая горы в глухой мгле ночной.

Охотники шли дальше по тропе в поисках земли родного племени, через величественные и суровые горы и реки с прозрачной бирюзовой водой. Буквами наивно рисовали таежную картину на обратной стороне амулета. Гора — дайга, это сердцу и взору родные просторы.

Гласные звуки напоминали легкие вершины в снегах, а согласные — скалистые гольцы. В звуках и линиях букв охотники искали ключ к пониманию жизни и воображали и то, что увидеть было невозможно. Ясно осознавая, что тарымга — совесть, это скребущий зверек, доставляющий неприятные ощущения сердцу таежнику вдали от родины предков.

Сказитель неожиданно замолчал. Костерок в чуме догорел. Наступил рассвет. Ласковый луч солнца осветил глаза на стареющем смуглом лице сказителя. Глаза блестели надеждой, что буквы и слова не исчезнут в пустоте, а будут жить в сердце Чогду. Сказитель снял с груди старинный амулет и попросил принять его. Чогду с удивлением

невольно отшатнулся. Он считал себя недостойными такой чести. Старик настаивал и с молчаливого согласия повесил его на шею молодому кочевнику, оставив одну цветную ленточку

себе. Он интуитивно поверил, что Чогду сохранит кочевые образы, легко играя буквами, передавая их сочетаниями слов. Все получится просто. Кара-кат, черная ягода, была сладкой черникой, покрывающей осенью тундру. Он научится читать живую таежную книгу и постигнет тайны языка гор.

Таежник поблагодарил рассказчика и поехал на охоту. На его сердце было светло, и он напевал песенку. Ему нравились слова об оленях и поиске видений. С ними кочевник постигал горы и погружался в размышления, стремясь найти духовную опору, что горы и таежник должны жить в гармонии. Старался найти общий язык с камнями, водой, деревьями, птицами и зверями. Небо, горы, вода, тайга в воображении таежника были живыми существами, родными братишками. Он слышал ночь и тихий шепот листьев. Пришедший лунный свет с небес слушал таежника, рождая сказку в душе.

Кочуя в поисках зверя и пушнины, подолгу сидел на спине оленя, преодолевая затяжные труднопроходимые перевалы. В эти минуты он на таежном языке вдыхал, подбирая слова, придумывал свои. Сердцем выдыхал коротенькие бытовые припевки, противопоставляя сильные и слабые звуки. Его внимательно слушали олени, горы, небо, ветер, птицы и звери. Ощущение одухотворенной жизни вокруг себя творчески озаряло способности таежника. Он воображал, представлял, понимал, осознавал и запоминал интересные образы.

Линии таежной жизни, которые рисовал его язык, позволяли ему чувствовать себя совершенно счастливым. Языковая картина кочевого мира в буквах отчетливо вырисовывалась на потертом от времени амулете. Тщательно исправлял детали амулета, добавлял новые черточки. Бережно укрывал амулет на груди у сердца от холодного косога ветра и мокрого снегопада. Таежник из племени Черных Гусей не брал с тайги лишнего, бережно относился к траве, деревьям и животным, сохраняя в чистоте сердце, которое хранило язык, говорящий с эхом.

ЗОНА РАВНОВЕСИЯ

По тайным тропам кочевал одинокий таежник, по угрюмым ущельям между тесными скалами и по тундре мимо россыпей курумов, куч нагромождений камней, озер и ручьев. Таежник шел в гору, и каждый шаг ему давался с трудом. Он терпел и шагал уверенно вверх. Он ощущал робость перед горным массивом, осознавая величие снеговых вершин, подпирающих небо. Таежник совершал связанный с опасностью подвиг восхождения к точке соединения неба и земли, где стремился разобратся в себе. Шаг за шагом приближал его к вершине. Он увидел за скалой огромный снежно-ледниковый массив пограничного хребта и бесконечное небо.

Таежник сделал еще один трудный шаг и взошел на самую вершину остроконечной пирамиды. Он находился в центре Тофаларии, под Полярной звездой, на острие небесного чума мировой горы, вокруг которой вращались даже гордые звезды. Таежник представлял гору как священную, близкую к небу, от нее исходило постоянство, вечность, прочность и неподвижность. Вершиной этой космической горы была Полярная звезда,

и воспринималась она начальной точкой Творения, где впервые коснулся земных камней Черный Гусь. В этом первозданном, выходящем за пределы таежного пространства мире, среди куч чистых камней покровитель создал его племя. Вершина горы представлялась особым местом, где бьет родник, рождающий ручей, несущий живительную силу. Таежник развел кочевой костер, вершина осветилась, в сужении сумерек густых все горы погрузились в сон.

Одинокчество на горе оберегало от земной суеты, от мелких устремлений, наполняло дух чувством высоты и возвышения над повседневностью. Таежная жизнь с вершины горы представлялась мелкой, кроме заботы, которая волновала таежника. Заставляла чувствовать в сердце изменения, привнесенные прожитыми днями, и пытаться разобраться в причинах недовольства. Таежник взял в руки Священный амулет, главный свидетель жизни, внимательно читал рисунок событий. Он заново старался пережить случившееся с ним, полностью, до мелочей, со стороны наблюдая важные моменты. Готовился встретиться со своим главным покровителем в поисках возможности обратиться к нему за советом и просьбой об искреннем прощении людей, проявивших недостаточное уважение к природе. Он почувствовал Священное присутствие и начал свой рассказ.

В истоке родового ключа, входившего в охотничьи уголья, поселилось таинственное существо, о жизни которого мало что известно молодым таежникам. Это существо молва стариков наделяла человеческим разумом и считала родным братом. Таежник воспринимал весь горный край как единое живое существо. И был рад соседу. Логово устроил снежный барс в труднодоступном месте. Днем отдыхал, спал, лежал на скалах. Охотится в большинстве случаев перед закатом солнца или утром на рассвете, выслеживая больных животных. Охотятся в одиночку, в засаде карауля добычу у троп, солонцов, водопоев. Наблюдал, затаившись в дневных лежках на скалах. Регулярно совершая обходы своего охотничьего участка, проверяя пастбища диких копытных, или спускался с высокогорной тундры в вершинах гор к тайге, оставляя задиры на деревьях, поскребы на тропах. Ирбис следовал по звериным тропам, проходящим по хребтам и вдоль ручьев, протаптывая постоянные тропинки по рыхлому

снегу. Ирбис совершал большой обход и регулярно появлялся недалеко от стойбища через несколько дней, возвращаясь в логово. На таежника он не обращал никакого внимания. А таежник восхищался красотой хищника, отличавшегося тонким, длинным, гибким телом, относительно короткими лапами, небольшой головой и очень длинным хвостом. Вместе с хвостом он был длиной около двух метров и весом около пятидесяти килограммов. Прошло несколько дней, и ирбис не появлялся. Таежник почувствовал волнение, возможно, что-то с ним случилось.

Пошел искать ирбиса, обследуя альпийские луга, безлесные скалы, каменные россыпи, обрывистые ущелья и снежную зону. Таежник отличный следопыт и, спустившись ближе к кустарниковой растительности, у солонцов на тропе нашел снежного барса. Ирбис лежал без сознания в браконьерской петле, поставленной на рысь, обреченный на мучительный конец. Это была крупная кошка с сильно вытянутым туловищем и увеличенными кормящими сосками мамыши. Шкурой белого цвета, с дымчато-серым окрасом шерсти, с рисунком в виде крупных темных пятен и розеток. Таежник никогда не ставил слепые петли, не считал их охотой. Покачав головой,

таежник потрогал Ирбис, она была еще теплой и не утратила дыхание. Он снял петлю и осторожно понес Ирбис к ее логову. По тропам тундры открытых плоскогорий, пологих скло-

нов, минуя каменные реки и осыпи, к своим угольям. Логово Ирбис находилось среди скалистых нагромождений под нависшей плитой. В нем лежал новорожденный маленький котенок, слепой и беспомощный.

Малыш был раскрашен крупными сплошными буроватыми пятнами на спине и сильно пищал в поисках молока матери. Положил раненого зверя на мох. Противоречивые чувства нахлынули на таежника: с одной стороны, восторг и счастье, с другой стороны — страх. Мучил вопрос. Чем кормить детеныша? Дал с фляжки пить оленьё молоко и вздохнул с облегчением. Котенок жадно пил. Таежник начал его лечить травами. Ухаживал, кормил, поил и Ирбис, и малыша. Далеко не отходил, подложив сухой мох, спал рядом, согревая их своим телом. Помогая Ирбис из сострадания и восхищения, ему иногда казалось, что он принял облик снежного барса и действительно их родной брат. Для таежника время растянулось в ожидании выздоровления, пролетала вечность, и он начал мастерить амулет, наносил на него рисунок жизни. И случилось чудо, через три дня Ирбис вернулось сознание. Она не смогла встать, но открыла глаза, посмотрев на малыша, на таежника, и мяукнула. Прозрел и детеныш. Таежник заботился, кормил и лечил раненого зверя и детеныша. Гладил и ласково разговаривал с ними. Здоровье Ирбис стало поправляться, она начала вставать и вскоре выходит охотиться на мелких сусликов и куропаток, не трогая в тайге потомство зверей и птиц. Ела и растения горного багульника, зеленые части маральего корня и траву. По отношению к таежнику себя вела Ирбис очень робко с чувством благодарности за спасение и бережное отношение малышу. Таежник продолжал подкармливать кошек и иногда отлучался на свое стойбище, приносил молоко и сырое мясо кабарги.

Когда окрепшая Ирбис вновь начала совершать обходы своего охотничьего участка и котенок старался сопровождать мать, на охоте играя с ее длинным хвостом, таежник успокоился и спустился по тропам в долину к своему племени, собравшемуся на Малый Суглан. Он встречался с друзьями — таежными кочевыми оленеводами и охотниками для обмена амулетами. Показывал и свой новый амулет. Много труда нужно положить, чтобы заставить таежника разговариваться, он больше молчал и слушал. Из разговоров стариков рода он понял, что таежники

случайно нашли барса, погибшего в браконьерской петле, которую поставили на волка, а шкуру принесли на Суглан. Таежник побежал смотреть кошку и с ужасом узнал одеяние, которое носила Ирбис. В отчаянии он убежал в горы к логову. Малыш остался один, и таежник стал учить его охотиться — единственного друга и постоянного обитателя высокогорной тундры в вершинах Саян.

Рассказ и рисунок на амулете закончился, таежник сделал паузу. Подумав, решил нанести на амулет силуэт Тофаларии, виднеющейся в тумане надежды. Таежник потушил костер и встал, он понял, что, проявляя неуважение к природе, люди сделали

свои сердца темными. Совершить ошибку плохо, и еще хуже не признать ее. Это была не ошибка, идущая от сердца с недобрыми намерениями, он просил простить ошибки, идущие от

ума, от непонимания ситуации, ложного представления мира. Таежник никогда лишнее с тайги не брал и не устанавливал петли для ловли кабарги, волка, рыси, в которых погибали

ирбисы. Своим примером таежник попытался изменить отношение к природе, создав Зону Равновесия, необходимую для восстановления. Надеюсь, что в далеком будущем люди научатся получать радость, от того, что рядом с ними в горах обитает и красавец снежный барс.

СОБИРАТЕЛЬ ЗВЕЗД

Чудесно блестело заходящее солнце, окрашивая пурпурно-золотым цветом верхушки черных гор. В сумеречном небе растекалось оранжевое свечение. Солнечный изумрудно-зеленый луч мелькал между звезд, зажигая огнем облака. Дрожащее свечение то меркло, то снова разгоралось красно-зелеными всполохами и превратило свое дыхание в ветер — собиратель звезд. Полетел он сквозь вечерний сумрак на свет звезд. Рос неистово ветер подобно далекому зову родственных душ.

Заходящее солнце отражалось в глазах таежника — созерцателя звезд из племени Черных Гусей. Кочевник стоял у подножия бирюзовой горы. Необъяснимая небесная красота счастливого знамения наполнила таежное сердце созерцателя звезд подзабытыми чудесными чувствами цветных снов.

«Здравствуй, братишка ветер! Ты куда летишь, бродяга?» — говорил со свежим ветром таежник.

«Облака скрывают звезды, я гоню огненные тучи за ледяные вершины гор», — ответил ласково собиратель звезд ветер.

Таежник начал восхождение на бирюзовую гору, и теплый ветер мягко обдувал и пьянил.

«Почему заходящее солнце становится красным?» — спрашивал таежник и встал лицом к ветру и к вершине горы.

«Солнце красное сердится, удаляясь», — нудно ответил ветер.

Таежник твердо шел вверх по тропе, слегка лицо от ветра наклонив. Ветер продолжал дуть сильнее. В тени облаков, одна за другой, стали появляться звезды на небе.

«Почему небо темнеет, а в потемках звезды становятся ярче?» — спрашивал таежник.

«Темнота охраняет звездный свет», — ответил собиратель звезд ветер.

В небе глубоко дышал дико черный ветер, чтобы хорошо были видны звезды, а в сером вечере блеснула ледяная луна. Ветер с ног сбивал таежника. Созерцатель звезд твердо шел вверх по тропе.

«Почему звезды странны и чудны и не все видны во мгле?» — спрашивал таежник.

«Сумасшедшие звезды слышат голос совести укоряющий», — ответил ветер.

Воющий ветер дул изо всех сил. Таежник терпеливо шел к вершине бирюзовой горы, освещенной жемчужным светилем и звездами. Колючий ветер дул свирепо, заливая потом лицо и глаза.

«Возможно людям дотянуться до луны?» — спросил упрямый таежный созерцатель звезд.

«Если в сердце царит гармония, все возможно», — ответил ветер.

Теперь ветер был настолько сильным, что срывал камни и бросал вниз. Не давал таежнику согреться. Созерцатель звезд все равно продолжал идти к полному слабому свету.

«Почему звезды движутся, как кочевники?» — спросил таежник.

«Я из отдельных звезд и созвездий создаю чудесные картины, полные цвета, радости и любви. Я хочу, чтобы яркие звезды делали людей счастливыми и меняли их жизнь к лучшему», — гордо ответил ветер.

Таежник взошел на вершину бирюзовой горы, ветер зверел, звезды тихонько дрожали. Таежник в воображении начал сердцем подниматься над облаками, и ветер продолжал бить ему крепко в лицо. Таежник широко открытыми глазами смотрел на звезды, до боли сдерживая слезы.

«Хорошо, если бы одна прекрасная звездочка стала моей», — просил таежник.

«Хорошо. Я попрошу утреннюю звезду спуститься вниз, на бирюзовую гору», — ответил сухо ветер.

Весь в звездной пыли ветер без усталости летал, словно молния, среди необыкновенных звезд. Дотянулся ветер до далеких

созвездий, ухватил звездочку за нежный лучик света и потянул на бирюзовую гору. Зарницы вдруг полыхнули, и холодное небо расколело яркое пятнышко света. Тонкими нитями серебра быстрый пламень звезды вспыхнул таинственно и загадочно погас. В глубокой тьме силой ветра прочерчивая след, по небу ниспадая, покатился золотистый свет. Пролетев прозрачно ослепительно, безрассудно, стремительно. Смущенная звезда мерцала, мерцала и внезапно, обрушившись из лунной тени, заново родилась, созвездия взметая. Волнующе глядела в неге удивленно, синим сумраком, окутывая бирюзовую гору. Звезда, не связанная обещанием и зарокон, обольстительно светила в душу, красиво горела и теплом согревала простых слов.

«Созерцатель, сердце мое себе забирай», — сказала в счастливом мгновении чарующий секрет с неба сошедшая, дивно заполохав, покоренная звезда сумасшедшая. Словно от придуманного праздника сердце таежного созерцателя звезд замирало и дрожало, согретое светлой радостью.

«Почему так ярко разгорается любовь? Я надеюсь, это не сказка?» — пересохшее горло шептало.

«Выгорают остатки скуки», — ответил огненный ветер. Заглядевшись снижением пламенеющей звезды, у созерцателя звезд кружилась голова. «Я увидел нисходящий полет негасимой звезды, свет которой воспламенился в моем сердце?» — прошептал таежник.

«Не бойся света утренней звезды. Счастьем дорожи», — сказал и рассердился ветер.

В глубине души созерцателя звезд происходили огненные взрывы.

«Сколько счастьем суждено продлиться?» — спросил таежник.

«Ветер любит звездное небо за ощущение свободы, только гаснут звезды на рассвете», — уныло сказал, надувшись, собиратель звезд ветер.

Испугался таежник появления свежих звезд на бирюзовой вершине. Закрывая глаза руками, шепотом зарождалось желание. Ощущая дыхание ветра в сладких грезах черной ночи, он точно знал, чего хотел загадать и получить невозможное. Что бы падающие звезды были счастливы очень, очень.

«Сердце ветра вмещает все звезды, почему оно не любит покоя?» — спросил таежник, заметив волнение ветра.

«Я без памяти люблю смотреть на трепетные звезды», — грустно сказал собиратель звезд ветер.

Сердце таежника молилось, чтобы желание сбылось. Не побледнеет волшебный звездный сюжет, не сотрется разноцветными красками восходящего солнца.

«Могут любить звезды светлый рассвет?» — спросил таежник.

Звездный ветер не дал ответ, поперхнувшись в дыхании.

«Тяжело быть звездой рассвета. Звезды любят, когда большой черный ветер упруго дует в лицо», — вместо ветра тихим трепетным словом ответили побледневшие звезды.

Восходящее солнце чудесно выпускало на волю свои золотые лучи, разгоняя по небу погруженные во сны рассветы. В мечтах уснул уставший ветер на бирюзовой вершине, где не гаснут упавшие звезды.

ЛЕНТОЧКИ СЧАСТЬЯ

У косога брода таежник слез с оленя и отрезал кусок яркой ленточки и подвязал ее к дереву на берегу с просьбой удачно перейти реку. Дожди шли несколько дней, вода была большая, и брод оставался для перехода сложным. По скользким крупным камням сильными струями неслась вода. А между камнями были промыты глубокие ямы. Таежник взял длинный шест и, упираясь им о неровное дно, стараясь не терять равновесия, осторожно перешел горную реку по камням. Таежник брел вдоль каменистой речке, туда, где молнии рождались.

Таежник приблизился вплотную к горе, где начинался подъем, из-за своей крутизны он казался значительно выше окружающих гор, выдыхающих снежные лавины. Поднимался по извилистой тропе, ступенями уходящей в объятья облаков и исчезающей из поля зрения. Солнечный диск еле пробивался сквозь облака. Таежник зацеплялся за камни, преодолевая на длинном серпантине пять змеистых зигзагов — их называли «Пять сожалений». Темп подъема сразу упал. Задыхаясь, пыхтя и проливая пот, таежник с каждым шагом буквально уходил

в объятья облаков и вспоминал свое прошлое. Чувство печали, скорби, раскаяния и бесплодные сожаления о минувшем жгли упреками сердце. Сожалел бродяга о нереализованных возможностях и о том, что все хорошее так быстро проносится в таежной жизни. По глупости наделал много плохого, о чем сегодня сожалел, что, возможно, брал лишнее. Внутренний голос говорил: он близко встретил совесть, и духи простят его, если он взойдет на высокий перевал. Обязательно исправится к лучшему и получит душевный покой. В будущем его поступки будут благородными.

Дождь постепенно стих до мелких капелек, и утомительный подъем в высоту закончился как-то неожиданно на ровной, словно срезанной верхушке, на которой стояла сложенная из камней фигура. Здесь были только красные камни с лохмотьями растений. Ветер и снег сформировали из камней изломы, напоминающие фигуру орла.

Таежник стоял в душевной и унылой пустоте, где спали облака, оглушенный звенящей тишиной. Воздух был наполнен влагой и запахом цветов. Тундра сжалась в безмолвии зарниц от предчувствия грозы. Кочевник с доброй иронией почувствовал, что следующие шаги будут легкими, и попросил здоровья, хорошей погоды, удачи и под-

вязал к камням красную ленточку. Сердце таежника сжалось в этот краткий миг, который разделил тишину на приближаю-

щийся гул громовых ударов. Они гремели, разрываясь, бросали золотые стрелы желтых молний.

Измученный таежник поднял голову и над снеговыми кручами холодных вершин увидел торжественный полет орла,

который вдохновенно стремился долететь до солнца среди грома и молний. Взмывая к небесам, смелый орел влюбился и ловил черную молнию с желтым хвостом. Он старался в любви ей признаться. Орел ловко схватил и крепко держал жаром вылепленное волшебным небом озаренное

тело в нежных когтях. Как солнце подымал среди высот огонь летучий. Пьянел орел от счастья, и небосвод колючий визг ветра раздвигал. Мелькали вспышки молний чаще в глазах орлиных, красным ободком озарялись и резали знаменем. Блиста-ли вспышки, заливая огненным пламенем небо, и слышались глухие раскаты грома. Светле-ла темная гора и обрывки мыслей. Твердел пронзительный огонь, и золотые нити задыхались в объятиях орла. Но молния, блеснув огнем, разящая разлитым пламенем, ударила раскаленную стрелой сквозь когти. Вздох — крик озаренный взывал к ветру. Молния играла тонкой вспышкой. Играла нежданною игрою, огнем блеснула, огонь метнула, прорезав на мгновенье тьму и сердце птице. Играла со сча-стьем в прятки, от вспышки до грома постепенно мгновения сокращая. Закутавшись в разлуку, кровью молния обагрилась и с неудержимой быстротой скользнула без оглядки в позолоту гор. Залитый лавою орел горел звездой, мерцал свечою дурма-на в осколках искр. Трещали, рвались в клочья перья и плавил-ись, словно воск. Орлиный вопль был горячее пламени огня и разрывал таинственную мглу. Удары грома слились в протяж-ный грохот в кромешной тьме. Вольный ветер в небе не осту-дил царскую птицу, пьющую жаркий огонь. Орел не взмахивал

надломленным крылом, а сердце птицы превратилось в солнце. Медленно ветер спустил орла в серый мрак расщелин на скалы. Камни вздрогнули и поседели. Воздух стал тяжелее. Зазвенела

тишина. В ужасе звезды прижались к бледной луне. Погасла молния в мокрых глазах орла, будто погасло солнце.

Таежник нашел раненого, опьяненного борьбой орла на камне, закрытого плотным кровавым покрывалом грозовых туч. Орел без радости и печали не мог шевельнуть обгоревшими перьями из-за страшной боли. Таежник подошел к орлу, осмотрел рану.

«Красноречивей безмолвия твои чувства. Ты как солнечный лучик, влюбленный в молнию. Мне известны травы, которые ненадолго заглушат боль и исцелят ожоги черного пламени на светлой душе. Не бойся, я тебе помогу», — ласково сказал таежник.

Гордый орел понял человеческую речь и позволил себя лечить. Желая заручиться поддержкой и ожидая помощи, таежник в знак уважения и пожелания счастья перевязал яркой ленточкой рану орла.

Несколько дней таежник лечил орла и вылечил. Как только орел почувствовал, что может летать, его взгляд вновь забле-

стел, как холодное черное пламя молнии. Развязал ленточки таежник.

«Многие думают только о себе и своем тщеславии. В твоём рисунке жизни существует множество сил, одни из них добрые, другие — плохие. В твоём кочевом сердце живет любовь. В твоём сердце яркие вспышки добра — они осветят кочевые тропы, ведущие к счастью. Добром платить за добро — вот таков закон Ветра — Орла», — сказал орел на высоком духовном подъеме.

Таежник привязал лоскутки ленточек к камням с надеждой, что с орлом все будет благополучно. По обеим сторонам перевала на золоте тундры, покрытой цветочным ковром, рос редкий кустарник и горный багульник. Среди камней склоны серебрились белым ягелем и кашкарой. С перевала открывался очень красивый вид на бесконечные просторы с громадами горных хребтов, с большими перепадами, острыми снежно-ледовыми пиками, разрезающими небо, и отвесными скалами самых причудливых форм. Таежника обдувал прохладный свежий ветер. Он стоял на краю высоты чужого праздника, рассматривая тропу, разделяющуюся на три плохо различимые тропинки, ведущие на спуск с перевала. Он выбил счастливую тропинку судьбы. Стараясь не ошибиться в выборе верного пути, таежник просил духов дать ему разум и внимание.

Звала тревожная тропа без цели, вела в безнадежность, бессмысленно виляла по хребту, загадочно огибая вершины, плескалась в озере заходящего солнца вместе со звездами. Печальная лунная тропа в ватной дремоте грез заманчиво манила вправо, через красивейшее озеро противоречивых горных духов. Несбывшимися надеждами манила она к высоким скалам, минуя вертикальные обрывы, и прервалась в черно-звездном небе.

Прямо с седловины перевала по склону виднелась еще одна лента тропы, не обещавшая денег и похвал. Верхняя и нижняя ее часть, идущая над узкой крутой щелью по срезу в крутом южном склоне горы, вдоль отвесных гранитных массивов. По логу, протянувшемуся вниз, при спуске с сильным ощущением высоты. По ней необходимо было преодолеть на длинном спуске пять зигзагов — их называли «Пять радостей». «С чистым сердцем можно везде кочевать счастливо», — говорил свежий ветер. По прихоти тропы таежник сделал первый шаг. С подошвы перевала его провожали развивающиеся красные ленточки на камнях пирамид, бриллиант луны и орел, поднимающийся в небо, как молния во тьму.

ТАЕЖНЫЙ ДРУГ

Охотничья собака Чурегёш с громким лаем радостно собиралась вместе с таежником на охоту. Назойливо терлась о ноги, виляла хвостом и старалась полизать руки. Чурегёш сама охотилась на белку. По свежему следу находила зверька и загоняла на дерево. Своим лаем сообщала таежнику о добыче. Услышав лай собаки, таежник подходил к дереву, разыскивал спрятавшегося зверька и стрелял. Это была хорошая лайка с развитым верхним чутьем. Чурегёш свободно выбирала изюбря, лося, соболя и белку. Ничего не пропускала. Почерк у собаки был мягкий, кабаргу не рвала, кружила на месте или ставила на отстой. В гон за изюбром далеко не уходила, вовремя возвращались. По кустам и деревьям не лазила, работала издали, пушнину не рвала. Таежник брал собаку искать следы, и она легко могла найти оленя. Искала берлогу медведя и смело работала с ним. Таежник сердцем привязался к Чурегёш.

Спокойствие таежника придавало старой собаке силы, но в последние дни Чурегёш спала все больше и больше, переста-

ла кушать, глубоко выдыхала. Таежник готовился морально к красивому и тихому уходу собаки с минимально возможной болью.

— Отдохнем, посидим, — шептал таежник. — Горная тундра, прими Чурегёш.

— Садитесь, я сделаю Чурегёш кочующей птицей, — ответила горная тундра.

— Тундра, мое сердце глухо стучит в груди и летит наугад? — спросила Чурегёш.

У Чурегёш было крылатое сердце. Крылья его не вмещались в груди. Как сновидение, оно высоко умело летать. Отчуждаясь от прошлой жизни, счастливая собака поддалась милому притяжению, легла на горный багульник и превратилась в кочующую птицу.

— Не бойся! Смело лети! К свободе стремись, себя не жалея! — выдыхала тепло тундра.

Любовь к обожаемой собаке не умирала, и таежник решил выбрать нового щенка.

Таежник внимательно рассматривал щенков, стараясь заметить промысловые способности. Брал малышей в руки, напрягал мозги и судорожно вспоминал, на что надо обратить

внимание при выборе щенка. Все малыши хорошо себя чувствовали, но все они были девочками, а таежник предпочитал во всех отношениях взять кобелька.

Замкнутый таежник сильно загрустил, вернулся в поселок и запил от обиды. Не остановился через неделю и через месяц. В ожидании рождения новых щенков пил каждый день. В это лето семьям охотников, которые стали жить оседло, выдали по корове и участку под покос сена. Но таежник, скупая по любимой собаке, не перестал пить. Не радовался подаренной корове, не охотился и не приносил добычу домой. У его жены был таежный характер, и ей надоела пьяная жизнь мужа. Женщина попросила его бросить пить и серьезно предупредила. Если таежник не одумается и не накосит сена корове, они зимой загнутся с голоду. Не пожалел его ночью. Таежник не испугался. Лег спать, но не заснул ночью, встал, взял флягу, положил в нее сахар и дрожжи. Тихо вышел из дома и в кедрячке спрятал флягу. Вернулся домой и лег спать. С рассветом встал, взял косу и пошел на свой покос. Жена увидела таежника с косой, обрадовалась, что мужик одумался и пошел работать. Догнала его и положила в карманы сигареты и чайную заварку. Таежник пошел к кедрям, забрал флягу и направился по косогору на свой покос. На покосе осмотрелся, налил во флягу воды и в ней размешал сахар и дрожжи. Затем закопал флягу в большой муравейник. В муравейнике тепло, и он надеялся, что брага во фляге быстро созреет. Соорудил чум и в ожидании готового продукта лег отдыхать. Утром просыпался и первым делом принялся и смотрел, как дела во фляге. Днем сидел у костра, пил чай и курил. Иногда по росе лениво косил сено. На третье утро проснулся и как обычно глянул в сторону муравейника. Необъяснимая сила заставила его вскочить от удивления. У муравейника сидел бичеватый мужик в шубе и пил брагу из горла фляги, обняв ее двумя руками. Наглость пришельца заставила таежни-

ка не одумается и не накосит сена корове, они зимой загнутся с голоду. Не пожалел его ночью. Таежник не испугался. Лег спать, но не заснул ночью, встал, взял флягу, положил в нее сахар и дрожжи. Тихо вышел из дома и в кедрячке спрятал флягу. Вернулся домой и лег спать. С рассветом встал, взял косу и пошел на свой покос. Жена увидела таежника с косой, обрадовалась, что мужик одумался и пошел работать. Догнала его и положила в карманы сигареты и чайную заварку. Таежник пошел к кедрям, забрал флягу и направился по косогору на свой покос. На покосе осмотрелся, налил во флягу воды и в ней размешал сахар и дрожжи. Затем закопал флягу в большой муравейник. В муравейнике тепло, и он надеялся, что брага во фляге быстро созреет. Соорудил чум и в ожидании готового продукта лег отдыхать. Утром просыпался и первым делом принялся и смотрел, как дела во фляге. Днем сидел у костра, пил чай и курил. Иногда по росе лениво косил сено. На третье утро проснулся и как обычно глянул в сторону муравейника. Необъяснимая сила заставила его вскочить от удивления. У муравейника сидел бичеватый мужик в шубе и пил брагу из горла фляги, обняв ее двумя руками. Наглость пришельца заставила таежни-

ка схватить косу и кинуться спасать родную брагу. Расстояние сократилось до пяти метров, и бич повернулся к таежнику. Остолбеневший таежник увидел огромную захмелевшую морду старого потрепанного медведя. Брага забродила, и ее запах пошел гулять по тайге, на него и пришел бродяга-медведь попить сладенького. Подвыпивший медведь рывкнул, таежник побледнел от страха. Через секунду или вечность он кинулся бегом в поселок за помощью к мужикам. В поселке никто не удивился рассказу таежника, у всех по покосам ходят братишки-медведи.

Да и лень им было идти в горы после вчерашней охоты на волков. Но таежник упорно объяснял, что медведь с аппетитом лакает его брагу и ее еще много, хватит похмелиться всем, если поспешить, можно спасти сладкий напиток. Мужики сразу схватили ружья и кинулись бегом отбивать брагу у наглого медведя. Пять километров до покоса пробежали за мгновение. У муравейника действительно сидел старый медведь, он, как алкоголик, держал трясущими передними лапами флягу, с удовольствием чмокая, отпивал душистую брагу с горла. Внешне он напоминал бича — бродягу. Шкура его была не новая и висела ободранными лохмотьями. Веселенькие глазки с любопытством раз-

глядывали мужиков. Медведь икнул. Мужики предупредительно выстрелили в воздух. Медведь резко вскочил, но флягу с брагой не бросил. Мужики начали еще стрелять. Пьяный медведь,

крепко обнимая флягу, косолапа и шатаясь, побежал к горе. Таежник в суматохе кричал мужикам, чтобы, стреляя в медведя, не попали во флягу, переживая, что брага вытечет. Мужики не слышали его и в азарте продолжали палить из всех стволов. Медведь петлял, сворачивал, спотыкался, но не падал и флягу с драгоценным напитком не бросал. Брага во фляге аппетитно плескалась, и медведь по каменной россыпи ловко стал забираться на вершину горы. Мужики остано-

вились, никто не хотел ломать ноги в курумах из огромных и острых камней. Погоня прекратилась в ожидании, когда медведь с флягой подымет на гору, что он будет делать. На вершине медведь уютно сел на краю скалы, продолжая отпивать веселящий напиток, громко запел. Мужики, сглотив слюну и разочарованные неудачей, вернулись домой. Всю ночь пьяный медведь ревел песни на вершине гольца и в распадках, ломая веки и сучки, бесцельно бродил. Дебошир наткнулся на волчье логово. Волчицу ранили браконьеры петлей, а щенков разобрать не смогли. На маленьких волчат и вышел пьяный медведь. В беспамятстве медведь устроил побоище. Один волчонок убежал и остался один в тайге. Таежник сидел у подножья горы и плакал от обиды. В слезах он давал себе зарок, что больше в рот не возьмет спиртное и бросит пить навсегда. Многократно повторяя эти слова, поплелся следом за медведем.

Он нашел медведя у разрушенного волчьего логова. Медведь крепко спал. Первая мысль, которая родилась в голове таежника: «Только безумный пьяница смог обидеть волков». Таежнику стало противно, раскаиваясь, что во всех пьяных бедах он виноват, привязал у логова желтую ленточку. Вдруг он заметил совсем маленького исхудавшего волчонка в тайге.

Живое существо настороженно, но с интересом подошло к логу, понюхало и рванулось обратно в тайгу и вновь вернулось. Маленький красивый серебристо-серый дикарь, оскалившись, рычал на человека. Таежник всегда любил волчат и мечтал их приручать и стал ласково разговаривать со зверем как с членом одной стаи. Малыш не убежал и позволял себя гладить. Заботливый таежник не смог бросить его на верную смерть и принес дикого волчонка в свой таежный чум.

Мудрые старики говорили: «Прирученный волк намного благородней собаки, а приручить дикаря можно, если кормить и воспитывать, не жалея сил и энергии». Таежник внимательно наблюдал за малышом. Обратил внимание на внешний вид, повреждений не обнаружил. Достал немного мяса белки и заметил, как волчонок встрепетулся от дикого запаха и стал внимательно смотреть на таежника. Ему сразу понравилось поведение малыша, он двигался легко и ровно, он был активен, любопытен и игрив. Оказывал к таежнику дружелюбие и расположение. У всех собак охотничий почерк разный, но у волчонка таежник читал признаки универсального таланта и умения.

«Хорошо будет работать в тайге», — подумал таежник.

Поначалу они общались в игровой форме, как члены одной дружной стаи. Таежник аккуратно стремился сделать его послушным, как собаку, и в то же время сохранить его индивидуальность и лучшие природные качества — выносливость, скорость, силу, острый нюх. Воплощать эту мечту в жизнь удавалось, вместе участвуя в учебной коллективной охоте. Вскоре волчонок просто привык к таежнику. Он не сидел на поводке, а бегал везде, его даже дикие звери не обижали, добычу не отнимали.

В составе одной охотничьей компании — стаи с таежником прирученный волчонок понимал все команды и жесты не хуже собак. У кочевого костра таежник справедливо делил пищу, незаметно лучше подкармливая волчонка. Таежный друг был равноправным товарищем на охоте, и днем и ночью охранял человека. Привязывая оберегающую белую ленточку, таежник прижал малыша из дикой природы к сердцу и придумал для любимца имя Барбитай с надеждой, что оно принесет новой стае таежное счастье.

КАЛЕНДАРЬ ЗВЕРОВОЛА

В предрассветной заре гор художник писал портрет таежника из племени Черных Гусей, сидевшего у кочевого костра возле чума. А рядом чутко спали преданные собаки, и чуть дыша, осторожно, тише облака, в туманной пыли гольца шли олени каменистыми тропами по отрогам Большого Саянского хребта. Руки кочевого таежника пахли ягодой дикой черной смородины, а его грудь украшал необычный древний амулет. Почувствовав, что художник заинтересовался реликвией, старик рассказал об амулете.

Промысловый животный мир в горах Саян богат и разнообразен, и здесь сохранились охотничьи обряды добывания удачи и обычаи бережного отношения к охотничьим угодыям. Таежник постоянно вел наблюдения о повадках и условиях жизни животных, на которых охотился, и выживал в суровых горных условиях. Приручив северного оленя, определил постоянные маршруты, связанные с местами отела и гона в сочетании с сезонным перемещением промысловых животных, сохранял кочевой образ жизни. День от ночи кочевник отличал по солнцу

и звездам, а природные сезоны — по признакам. На гольцах зацвел багульник — ловится таймень, утки потянулись с юга на север, скоро перекочевка оленьих стад. Оленеводство, охота, ориентирование в пространстве и времени привлекли внимание охотника к небесным явлениям, к наблюдениям за перемещением солнца, луны. Ночуя у кочевого костра, смотрел на небо, рассматривал звезды, взошедшую луну и встречал восход солнца. Фиксировал камнями места восхода и захода в дни солнцестояний и равноденствий, а также положения высокой и низкой

луны. Солнце зимой низко над горизонтом ходит, а летом высоко. Зимними ночами полная луна поднимается высоко над горизонтом, в то время как летними ночами проходит на малой высоте. Растущая луна весной поднимается высоко над горизонтом, а вот осенью ходит низко. Таежник открыл период времени и по светилам считал дни. Таежник изготовил амулет «Календарь Зверолова» — подвеску с точками, закрученными в спирали. Кочуя в соответствии с ритмами небесных светил, рисовал животных, циклы миграции и время удачной охоты. Вовремя перегонял стадо оленей на новые пастбища, ориентировался на местности, определял время наступления дождей

и туманов, предвидел наступление зимы или лета.

В январе тайга покрыта снегом. Все животные прячутся от холода. Спит бурый медведь. Это время охоты на берлоге.

Таежник не любит хитрые капканы и петли, он промышляет с ружьем и верной собакой Алактам. С ее помощью находит берлогу, а при неудачном выстреле собака не даст медведю уйти или спасет жизнь охотнику, отвлекая хищника на себя. Попросив разрешение у Хозяина Гор, чтобы духи удачи дали добыть жирное мясо медведя, охотник на олене приблизился к берлоге. Спустив собаку, слез с оленя и стал ждать у берлоги, становясь ближе к выскочившему зверю, где легче

попасть в него пулей. Охота началась трудно, зверь лежал неудобно, и разбудить его под кривыми корнями вывороченного дерева оказалось нелегко. Собака работала у входа берлоги, и по ее поведению таежник судил, как ведет себя медведь. Зверь проснулся. Выскочившего из берлоги медведя таежник ранил и немного дал собаке потрепать его, аккуратно добил. Раненного зверя долго нельзя мучить, это не любят духи охоты. К добытому братишке таежник подходил осторожно. Случается, зверь прикидывается мертвым, а собака на глубоком снегу не так поворотлива и не всегда сможет спасти охотника, если он слишком близко подошел. Извинился, что снял шубу с брата. Взял с собою мясо и шкуру. А голову и когти на лапах с уважением и почестями бережно оставил на берлоге, поблагодарив духов тайги за удачную охоту.

В феврале восточный ветер дует что есть сил у кромки леса, помогая охотиться на лося и изюбря, гоня зверей по насту.

В марте наступает весеннее равноденствие, и кочует таежник на места наблюдения точек восхождения солнца, где громоздятся горы. Власть солнца с каждым днем начнет возрастать, и природа вновь возрождается. Глухари собираются на месте токовищ, распуская крылья и вырисовывая по снегу борозды-узоры.

В апреле лазурь воды сливается с лазурью неба и в чистом дыхании гор бесконечного ряда пушинками легкими летят на север стаи перелетных гусей.

В мае раскат за раскатом и дождь зашумит с живительной силой над весеннею травой. Происходит отел домашних оленей. Таежник охотится на кабаргу, приманивая ее пикулькой. В конце мая пора кочевать тропой жизни к Белогорью в золотисто-рододендровую тундру в вершинах Саян. Летом опускаются тучи дождевые к подножию гор сплошной завесой,

но надежным ориентиром в пути для кочевника являются различные силуэты сооружений, сложенных из камней, расположенных определенным образом к сторонам горизонта. Такие камни одновременно часы, календарь, компас и жертвенники духам-хозяевам горных вершин.

В июне горные вершины в дымке бирюзовой. Духи запрещают таежнику охотиться. Можно защищать оленей от нашествия мигрирующих стай волков, которое иногда случается. С давних времен таежники почитают волка, видя в нем сверхъестественное существо. Они не убивали волков, думая, что остальные отомстят и истребят всех оленей. Волчат маленькими забирали с ло-

гова, которое находилось на территории охотничьего угодья. Оленеводы говорили о том, что волками распоряжается дух и позволяет задрать определенного оленя в стаде, когда матерая

волчица приводит учить охотиться молодых волчат. Поэтому подобные набеги волков на стадо часто расценивались оленеводами как необходимая жертва, которая обязательно в будущем

принесет удачу, и потусторонние силы будут в дальнейшем оберегать оленей.

В июле пылает солнце, как расплавленный металл. Стоит охотник среди горных высот на рододендровом участке тундры, где цветы нежны и сказочно красивы, бережет оленей. В июне летнее солнцестояние, середина природного лета и самый длинный световой день в году и солнце достигает максимально высокой позиции в небе. Таежник совершает обряд посвящения Хозяину Гор лучшего и красивого оленя. Под звучание хомуса оленю на шею вешает ремешок, к которому привязывает разноцветные ленточки Джалама и просит оберегать стадо оленей. Сколько ленточек у Посвященного оленя, столько и оленей в стаде. Посвященного оленя называют Солнечным, на этом олене запрещено ездить верхом, перевозить грузы и спиливать ему рога. Ходит красивый олень свободным по высокогорной тундре в вершинах Саян, и вольные ветры развевают цветные ленточки вокруг его шеи, напоминая лучи солнца.

В августе падает ночью снег на горах высоких, а на таежных речных долинах вырастают грибы. Среди ягеля и ползучей березки на сплошном брусничном ковре появились бесконечные россыпи красных макушек подосиновиков, лакомство для оленей. Не в силах их удерживать в высокогорной тундре, перекочевывает с Белогорья на осенние пастбища. В это время таежник промышляет изюбря, кабаргу и сохатого, наслаждаясь тайгой. В это время в горах очень хорошо у гольца, наполняющего вселенную мощью, и звезды обжигают мягким светом. В кедровом лесу на хвое приятно сидеть, вдыхая пряный аромат ночных костров, вытянуть уставшие ноги и не спеша спину греть. Поджаривать хариус, блеснуть боковой стороной лезвия ножа, изготавливая амулеты.

В сентябре наступают осеннее равноденствие. В день солнцеворота ночь равна дню. Время вознесения благодарностей, и таежник перекочевывает к своим родовым святилищам в каменную тундру — возносить просьбы и воздавать жертвы

Даятелю пушнины и зверя. Где древние сооружения ориентированы по странам света. В своеобразных доисторических обсерваториях горизонтальной астрономии и отмечает места восходов и заходов светил. С их помощью определяет горные вершины и перевалы. С момента осеннего временного равновесия власть солнца с каждым днем уменьшается. Саяны готовятся к зиме. Тучи спускаются вниз, и собираются в стаи перелетные птицы, и начинается листопад. Наступает время гона быков северного оленя. Появление одиноких диких северных оленей нежелательно, они иногда уводят из стада оленец, но таежник допускает диких самцов в гон, чтобы яловость не была большой. У старых быков рога спадают после гона. В конце сентября с севера дует холодный ветер, и таежник кочует к месту проведения Малого Суглана, запастись продовольствием для зимнего промысла.

В октябре по первому снегу начинает терпеливо гнать драгоценного соболя по следу.

В ноябре часто идет снег, а небо затягивает скучная серая пелена. Таежник занят пушным промыслом на млекопитающих, обладающих ценным мехом, с последующей обработкой.

В декабре зимнее солнцестояние, самый короткий световой день, а ночи длиннее, таежник с добычей спешит на Суглан. В широкой и красивой долине, где подпирают небеса горные хребты и притоки сливаются в реку Уду Саянскую, где нет дорог, а перекочевка совершается верхом на оленях по тропам, проводится собрание охотников и таежных кочевых оленеводов всех древних родов. По окончании Суглана вновь охотник кочует промышлять медведя, спящего в берлоге.

ЛОВЕЦ ВЕСНЫ

Солнечный олененок несколько дней впустую ставил в горной тундре ловушки с ленточками и звал в гости красавицу Весну — подругу Саян. Он сгибал ветки карликовой березы в круг и украшал их самыми яркими ленточками и перьями Черного Гуся — вестника Весны. Есть множество дорог в небе от зимы до счастливой весны. Солнечный олененок ждал, когда появятся гуси и на крыльях принесут теплые дни. Солнечный олененок с радостью встречал в небе косяки гусей, ведомых разведчиками Весны, и собирал перья. Ставил на скалах новые ловушки и лентами привязывал к ним перья, символизирующие смену времен года. Ловушки от дуновения ветерка дышали, посвистывали, скрипели, дрожали, раскачивались в воздухе, как соломки, и помогали ловить пролетающие мимо добрые мысли Весны. Олененок надеялся, что вскоре хозяйка этого времени года направится по верному пути, запутается в птичьих перьях, узелках цветных ленточек и останется в Саянах. Щедро одарит горы принесенными с собой отличным настроением, теплом и подснежниками.

Вчера Солнечный олененок медленно проверил три ловушки, развешанные на горных тропинках. В одной ловушке он почуял свежесть мысли, что чудо живет в его сердце и через несколько дней распогодится, и он увидит подснежники. А сегодня утром все небо затянуло облаками, и бледный снег тягался в танце с безликим ветром и бил в лицо. От сердитого ветра Солнечный олененок зашел укрыться под кроны спящей тайги. Снег среди деревьев лежал ровными пластами сверкающих снежинок.

— Если подснежники растут под снегом, — рассуждал Солнечный олененок, призывая Весну, — то и искать их надо там, где много снега. А сугробы сейчас остались только в дремучей тайге.

Разрывал олененок таежные сугробы, на копытах таяли седые снежинки, а подснежников и не было!

— Я бы рад сегодня волшебные подснежники подарить маме. Она так обрадуется встретить рассвет Весны, — думал олененок.

Олененок копался и копался в осевшем снегу и перерыл все подтаявшие сугробы, он верил в удачу и продолжал искать таинственно-прекрасные цветы. Погода менялась, и глаза Солнечного олененка заблестели от яркого света, заливавшего тайгу. Он любовался игрой солнечных зайчиков на проталинах, смотрел, как медленно тает озаряющийся вечерним солнцем живой лазурью снег. Ловя ртом пахнущий чистым небом терпкий воздух, он услышал, как запел ручей и снежинки захрустели о хрустальные трещинки льда.

Когда тени ложились на склоны гор и таяли на закате, мама нашла олененка в тайге, где утром было много снега, а сейчас вся тайга была другая. Огляделись они и увидели, что тундра и тайга покрыты ковром из маленьких лучистых и светлых синеглазых цветочков. От такого чудесного подарка нарядной Весны мама тихо обронила на первоцветы слезу счастья. Сердца их нежданно забились чаще, они радовались в объятиях запутавшейся в ловушках и ветках тайги нежной Весны. Весна крепко зависла в тундре между островерхими горами и просторной Саянской тайгой.

Капелька счастья

В таежной реке Чело-Монго жила сотканная из талого снега Капелька Счастья. Капелька дружила со Звездочкой Любви и пела ей хвалебные песни. Крошечная звездочка являлась утром и вечером на самом далеком краю небосклона и почти не светила.

Среди миллиарда звезд, похожих друг на друга, Звездочка была скромная. Она мечтала стать сапфиром, такой же большой и яркой, как и другие звезды. Долго блуждала Звездочка, и никто, кроме Капельки, не обращал на нее внимания. Звездочка игриво перелетала из одной части неба в другую, а Капелька думала, что Звезда падает, загадывала желание от этого чуда.

— Я смотрела и слушала, как поешь мне песни, — с радостью говорила Звездочка.

— Я живу в тайге, а мечтаю о бесконечности неба, — сказала Капелька.

И они радовались жизни. Капелька мечтала, как она наберется храбрости, полетит к Звездочке и они вместе увидят всплеск ярких красок, волшебство Луны, красоту Солн-

ца, нежность облаков, на которых живут другие капельки. Однажды капелька, отдаваясь судьбе, покинула тайгу и на мгновение воспарила вверх.

— Вижу прекрасный безграничный космос, света доброту, волшебную нежность, радость, тепло и улыбки! Здесь жизнь неповторима, беззаботна и легка, — сказала Капелька.

У грустной маленькой Звездочки появилась большая надежда, что она поделится с Капелькой своим светом.

Высоко в небе Капелька преображалась в пушистую снежинку, раду, льдинку и в слезинку. Это превращение удивляло Звездочку.

— Сплошной каприз. Ты прекрасна, мои глаза не обманывают меня, в спокойной чистоте чудес, — сказала Звездочка и светилась от счастья.

Капелька дарила Звездочке счастье, а получала тепло и свет ее сердца, без которого не могла жить. Звездочка дарила Капельке любовь.

— Ты желанна. Оставь холодную планету. Привыкай любимой быть! Забудь тайгу, летая в небесах, — сказала Звездочка.

— Мечтаю быть с тобой! Боюсь, вдруг допущу обидную ошибку, нарушу я тайги покой, — напевала мелодию Капелька.

Ведомая теплым светом, Капелька просила звездочку блеснуть под лунным и солнечным светом. Прилетать по утрам к Капельке, чтобы она могла и на рассвете Звездочкой любоваться. Глаза Звездочки светились рассветным огнем восходящего солнца. Капелька подумала: не растает ли она от этого огня?

— Прости меня, краса, но жизнь моя тайга! В твоих глазах растаю туманом, свет солнца растопит меня моментально. Страдая, мы почувствуем что-то печальное, — сказала Капелька.

— Приятно и печально, что с тобой мы не вдвоем, — сказала Звездочка.

— Мы не утратим веру в чудеса и истину простую. Излучая доброту, делаем жизнь счастливой, — сказала капелька и росинкой упала в тайгу.

Ловец Ветра

Над горами Саян постоянно гуляют ветры. Тофаларский Ловец ветра ставил ловушку на тропах горной тундры, на вершинах и в ущельях между горами. Ловец ветра умел вызывать и ловить избранные ветры, а пойманные дуновения вплетал в свою ловушку — амулет, размышлял, когда отпустить или оставить вихрь, выюгу, метель.

Сегодня он поставил ловушку на пустынном перевале Мус-Даг-Дабан. Ловушка поймала редкого посетителя — легкий ветер с сонного заката. В другой раз Ловец ветра поймал свежий буран полуночи, тот, который иногда приносит в горную тундру колючий холод с далеких снежных вершин. Он вспугнул и отпустил на волю умеренный ледниковый ветер и поиграл с ускользящим озорным ветерком. Горы затягивало бесцветной мглой, Ловец ветра на узкой тропинке с волнением вызвал мрачную бурю, но случайно в ловушку попал сквозной Ураган.

— Отпусти меня на волю, — свистом ревел свободолюбивый Ураган.

Дерзкий Ураган из рук Ловца ветра чуть не вырвал ловушку-амулет.

— Ты неверный ветер. Научи меня не бояться высоты и путешествовать вместе с тобой, взметая сквозь тучи и звезды, — полупшепотом ответил Ловец ветра. — Погуляем, летая среди

чудных космических огней, где не гаснут звезды большие и яркие, и я отпущу тебя.

Воздушным вихрем ринулись они вверх в неведомую даль, облетая заверти звезд. Пленный ветер, завывая, показывал свою

силу. Ловец крепко заплел амулет, спешил в ловушке обуздать могучий Ураган. Ловца ветра охватила азарт и, не оглядываясь назад, лентами амулета он укрощал крылатый Ураган. Ветер дул со страшной силой, меняя направление, юлил и вертелся, бунтовал, срывал звезды и в искры разбивал их о скалы. Не повинаясь Ловцу, Ураган разделял себя на тысячу маленьких ветров, собирался вновь в единый ревущий поток, неугомонно взлетал, падал и поднимался, вспахивая лопастями горы и ожерелье неба.

Ураган, не в силах расстаться с небесной свободой, в горячке метался среди закоулков созвездий. В совместном полете Ловец крепко держал Ураган. Ловца ветра вдруг охватила дрожь, окрыленный, он рассеивался, исчезая в вздымающемся Ветре, и не желал возвращаться в Саяны домой.

Пляска Солнца

В день летнего солнцестояния вертеж солнечных отблесков в теплом небесном потоке усилился.

— Скажи мне, милое Солнце, отчего свет с небесной высоты ласковый? Я нахожусь около тебя, и мне так тепло, светло и хорошо? А где ты, белое, яркое, пламенеющее Солнце? Ожидание позади? — спросила Горная Тундра.

Солнце выглянуло из-за туч и осветило все вокруг. Огненный свет залил румянцем всю Горную Тундру. Плакала от счастья Горная Тундра, одетая в изумительное красное платье, сотканное из Цветов Жарков. Цветы Горной Тундры совсем не отбрасывали теней.

Солнце влюбилось в Цветы Жарки, а робкие Жарки, не зная, куда деваться, заливались оранжевой краской, розовели от смущения и не могли сказать воздушные и прекрасные слова любви Солнцу.

Завороженная озаряющим светом Горная Тундра смотрела на парящее безмятежно Солнце сквозь лепестки Цветов Жарков, чтобы оно не очень сильно слепило глаза. Диск Солнца терял свои очертания, и от него отделялось другое Солнце, оно пекло и медленно двигалось в ритме блаженства в окружении вихрей и плавных линий солнечных лучиков.

Солнце начинало пляску безудержной страсти по имени Счастье. Кружение, поворот, взгляд, тайный вздох, ломкое дыханье превращались в чувство. Радость нежно-розовым светом искрилась, плескалась и лилась на Горную Тундру, капризно расплавляя границы.

Знойное Солнце, снегов на вершинах гор не касаясь, приглашало на танец Жарки. Солнечные лучи, обнимая нежно, ласкали Цветы. Они от Солнца в ударе, краснея, отвечали ему вниманием. Солнцу показалось мало этого, и оно, подсвечивая густо-желтым лучом своей любви, слегка вскружило голову красно-оранжевым Жаркам.

Цветки от радости не выдержали и чуть в истоме покраснели как яркий огонь. Солнышко светило чудесным ласковым

взглядом на Цветки. Под нежным светом любви изнемогали в озорном румянце солнечные лепестки! Весь день нежило, лелеяло, играло и забавлялось Солнце с Жарками, увлекая за собой. Жарки в радостном ритме изо всех сил стремились к Солнцу. Воодушевленные Жарки горели пламенем и поворачивались в сторону пляски палящего Солнца, балуясь, следовали за ним страстной гурьбой.

— Солнце, почему, освещая души, ты бликами живешь и пляшешь в Цветах? — с любопытством спрашивала Горная Тундра.

— Солнышко любит и холит пылкость Жарков, потому что они похожи на маленькое Солнце, — сказала Солнце. — Солнце всегда будет над твоей головой.

Весь день плясала Душа Солнца, лелеяло лепестки, забавляясь с Жарками, и огненные шарики были наполнены огромным счастьем внутри.

— Это прощальный взгляд, Солнце? Ты исчезаешь с первой звездой? — спросила Горная Тундра. — Возвращайся, мы еще попляшем светозарный танец с тобой?

Перевал Грез

Мечтательный Олененок заблудился на самом гребне круглого перевала в равнодушном и топком тумане, неожиданно залившим до краев горы Саян ровной бледной пеленой. Еще недавно ярким мир казался, а сейчас от ощущения сложности и опасности пути на узкой тропе ему стало грустно, горько и обидно, что хотелось плакать. Ни звука, ни страха, ни памяти, куда ни пойдешь — кругом один лишь пустой туман.

Всматривающиеся вдаль глаза Олененка были полны внутреннего тусклого света, и на этот свет из далекого ниоткуда прилетел Горный мотылек. Любопытный Олененок наблюдал, не дыша за полетом невесомого Мотылька. Олененок был изумлен и очарован. Для суровых гор он был слишком независим, красив и свободен. Олененок не пытался поймать небесное создание. Забавный Мотылек доверчиво парил рядом, словно душа горной тундры.

— Не верю своим глазам, это Крылатый цветок. Мы с тобой знакомы. Ты мне раньше снился. Здравствуй, Горный мотылек. Пред тобой кочующий странник гор, — сказал Олененок. — Нелепо на ощупь бреду, заблудившись в сумраке тумана. Никак не найду родную тропу.

Крылатый красавец с переливающимися лазурными и лиловыми крылышками влек за собой.

— Ты шел и не замечал меня. Повстречались мы в трудные минуты жизни, а не в мечтах. Восторг наполняет мое сердечко, — улыбаясь, ответил Горный мотылек. — Моя мечта — кружиться у солнечного огня, что горит и светит над горами. Не нужно бояться пути, осторожно кочуй за мной.

Сам того не ведая, восхищенный Олененок несмело шагнул за ним с надеждой на удачу. Горный мотылек, словно крохотная искорка, светился серебристым огоньком, доверчиво порхал у плеча, искоркой танцуя в бархатном тумане.

Рядом с хрупкой красотой Мотылька, шагая по неведомой тропе, вместо отчаяния и страха Олененок чувствовал веру в собственные силы. Олененок понял, что туманные горы изменились. Раньше они были наполнены обманной мглой одиночества. Туманная тишина наполнялась невесомой тайной и наивным восторгом. Мглистое облако на перевале фиолетовых грез медленно растворялось в миражах снежных гор и тонких поблескивающих солнечных лучиках.

Погоня за мечтой

В горной тундре рядом с ускользящей поздней Луной жило свое собственное чудесное, не раскаленное Солнце. Лучи его не грели, а холодом ласкали и удивляли ожиданием мечты. Не засыпал ночью в вечной погоне за мечтой, Олененок со звездною брошью на груди медленно кочевал по ягелю тундры

за Солнцем. Олененок очень любил, когда мечты сбывались, и старался не отставать от светила.

Иногда, зорькою ранней, Солнце всходило на непройденный перевал, диск поворачивался другой стороной, и амарантовый шар зеленью окрашивал свои края. Сполохи Солнца качались, меняли цвета, и тундра приобретала серо-пурпурный цвет.

Подобно дикому низовому ветру, скользил зеленый букет из пляшущих разноцветных лучей Солнца. Вспышки зеленого света солнечного диска зажигали на нежных лепестках густые огоньки. К ним добавлялся желтый, оранжевый, пунцовый и, наконец, красный, вместе вспыхивали мириадами бриллиантов.

Олененок спешил за Солнцем, следом бежали по тундре тени, косыми крыльями в клочья рвали, разгоняя по ущельям мечты. Мечты путались в разноцветных лучах, прорезавших тени, и таинственно манили.

Солнце висело низко совсем, а потом ослепительно подмигнуло, золотом лучей разливаясь. Олененок зажмурил глаза, зажигалось его сердце, отражая золото.

— Мальш, привет. Счастлив ты? — нежно спросило Солнце. — Будь как светлое воплощение мечты, и в твоём сердце вспыхнут золотые цветы.

— Я тебя никому не отдам, если нас накроет туман. Если нежное сердце сожгу, — сказал Олененок. — Я тебя не отдам, без тепла и лучей. Погонюсь по твоим любимым оттенкам следам.

Солнце несмело приподнялось чуть повыше, бликами улыбаясь, пыталось заглянуть в лицо Олененку, окрашивая

в золотистый блеск. Зажигало, слепило, зеркально отражалось в глубоком омуте оживших глаз и в капельках росы. В лучах солнечный лучик дрожал, ласкаясь, прыгал, сиял в холодных туманах души таежной. Олененок улегся на розовые мхи скальной тундры в ожидании лучезарного счастья, которое восторженной мечтой таилась в глубине его сердца. Над пройденным перевалом сквозь сиянье робко просыпались неповторимые чудесные утренние цветы.

Высекатель искр

Олененок жил на склонах бескрайней горной тундры. Каждую ночь он кочевал на вершины гор, чтобы увидеть звезды, которые висели над ним. Чем выше восходил он на вершины, тем шире становился горизонт и тем дальше было видно новые горы. Он открывал для себя другие вершины и новые горизонты, дорожкой уводящие вдаль.

— Летит моя завораживающая звезда, — говорил Олененок, поднимая глаза к горизонту.

С неба падала настоящая звезда. Она пронеслась яркой карминовой кометой и зажгла горизонт. Олененок загадывал желание. Он мечтал собрать все звезды, ниспадающие с бездонного неба. Он смотрел в манящую вдаль, где небо соединялось с вершинами гор, и шел за падающими звездами днем и ночью.

— А вдруг там я попытаюсь найти далекую грань, за которой живет прекрасное счастье, — наивно думал Олененок.

Кочевал в надежде догнать несуществующую линию, где горы и небо едины, но упал от изнеможения и холода. Олененок сидел, грустно смотрел в небо и высекал камнем искры для костра. Искры возносились в небо, долетали до Луны, меняли очертания, мерцали и брызгами смешивались с яркими звездами в черной бездне. Полная луна стояла в самом зените. Изумрудные и сапфировые искры, отражаясь от звездного погонщика, падали на самую середину багрового горизонта. В алом сиянии огненной зари жемчужные искры превращались в черные звездные точки.

— Ты высекаешь искры, но падающие звезды зажигаешь не ты. Найди свою путеводную звезду, — сказала Луна.

Олененок посмотрел в небо ближе к северному небесному полюсу мира, нашел очень яркую, такую красивую и милую его сердцу Полярную звездочку.

— Не упади и не исчезай, когда рядом появятся искры Луны, — сказал Олененок. — Ты очаровательна и нежна, из всех самых дальних в небе звезд. Меня не манит бездонный синий горизонт Саян.

Танцующая Снежинка

Маленькая Танцующая Снежинка была самой маленькой из всех сестричек — колючих снежинок и жила на огромной синей туче. Танцующая Снежинка часто грустила и мечтала вырасти, стать прозрачной льдинкой. Она с любовью нанизывала на себя белые кристаллики.

Она любила танцевать и смотреть вниз, когда облако проплывало над тайгой. Робкой Снежинке стало очень любопытно, захотелось спуститься и посмотреть на эту сверкающую кра-

соту, где можно парить и танцевать беззаботно. И Снежинка прыгнула и полетела в танце вниз к ледяным коронам гор. Спускаясь все ниже в каменном хаосе ледниковых пространств, она смотрела и сравнивала их с разлитой краской небес. Вдруг ее подхватил очень холодный Ледниковый ветер, толщей воздуха стекая вниз, и увлек за собой Танцующую Снежинку.

Цветущий Ледник лежал на вершинных поверхностях гор хребта Хан-Бургут и горного узла. Цветущий Ледник был очень прозрачный и пористый, а на его поверхности находились остроконечные льды, достигающие длины в высоту нескольких метров и напоминали коленопреклоненные розово-серые фигуры Созерцателей полуденного снегопада.

— Ты такая красивая, прелестная танцорша, — сказал Цветущий Ледник — хранитель холода.

— Спасибо, — ответила Танцующая Снежинка.

Дружба с Ледником началась неожиданно. Цветущий Ледник любовался искрящейся белизной кристалликов. Такой же одинокий Цветущий Ледник был рад встрече, на нем жили только розовые снежные водоросли на тающих льдинках Со-

зерцателей. Цветущий Ледник очень услаждался видом бело-снежной весело Танцующей Снежинки.

— Сердцу моему прелестная Танцующая Снежинка удостоила своим запоздалым посещением и доставила наслаждение. Сегодня хороший зимний день, именины снега, моя холодная душа трепещет, — лепетал Цветущий Ледник.

Новое знакомство и новые приключения давали Танцующей Снежинке прилив сил и эмоций. Танцующая Снежинка кружилась и вращалась в заснеженном платье белом, словно от счастья опьяневшая в прекрасном сне.

Завороженный дивными танцами, Цветущий Ледник привязался к очаровательной танцовщице. Они разговаривали о погоде и временах года. А искрящаяся от успеха Танцующая Снежинка невесомой пушинкой все кружила и кружила. Она еще никогда не танцевала так красиво, как сегодня! Снежинка чувственно танцевала метелицу, постепенно обрастая кристалликами розового льда.

— Спасибо, моя милая. Спасибо, что ты рядом. Как важно знать, что тебе рады и что кому-то очень нужен! — говорил комплименты Цветущий Ледник.

Цветущий Ледник сводил ее с ума, хвалил и одобрял. Ясная, светлая, странно Танцующая Снежинка покраснела. В восторге Цветущий Ледник мечтал закружиться в танце с Танцующей Снежинкой и сдвинулся на подгорных трещинах, отделяющих от неподвижных масс снега и льда на склонах гор

тайги. Один край Цветущего Ледника обрывался очень круто, Танцующая Снежинка грустно вздрогнула и заскользила в царство тишины и торжественного безмолвия тайги.

Свадьба Солнца и Луны

Однажды решила молодая Луна вить себе гнездышко на небе. Собрала мерцающие звездочки, выбрала место и начала строить. Но звездочки шумели, вращались, рассыпались, и гнездышко не получилось. Луна огорчилась и расплакалась. В это время Солнце взглянуло на небо и на миг ослепило утихшие звезды огненными лучами и увидело плачущую Луну.

— Почему ты плачешь? — спросило Солнце.

— Я плачу потому, что нет у меня нарядного платья. Хотела я гнездышко уютное построить. Но ничего у меня не вышло, — жалостливо ответила очаровательная Луна.

— Как ей помочь? — задумалось Солнце.

Луна впечатлила Солнце своей искренностью.

— Давай я помогу тебе. Я попробую одеть тебя в мои золотые лучики, — вдруг воскликнуло Солнце.

Луна стала отражением солнечного света. Луна прекрасно преобразилась в ласковую и умную красавицу. Солнце почув-

ствовало взаимную симпатию и что хочет на ней жениться и стало ухаживать за Луной. Солнце говорило ненавязчиво комплименты, а у Луны, пролившись, растаяли слезы.

— Ты очень красивая. Посмотри, какие звезды вокруг тебя. Они похожи на искорки в твоих глазах, когда ты улыбаешься, — от чистого сердца сказало внимательное Солнце.

Солнце понравилось Луне. Солнце объявило о свадьбе с Луной, пригласили всех друзей. Невеста Луна явилась на праздничную церемонию в сопровождении звездочек, и они следовали в виде покрывала созвездий. Гости произносили пожелания.

— Счастья вам. Празднуйте красивую свадьбу и примите ожерелье приветного света, — сказали Звездочки.

— Всем нужен ваш свет. Пусть свадьба эта долго длится. Я дарю зеркало, — сказало горное озеро и стало блестящим, так что в нем отражались Луна и Солнце.

— Классно, молодцы. Это свадьба сладкая, а у всех хорошее настроение. Я дарю невесте цветы, — сказала Тайга.

На веселой свадьбе Луна получила много разных подарков. Жених подарил золотое кольцо невесте Луне. Солнце и Луна в сплетении летели по небу, пели и кружились над тайгой и были самые яркие, красивые. Счастливые в блеске и нежности, они танцевали с парадом планет. Невеста серебряная Луна была такая белая в ярком огне царственного жениха Солнца.

Молодожены много и очень трогательно целовали друг друга для гостей, воссоединяя свои судьбы и сердца. Поцелуи Солнца с молодой Луною рвали дыхание и осветили небо, соединяя любовь и свет.

В яростной лазури воссоединения душ небо светилось сиренево-фиолетовыми оттенками. Над счастливыми светилами сияло огненное изумрудное кольцо, разлившееся по всему

горизонту, по кругу высокими хрустальными сводами, переливаясь разноцветной радугой лучей среди лучей. Солнце и Луна, крепко обнявшись, смотрели друг другу в глаза с надеждой. Пьянеющие от счастья звезды прижимаясь, таяли, гасли и падали на белые снежные вершины тайги.

Плакса Туман

Тихим утром, на грани сна, высоко в горах появилось грустное облачко бирюзового Плаксы Тумана. Скучающий Плакса Туман рос и играл с ледяной горой Чело-Монго. Случайно Плакса Туман поскользнулся и покатился вниз с вершины горы. Он не разбился, остановился и осмотрелся и там, где упал, неожиданно разглядел Бродягу Тропинку. Тоненькая петляющая ниточка скользила среди ледников, ныряла под скалы, тонула в болотах. Бродяга Тропинка металась в стороны, сворачивала

вправо, влево, что-то искала.

— Привет, славная Бродяга Тропинка! — обрадовался Плакса Туман. — Ты куда бежишь?

— Мне нужно пройти из ничтожности тянущихся ям в вершины безмолвных улыбок, посмотреть и раствориться в них, — ответила Тропинка.

— Это чудо! Я знаю такие прекрасные высоты. Даже седые Саяны

поблдеют в сравнении с ними, — сказал Плакса Туман.

— Приглашаю тебя, Туман, кочевать вместе. Попробуем их посмотреть? — ответила Тропинка.

— Как печально летать одному, — окутывая Тропинку, сказал Плакса Туман.

Тропинка взвивалась в горах дальше ввысь, казалось, что она врезается в небеса. Нелегко было тонкой Тропинке среди моховых болот, лавин и камнепадов, пропитанной ветром, бесконечно тянуться между сухим ползучим кустарником, корявым лесом, водопадами, вдоль отвесных скал, нагромождений огромных камней на головокружительной высоте. Она забира-
ла круто, под большим уклоном, повторяя траектории ручьев и горных хребтов.

— Тропинка, терпи, — говорил Плакса Туман, — впереди прекрасные края.

— Хорошо, — отвечает Тропинка, — постараюсь не запутаться.

Плыл позади и по сторонам расстилался Туман, поглощая Тропинку. Накрыл Тропинку белее белого сединой и был ворчлив.

— Милый Туман, из-за тебя ничего не видно, — собирая свои силы и делая решительный шаг, чтобы не повернуть назад, говорила Тропинка.

Тропинка не разворачивалась, а шла вперед и резала края об острые льдинки и камни. Тропинке быть нелегко. Тропинка шла, останавливалась, чтобы перевести дух, и плакала. Усталый Туман забыл про лирику и романтику, прижался к тропе очень близко. Силы Тумана таяли, и он заплакал росой. Летящие вниз слезы росы тумана в полете смешивались с капельками слез Тропинки. Слезы на тропинке замерзали, и белесый Туман рассматривал их. Вдруг он увидел свое отражение. Завороженный открывающимся зрелищем, Туман осознал, что слезы зеркально отражали внутренне состояние смотрящего Тумана, и он понимал, что жизнь — это страдание. У него стало скверное настроение.

— Ничего, — успокаивала Тропинка, — мы кочуем от суеты.

— Это мой самый опасный маршрут, — сказал Плакса Туман. — В скитаниях по тропам я дорос до правды и простых подступивших слез!

В полном негодовании туман обильно плакал росой и становился почти невидимым. Бродяга Тропа и Плакса Туман кочевали рядом, и когда оставался один шаг до Небес, впереди засверкало улыбочивое Солнышко манящим огоньком.

Поющая Буря

Совсем чародейка Буря расхрабрилась, кружит и вьюжит, ревет и страдает. Любопытная Тайга в бесконечной метели кочевала у заснеженного горного хребта Хан-Бургут в компании братишки Солнечного олененка, для того чтобы выяснить причину огорчения Бури. Тайга мечтала успокоить вьюгу, пока она не стерла в тайге всех зверей. В стране вечного холода и снега таинственные духи природы подарили ей песенку. Этой песенкой Тайга баюкала Солнечного олененка, и он засыпал. Когда Тайга пела свою песенку у горы Алхадыр, мимо пролетала Буря. Очень понравилась таежная песенка, и Буря, успокоившись, стала слушать.

— Я очень тебя прошу, Тайга, подари мне свою песенку о Солнце, ветре и горах! Эта песня подойдет моей душе! — просила и вертелась Буря.

— Не могу подарить, — ответила Тайга. — У нас одна песня гор, под нее засыпает братишка Солнечный олененок, и другой нет.

— Я могу ее похитить! — сказала легкомысленная Буря. Схватила песенку и улетела.

— Без песенки мы перестали слышать свои души! — заплакала Тайга.

— Почему ты плачешь? — спросил, проснувшись, Солнечный олененок.

— Налетела взрывом Буря, сорвала нашу песенку и унесла. Душа оставалась безмолвна. Возможно найти и вернуть песню? — спросила Тайга.

Пусто и глухо стало в горах. Быстро бегал Солнечный олененок вдоль рек, по тундре и догнал Бурю на перевале Хурэгтын-Дабан. Буря пела одиноко и печально песню гор.

— Я нашел нашу песенку, — сказал Солнечный олененок. — Вот она в вихре на вершине гор!

— Откуда ты, Солнечный олененок? — удивилась Буря. — Сюда в ураган никто никогда не кочует. Зачем ты пришел?

— Мы пришли за нашей песенкой гор, — ответил Солнечный олененок. — Зачем ты забирала песенку гор?

Удивленная Буря и выронила песенку. Подхватил Солнечный олененок песенку и отдал Тайге. Снова запела Тайга.

— Простите. Я взяла ее ненадолго, чтобы выучить лучше и стать добрее, — улыбнулась Буря.

Солнечный олененок и Буря стали подпевать в одном дуновении о высоких горах, орлах, парящих в небесах, ночных звездах и холодных прозрачных ручьях.

Иллюстрированное популярное издание

Русин Сергей Николаевич

ЛЕНТОЧКИ СТРАНСТВИЙ

Директор издательства С. Н. Мурзин

Корректор В. С. Смирнова

Редактор С. А. Ловчагин

Сдано в набор 02.02.2016. Подписано в печать 01.06.2016. Формат
62×94 1/16. Гарнитура Kudrashov. Печать офсетная. Усл. печ. л. 16.
Тираж 500 экз.

Издательский центр «Артиздат». 664025 г. Иркутск, ул. И. Уткина, 30.
Тел.: (3952) 29-52-65. E-mail: artizdat@irkutsk.ru.

Отпечатано в ООО «Типография Принт Лайн», 664001 Иркутск,
ул. Баррикад, 53.

